

Давид Гай

Землетрясение
в Армении:
записки очевидца

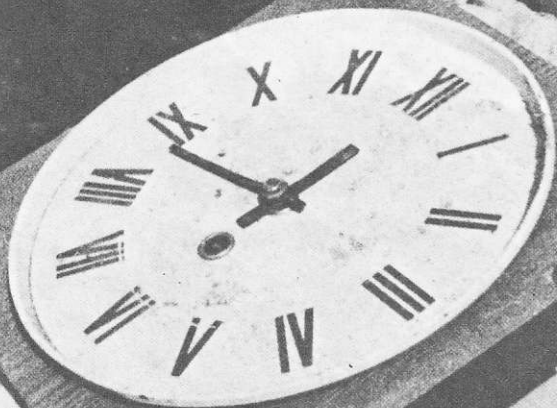
УНЕСУ

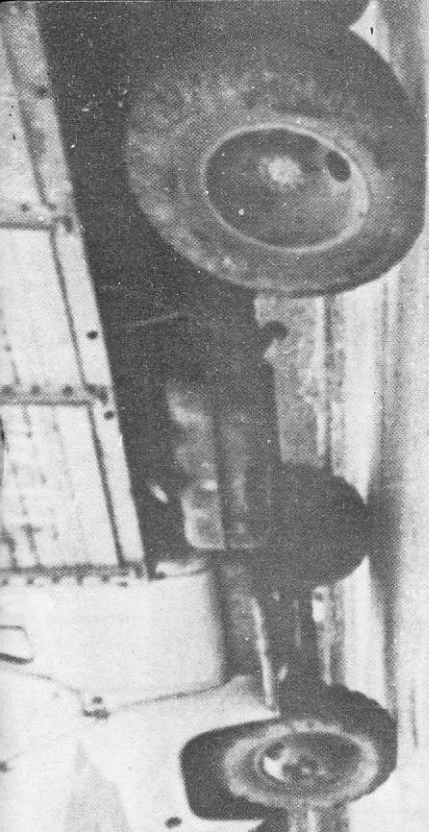
БОЛЬ

ТВОЮ...

Погибшим и живым,
тем, кто не спасся,
и тем, кто спасал,
посвящаю

**Землетрясение
в Армении:
записки очевидца**

Давид Гай

УНЕСУ БОЛЬ ТВОЮ...

Издательство
«Юридическая литература»
Москва 1989 г.

МЫ
ЖИВЫ
НАХОДИМСЯ У
ДЕДУШКИ
ПОГОСЯН. А. Г.

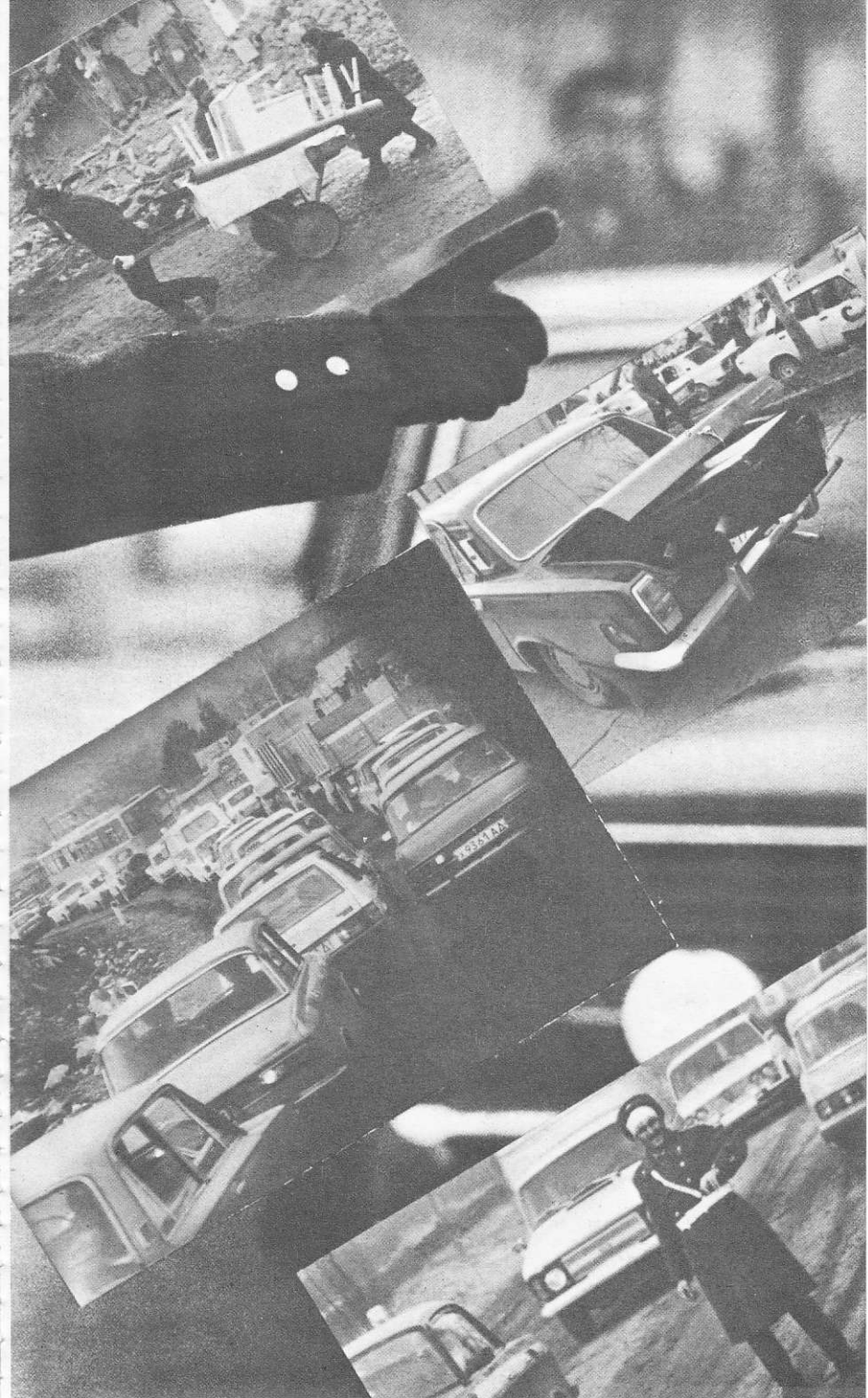

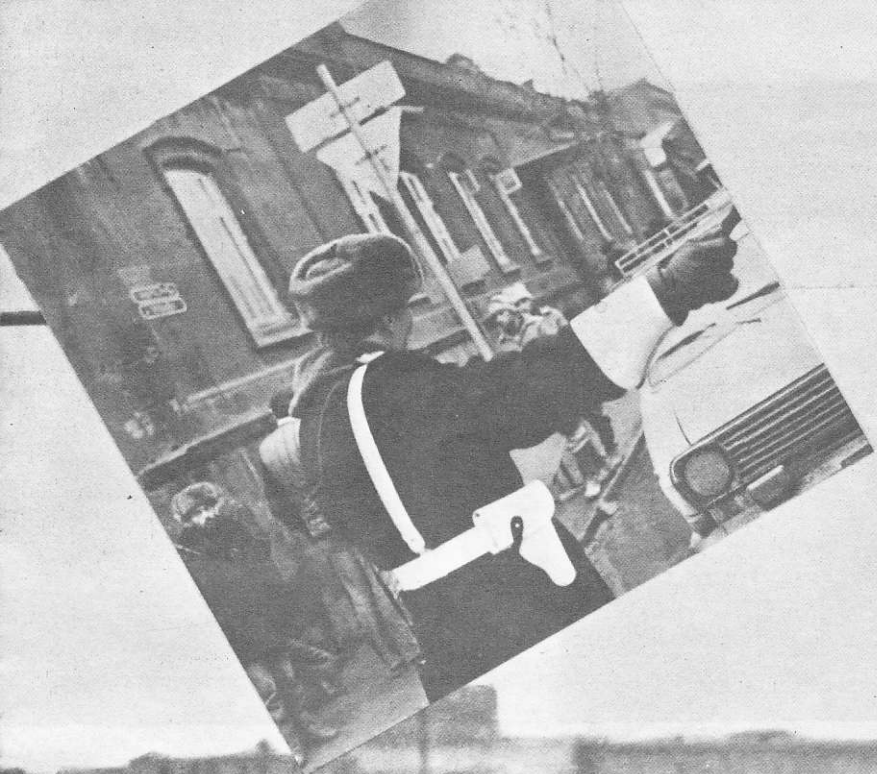

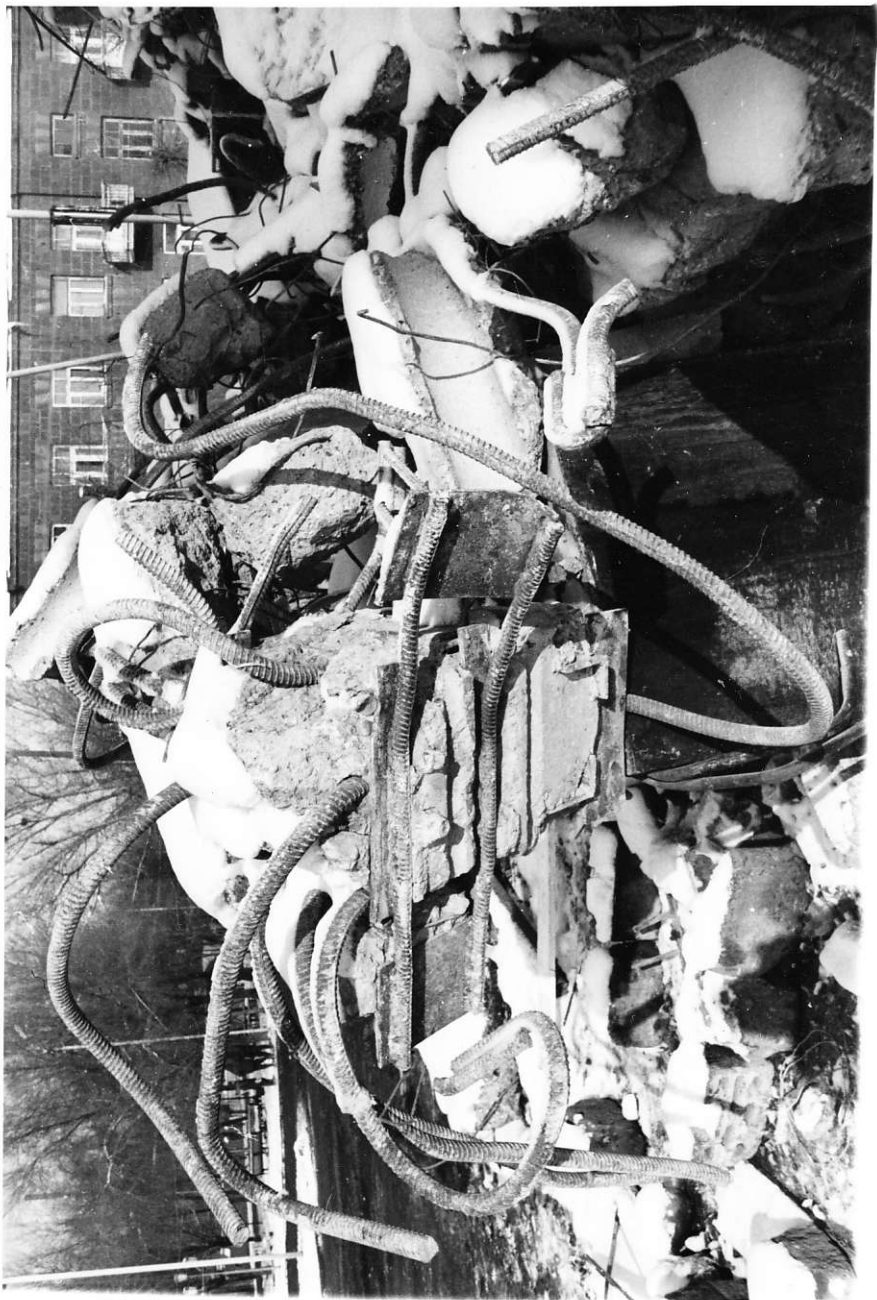

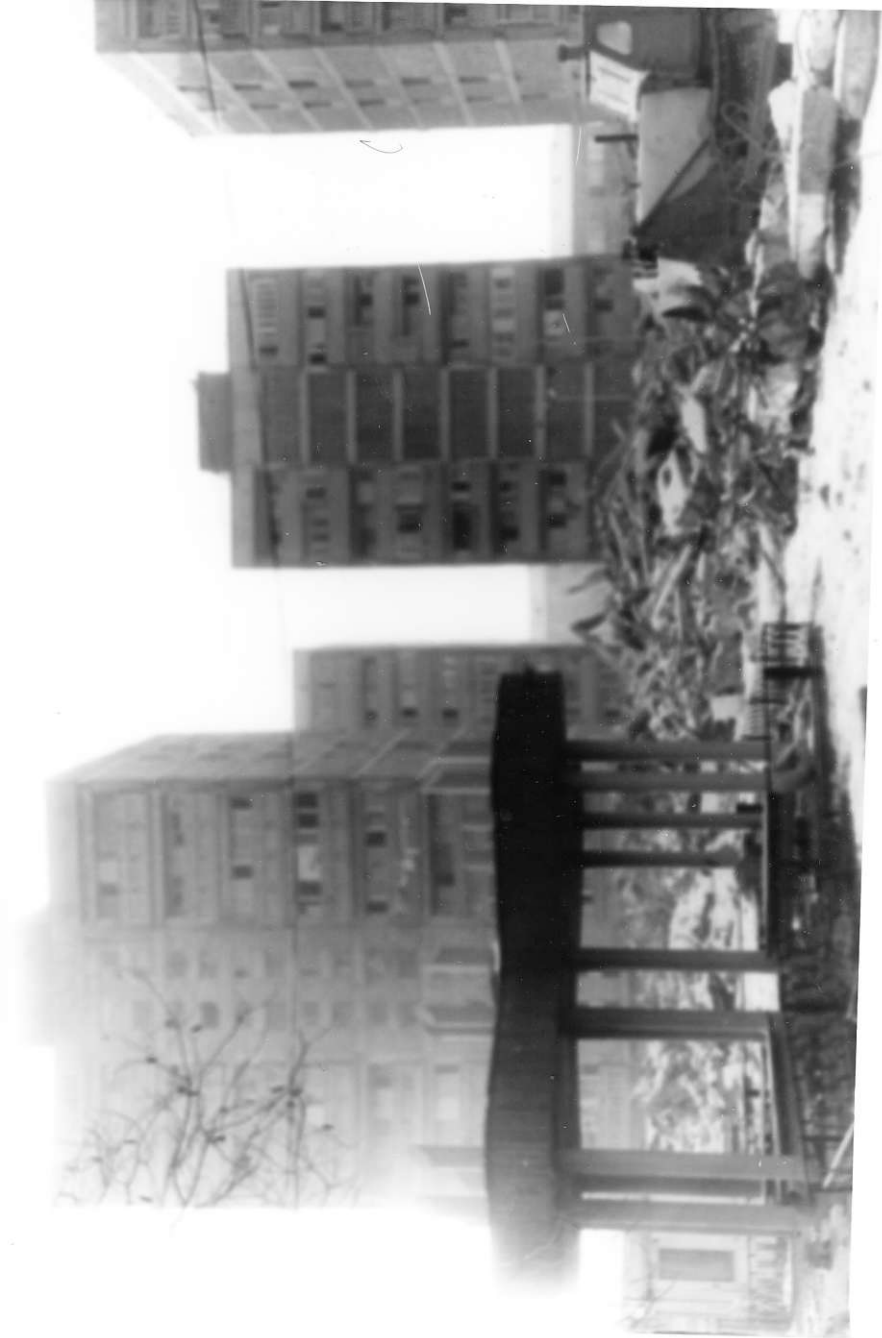

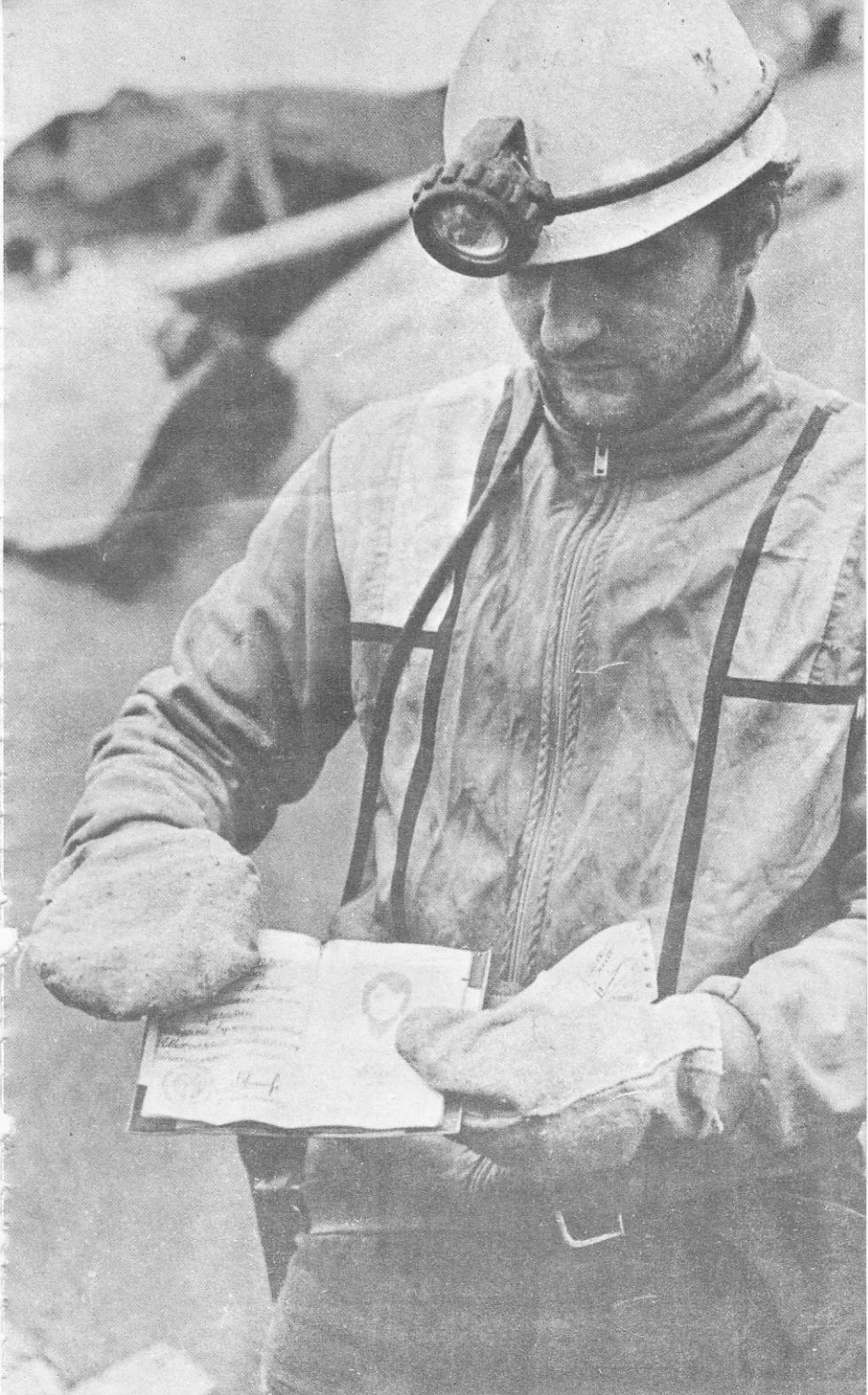

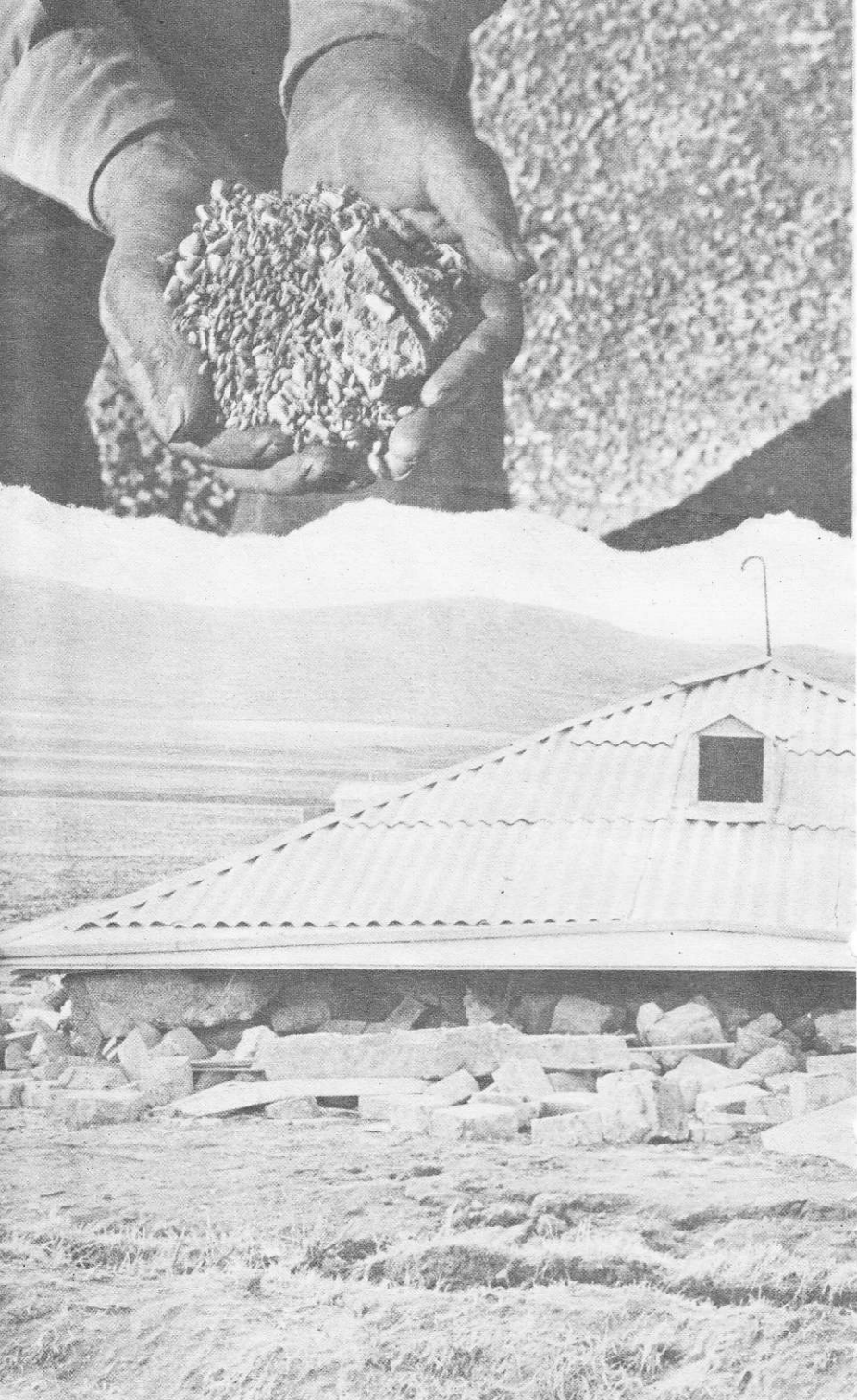

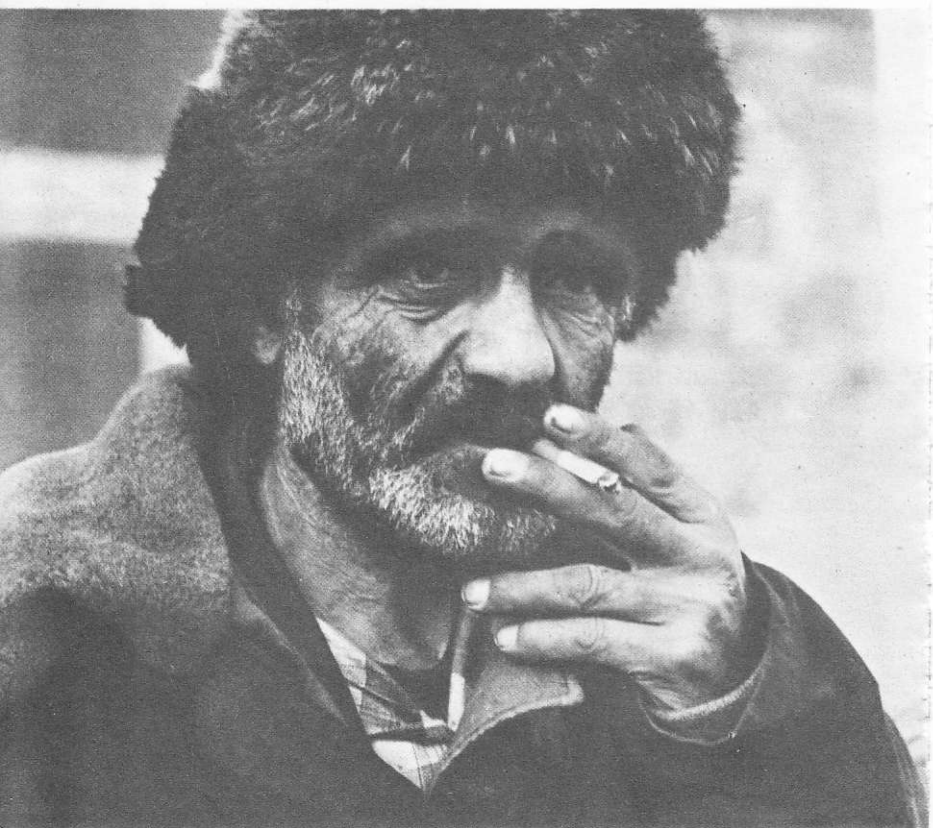

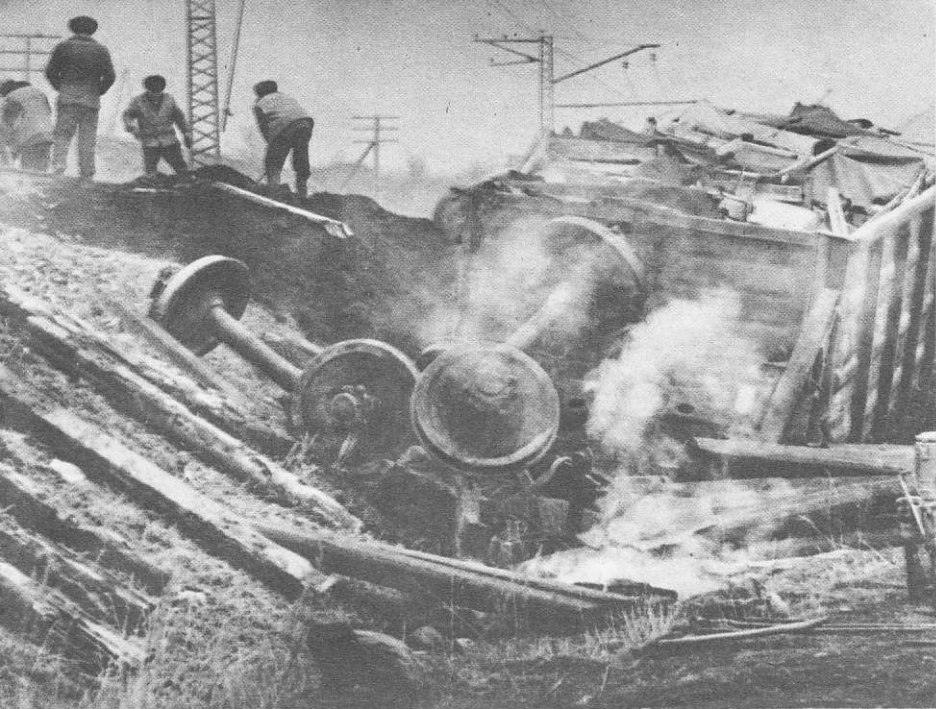

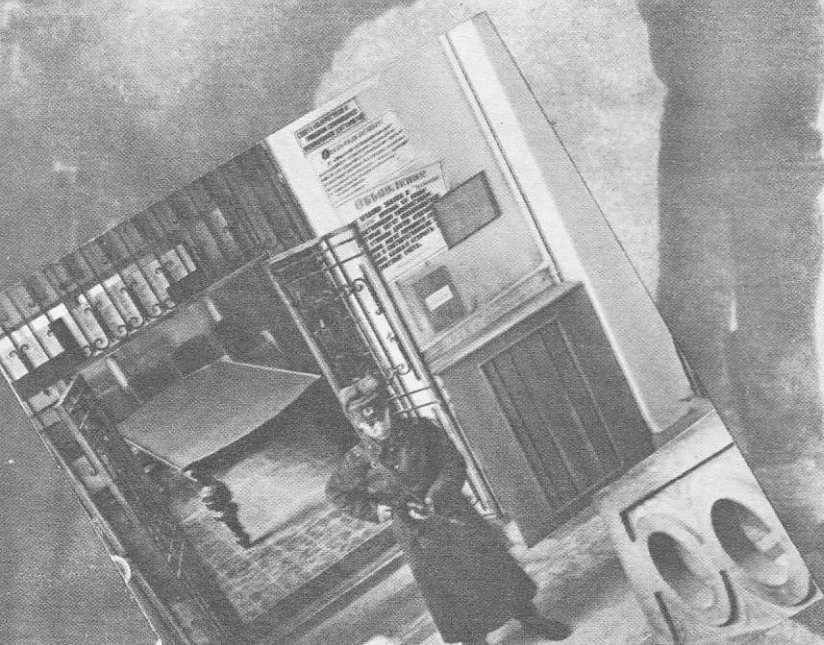
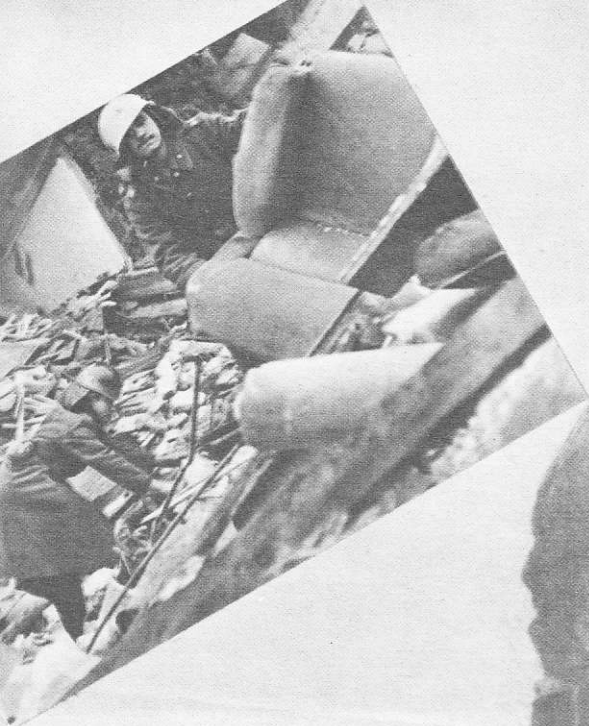

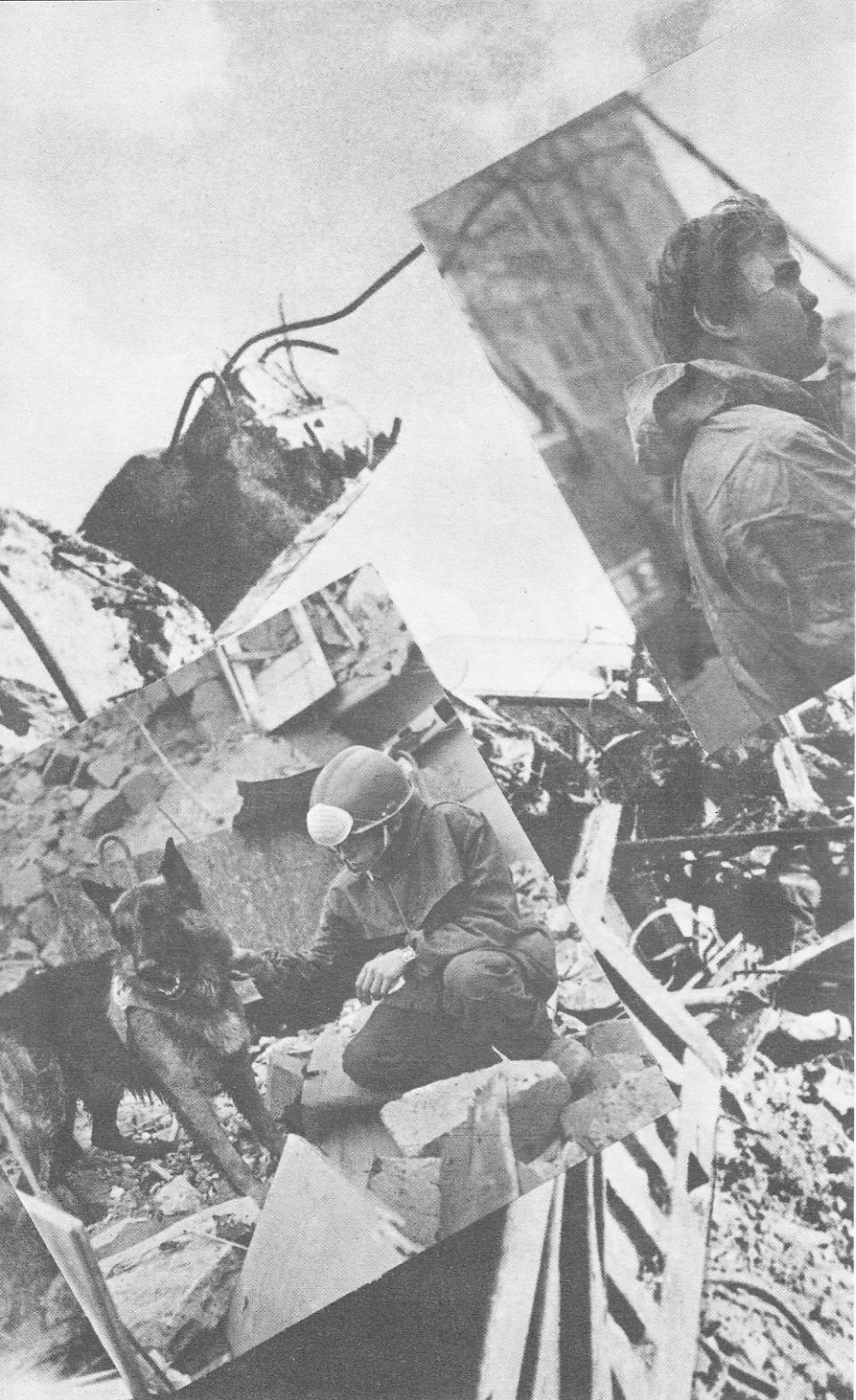

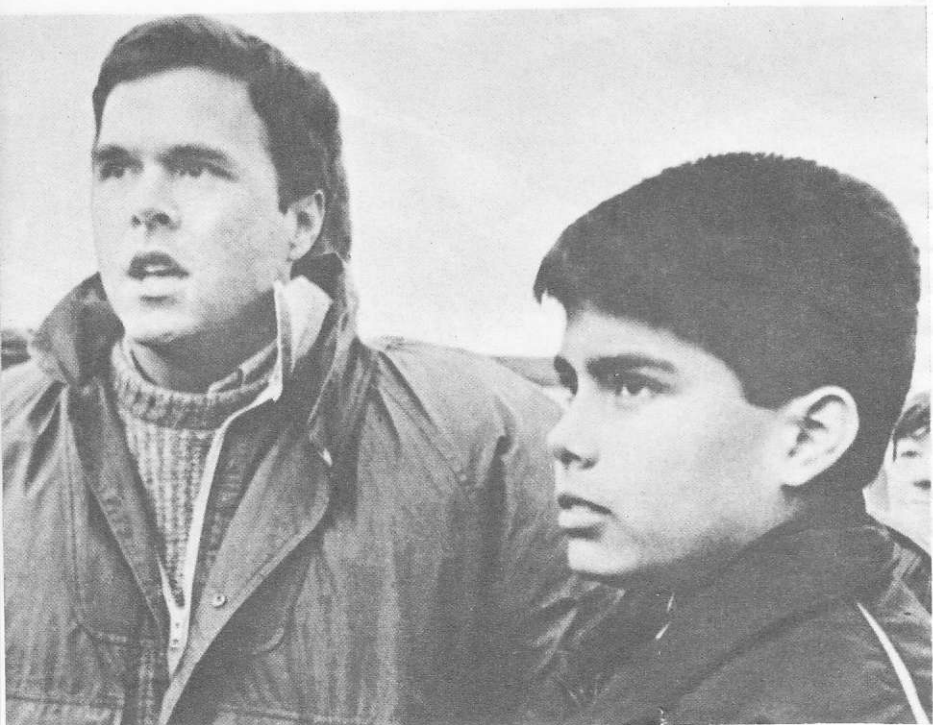

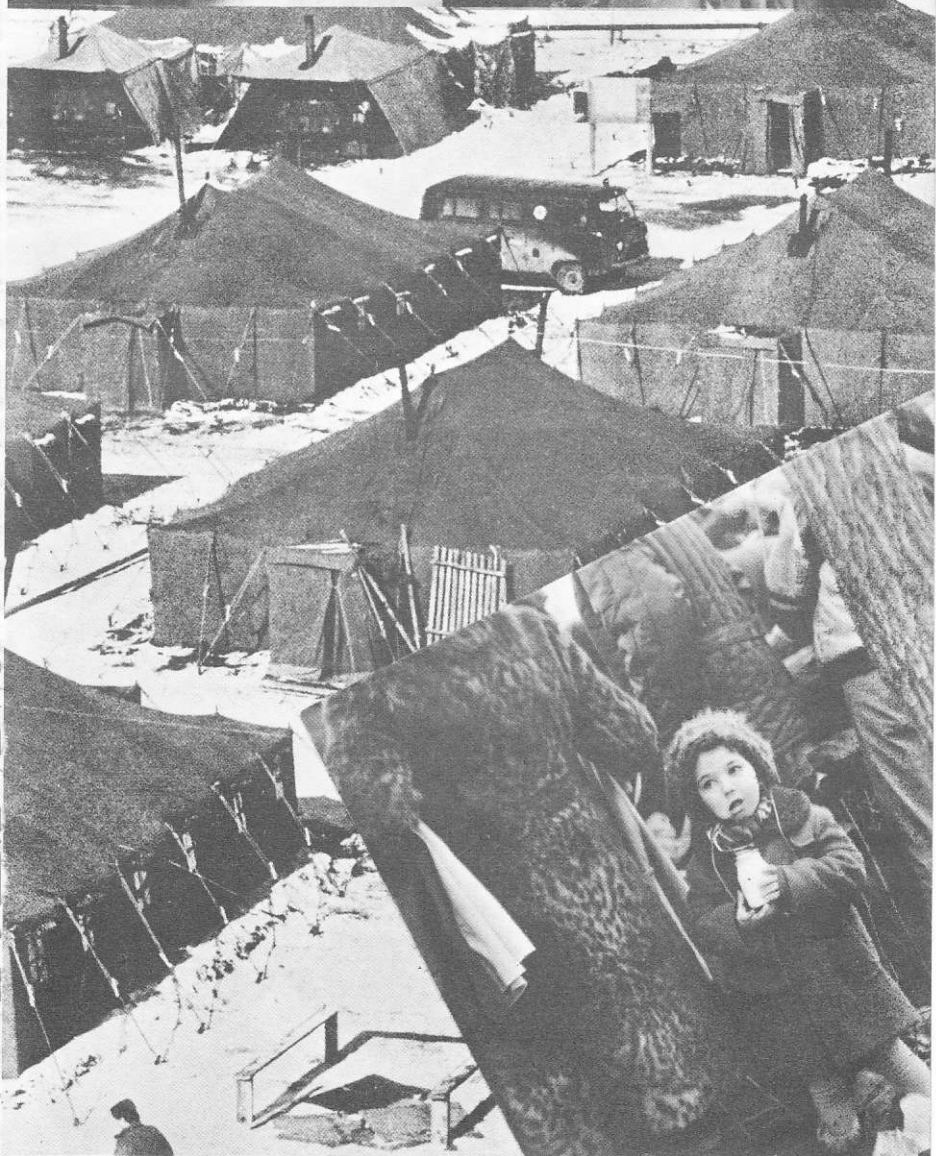

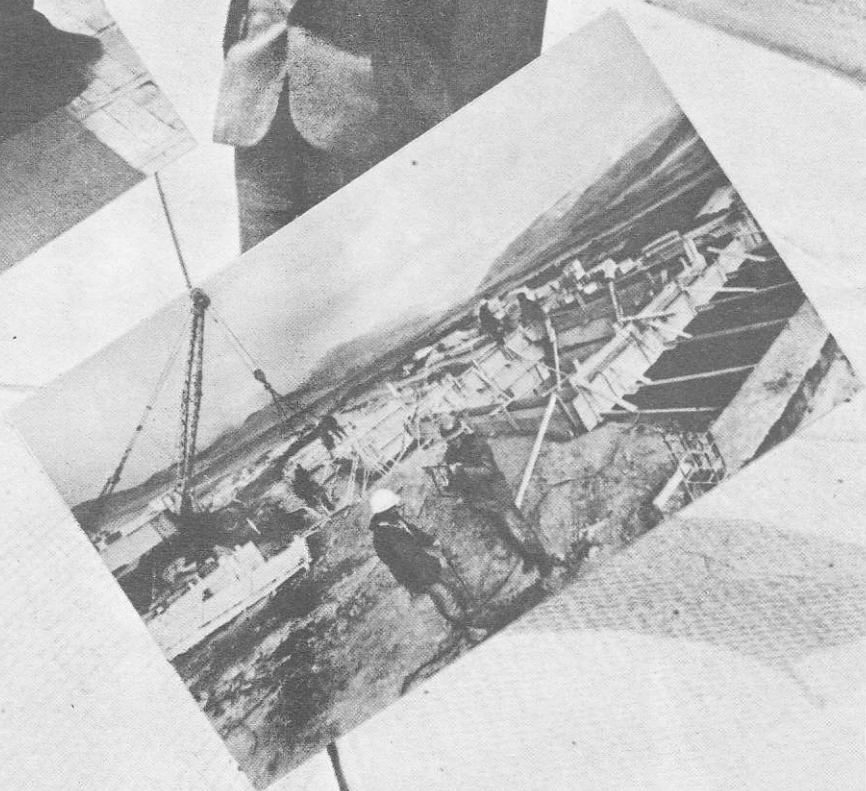

Давид Гай

УНЕСУ БОЛЬ ТВОЮ...

Землетрясение
в Армении:

записки
очевидца

ПЕРВЫЕ
ВТОРЫЕ
ТРЕТЬИЕ
ЧЕТВЕРТЫЕ
ПЯТЫЕ
ШЕСТЫЕ

СУТКИ НЕДЕЛЮ МЕСЯЦ

СПУСТЯ

КОГДА
МИНОВАЛ

ВЕСНА СОЗИДАНИЯ
НАПЕРЕКОР
ЗЛОМУ РОКУ

84(2)7
Г 14

Редактор В. А. Терехина

В книге использованы фотографии
Александра Александрова,
Андрея Гореловского,
Владимира Сварцевича

Г $\frac{4702010201-114}{012(01)-89}$ КБ-15-10-89

84(2)7

ISBN 5-7260-0259-8

© Издательство «Юридическая литература», 1989

Мне довелось быть свидетелем крупнейшей катастрофы на территории СССР, связанной с землетрясением в Армении. В качестве специального корреспондента газеты «Вечерняя Москва» я побывал в районах бедствия, увидел горе и мужество, слезы и самопожертвование, отчаяние и надежду, стремление людей разных национальностей помочь жителям армянских городов и сел, потерявшим близких, оставшимся без крова, облегчить их страдания.

Землетрясения не ждали и поэтому оказались в значительной степени не способны противостоять натиску стихии. Сразу же стало очевидно, что мы вообще не готовы, не умеем моментально реагировать на экстремальные ситуации, что в стране нет четкой системы организации помощи в чрезвычайных обстоятельствах.

В зону разрушения попала большая территория: несколько городов, многие десятки сел. Естественно, я не мог все разом охватить, везде одновременно побывать. В книге я опираюсь не только на собственные впечатления, воспоминания, встречи, но и использую хронику событий, некоторые, наиболее важные публикации моих коллег. Без этого невозможно более или менее полно воссоздать картину борьбы с последствиями катастрофы.

Землетрясение многое высветило в нас самих, гражданах огромной многонациональной страны. Высветило и хорошее, и плохое. Хорошего было несоизмеримо больше, но и на плохое нельзя закрывать глаза.

Уроки Армении трудно переоценить. Важно сделать из них правильные выводы. Хочу верить, что книга «Унесу боль твою...» хоть в какой-то степени поможет в этом.

7 декабря в 10 часов 41 минуту по московскому времени произошло сильное землетрясение в северных районах Армении. Сила толчков в эпицентре составила свыше 8 баллов по двенадцатибалльной шкале. Это — наиболее мощное землетрясение на Кавказе за последние 80 лет.

В ряде районов Армении имеются значительные разрушения, человеческие жертвы и раненые. Особенно пострадали города Ленинкан, Кировакан, а также Спитакский, Степанаванский, Амасийский, Гугаркский районы.

Подземные толчки ощущались также в Ереване и Тбилиси, в ряде районов Азербайджанской ССР, Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР.

Для ликвидации последствий землетрясения создана правительственная комиссия... Вместе с республиканскими органами комиссия предпринимает все необходимые меры для организации спасательных работ, оказания помощи пострадавшим, обеспечения людей кровом и продовольствием. В первую очередь восстанавливаются объекты жизнеобеспечения людей. Вместе с воинскими подразделениями и формированиями гражданской обороны на восстановительных и спасательных работах действуют добровольцы. В районы бедствия направлены медицинские бригады.

(ТАСС)

ПЕРВЫЕ СУТКИ

«...Двинулись
с мест своих...»

Мы, наверное, разучились удивляться, поражаться, воспринимать разумом, а главное, сердцем внезапную беду во всей ее острой, беспощадной неприкрытости. Слишком много всего обрушилось на нас в последние годы: Чернобыль, гибель теплохода «Нахимов», столкновение поездов в Каменске-Шахтинском, взрыв близ Арзамаса... И потому, быть может, самое первое сообщение о землетрясении в Армении во многих из нас не сразу отозвалось той раздирающей болью, которая пронзила миллионы людей спустя короткое время. Тогда, вечером 7 декабря, переданную телепрограм-

мой «Время» информацию не все восприняли как знак подлинной трагедии. Хотя было сказано, что «имеются значительные разрушения, человеческие жертвы и раненые», однако степень катастрофы оценить пока еще было трудно. «В эпицентре свыше восьми баллов? Ну, значит, в остальных местах пять-шесть баллов, не очень, должно быть, страшно...» — так, возможно, думали многие из сидевших в тот вечер у телевизоров в московских и прочих уютных квартирах.

В первые часы так думали и на большей части самой Армении. В Ереване, например, раскачивались люстры, сыпалась штукатурка, в отдельных домах образовались мелкие трещины на стенах и потолках. Но паники не было и в помине: в зоне повышенной сейсмичности такие толчки вовсе не редкость.

В момент землетрясения шло заседание бюро ЦК Компартии Армении. Некоторым из присутствующих показалось, что заходил пол под ногами. Заседание прервали. Тут же позвонили на Армянскую атомную станцию. Оттуда передали: у нас спокойно, поводов для волнения нет. Еще несколько звонков на предприятия, в институты, районы города — везде как будто порядок. Первый секретарь Ленинанканского горкома партии М. Мкртчян, словно почувствовав что-то, накручивал диск телефонного аппарата, пытаясь связаться со своим городом. Связи не было. «Почему в горкоме никто не отвечает?» — недоумевал он. Не знал тогда еще Мисак Левонович, не подсказало ему сердце-вещун, что под обломками разрушенного здания погибли его близкие...

В ЦК распорядились — на всякий случай послать на разведку вертолеты по нескольким северным направлениям. Заседание возобновилось. На следующий день руководство республики планировало вылететь в Москву для участия в решении назревшей проблемы Нагорного Карабаха. Никто из членов бюро не представлял себе, какое горе обрушилось на Армению.

Текли минуты, часы. И вот уже поползли по Еревану слухи. В них не хотелось верить. Пролетавшие над Ленинанканом летчики видели гигантское пыльное облако, окутавшее город. Водители автомобилей, вырвавшиеся из второго по величине центра республики, клялись, что на их глазах девятиэтажные дома разваливались, как игрушечные, слепленные из песка. Очевидцы заверяли: руины, в которых живо погребены тысячи людей, буквально стонут.

Очень скоро узнали о бедствии и жители соседней Грузии. Источники сведений были разные. В частности, нашлись люди, которые видели все собственными глазами. Группа водителей из грузинского городка Ахалкалаки ехала по делам в Ленинакан. Они уже подъезжали к городу, когда почувствовали земные толчки и увидели, как рушатся здания. Они тут же развернулись и помчались домой, чтобы оповестить о свершившейся трагедии. С ближайшего телефона дозвонились до первого секретаря райкома партии, тот, в свою очередь, моментально дал знать в Тбилиси.

Часа через два житель Еревана Айказ Торосян, по служебной надобности оказавшийся в Ахалкалаки, бросился с друзьями на базар и стал набирать еду для пострадавших в Ленинакане. Он понимал: это сейчас тоже важно. Собрали овощей, фруктов, мяса, сыра, зелени на 4 тысячи рублей. Торговцы-грузины, снабдившие провизией, не взяли ни копейки. Рассказывая мне об этом, Торосян не уставал гордо повторять: «Вот они какие, наши соседи!»

Чудовищные сведения доходили из других мест. В Спитаке целыми остались считанные дома, в Налбанде крыши распластались по земле. И сами собой всплывали в памяти бессмертные слова Иоанна Богослова: «...произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои; и небо скрылось, свившись как свиток; всякая гора и остров двинулись с мест своих...»

В тот же вечер вся Армения, мучимая апокалиптическими видениями, тревогой и надеждами, словно в едином порыве, бросилась на выручку. Сын ехал спасать мать, отец — сына, брат — брата.

Уже начал прокладываться воздушный мост в Ереван, вскоре связавший его со всей страной, со всем миром.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОМПАРТИИ
АРМЕНИИ, ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА АРМЯНСКОЙ ССР,
СОВЕТУ МИНИСТРОВ АРМЯНСКОЙ ССР,
ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ АРМЯНСКОЙ ССР

Дорогие товарищи!

Только что узнал о тяжелой беде, которая постигла народ республики.

Мне передали, что произошло небывалое по силе землетрясение, повлекшее за собой трагические последствия — гибель многих людей.

И меня, и всех представителей СССР, находящихся здесь со мной, это тяжелое чувство потрясло до глубины души.

В этот трудный для народа Армении час я хочу выразить самое глубокое сочувствие и соболезнование семьям, потерявшим своих близких.

У меня только что состоялся разговор с товарищем Рыжковым Н. И., Председателем Совета Министров СССР. По решению Политбюро ЦК КПСС создана комиссия Политбюро под его руководством, которая уже приступила к принятию срочных практических мер по оказанию всей необходимой помощи людям, оказавшимся в беде.

Дорогие товарищи! Вы можете быть уверены, что в этот час испытаний вся страна с вами.

Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. С. ГОРБАЧЕВ

г. Нью-Йорк, 7 декабря 1988 года

Нью-Йорк, 8 (ТАСС). В связи с землетрясением в Армянской ССР прервана программа пребывания в Нью-Йорке Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева. Отменены визиты на Кубу и в Великобританию.

Сегодня М. С. Горбачев вылетел из Нью-Йорка в Москву.

Перед отлетом в аэропорту М. С. Горбачев сделал заявление:

Я вынужден прервать мою поездку и вернуться в Советский Союз. Вчера поздно вечером пришло известие о том, что землетрясение, которое произошло в Армении, оказалось очень тяжелым, с тяжелыми последствиями. Много разрушений, много человеческих жертв. Вот по-

чему мне надо вернуться срочно домой. Сейчас уже действует комиссия под руководством Председателя Совета Министров, которая находится в районе бедствия. Надо принимать срочные меры для того, чтобы помочь всем пострадавшим, оказавшимся в тяжелой беде.

«Холмы скорби»

- Пролетаем Ленинакан, — толкнул меня мой сосед, с которым познакомился в самолете, выполняющем рейс из Москвы в столицу Армении, — главный конструктор одного из ереванских заводов Марат Гарибян.

Мы прилипли к иллюминатору. За бортом царил мрак. Сонное оцепенение сковало все внизу.

— Где же город? — недоуменно спросил я.

— Тут, под нами, — горестно выдохнул сосед, и его оливковые глаза, вобравшие в себя всю скорбь армянского народа, словно потухли.

Под нами простиралось черное мертвое пространство, которое еще несколько часов назад было веселым, ярким, ртутно-подвижным городом. Лишь кое-где дрожали странные сполохи света — не то пожары, не то костры. Зато, казалось, до самого горизонта течет бесконечная узкая река огней. По шоссе от Еревана и в обратном направлении с включенными фарами двигались сотни машин, легковых и грузовых. Черная безжизненность, отрешенность лежащего в руинах города и многообещающая жизнь переливающихся, мерцающих огней странно сочетались, образуя причудливую, загадочную картину.

Марат Гарибян приехал в Москву в командировку («крайне важную», подчеркивает он), но, едва узнал о землетрясении, рванулся обратно, в Ереван. «Там я сейчас нужнее, надо организовывать спасательные бригады». Его настроение мне понятно: нельзя бросать соотечественников в беде. У пострадавшего за свою многовековую историю армянского народа в генах заложено такое отношение к ближнему.

Я прилетел в Ереван поздно вечером, а наутро с только что сформированными бригадами Шаумянского района отправился в Ленина кан

...Рядом со мной в автобусе сидят рабочие шелкоткацкой фабрики, небритые, подавленные. В основном молчат, лишь изредка вспыхивает разговор то на армянском, то на русском: о предположительном числе жертв разгула стихии, о том, можно ли было предвидеть подземные толчки столь небывалой силы и предупредить население. Спор гаснет, не успев разгореться, как головешка, залитая водой. У многих в Ленинанкане близкие родственники, о них тяжелые неотвязные думы — уцелели или погибли? До споров ли тут...

Всей дороги 110 километров — в обычные дни полтора, от силы два часа езды. Мы движемся с черепашьей скоростью, больше стоим, чем едем, и до цели еще далеко. Трасса сплошь забита машинами, будто вся автомобильная техника республики представлена здесь. Я понимаю людей — все хотят помочь, но какое же столпотворение на шоссе! ГАИ, военная автоинспекция, солдаты внутренних войск, взявшие на себя функции регулировщиков, не в состоянии организовать четкое движение. Винить их не за что — таких адских «пробок» никто никогда не видел и не предполагал увидеть. Водители набиваются в добровольные помощники, выскакивают из машин, начинают темпераментно руководить, показывают, с какой стороны надо объезжать неповоротливые автобусы, КамАЗы, ЗИЛы, подобно камням-валунам перегородившие поток, но «пробки» не рассасываются.

Уже пятый час как мы в пути, люди измотанны, издерганны, нервы у всех на пределе. И — о чудо! — при подъезде к Ленинанкану становится заметно свободнее. Прилипаем к окнам, с содроганием готовясь увидеть то, что натворила слепая, безжалостная стихия. Покуда ничего особенного: сельскохозяйственные постройки целы, завалился сарай, но, похоже, он и так бы завалился, ибо построен давным-давно. Как же причудливо и странно шла подземная волна, если в считанных километрах от города разрушений почти нет. Впрочем, увиденное отнюдь не успокаивает. Страшное — впереди, уже совсем близко.

Вот оно, началось. При въезде в город по обе стороны шоссе — остатки корпусов двух предприятий. Торчат перекрытия — и больше ничего.

Следуем по одной из центральных улиц, сворачиваем налево, проезжаем под мостом. Дорогу перегораживает ав-

токран, снова затор. Выходим из автобуса и добираемся до центральной площади пешком.

Куда ни кинь взор, всюду разрушения, и какие! Уцелевших домов практически нет, если какие и устояли, то треснули, покосились и теперь непригодны для жилья. Большинство же зданий обрушилось, образовав зловещие «холмы скорби». Кругом хаотично разбросанные, искореженные металлоконструкции, обломки бетонных плит, панелей, торчащая арматура, кое-где на проволоке висят одеяла, куски занавесей, портьер, перин, одежда, предметы домашнего быта. Сквозь проемы окон, трещины стен видна изуродованная, сплюснутая мебель.

На обочинах дорог, во дворах — спасшиеся люди. На скамейках, сиротливых стульях горемычно сидят одетые в теплые пальто (у кого сохранились) и закутанные в одеяла женщины с остекленевшими, неподвижными глазами, рядом неприкаянно бродят мужчины. Кое у кого у ног лежит наскоро завернутый в простыни уцелевший скарб, то, что осталось, что удалось найти. Криков, слез, безумных неконтролируемых жестов не слышно и не видно, все ушло глубоко внутрь. На лицах — оцепенение, отрешенность, опустошенность, сознание этих людей еще не в состоянии переварить, осмыслить происшедшее.

Повсюду горят костры, люди греются у огня. Холмы, образовавшиеся на месте еще вчера днем стоявших домов, облеплены добровольцами-спасателями. Родственники ищут родственников, близкие — близких. Из-под завалов слабо доносятся сдавленные стоны (или это мне только кажется?). Такое ощущение, что завалы дышат, и это еще больше подчеркивает беспомощность тех, кто пытается выволить пленников бетонных склепов. Руками разгребают они строительный мусор, селятся приподнять тяжелые плиты.

Какой-либо техники, механизмов почти не видно — одинокие краны с тонкими жирафьими шеями лишь усиливают трагизм ситуации.

Пахнет пылью и гарью, этот запах комом стоит в горле.

На крышах легковушек и в кузовах самосвалов вывозятся завернутые в простыни и скатанные в ковровые дорожки жалкие пожитки. Изредка на верху «Жигулей» и «Москвичей» проплывают гробы.

Быстро сгущается сумрак. Огни костров, выхватываю-

щие из темноты скорбные лица, рождают чувство обреченности. Город словно подвергся массивированной бомбардировке. В нем сейчас нет ни света, ни газа, ни воды, мало продовольствия. Впрочем, кто сейчас думает о еде...

Улица Ширакаци, чуть дальше — так называемый «треугольник», где был целый микрорайон девятиэтажных панельных одноподъездных домов. Был... Теперь тут сплошь завалы. Дома не выдержали удара стихии, обрушились и погребли под собой сотни и тысячи жителей.

Ощущение нереальности, фантазмагоричности происходящего столь велико, что кажется — присутствуешь на съемках фильма о светопреставлении, а все вокруг — многометровой высоты пирамиды из обломков жилья, облепившие их люди, тусклые костры у подножия — это гениально сделанные декорации, не более.

Но увь, стоит только взглянуть на лица, сразу приходит отрезвление, понимание всей зловещей реальности свершившегося по воле рока.

В ночь на 8 декабря из Москвы в Ереван отбыла комиссия Политбюро ЦК КПСС в составе члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова (председатель комиссии), члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Н. Н. Слюнькова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Д. Т. Язова, заместителей Председателя Совета Министров СССР Ю. П. Баталина и Л. А. Воронина.

Как уже сообщалось, комиссия образована для координации работ в общесоюзном масштабе по ликвидации последствий землетрясения в Армянской ССР и оказания помощи пострадавшим.

Утром комиссия прибыла в Ереван и направилась в район бедствия.

В тот же день в ЦК Компартии Армении состоялось совещание, на котором была обсуждена информация о положении в районах Армянской ССР, пострадавших от стихийного бедствия, и о мерах по оказанию неотложной помощи населению, восстановлению разрушенных

промышленных предприятий, социально-бытовых объектов, жилых зданий.

На совещании выступил Н. И. Рыжков.

(ТАСС)

С бедой не один на один

Сначала многим жителям Ленинакана, Спитака, Кировакана, Степанавана и других мест, оказавшимся отрезанными от мира, лишенным всякой связи с ним, могло показаться, что они остались с бедой, как говорится, один на один. Но уже совсем скоро они убедились: это совсем не так. Вся планета без промедления протянула им руку помощи, откликнулась на их беду.

Приведу фрагменты газетной хроники.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР. Уже 8 декабря в спасательных работах в районах бедствия принимают участие 6,5 тысячи военнослужащих, 25 бригад военных медиков, 400 единиц техники. Самолеты и вертолеты Вооруженных Сил эвакуируют в непострадавшие районы Армении раненых и оставшихся без крова. Нуждающихся в медицинской помощи принимают также в медучреждениях Министерства обороны. Там, где произошло землетрясение, развернуты полевые армейские кухни, организовано питание населения и участников спасательных работ. Из войсковых запасов выдаются палатки и одеяла.

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ. Вечером 7 декабря специальным рейсом Аэрофлота в Армению вылетела большая группа медиков во главе с министром Е. Чазовым. Им будет предоставлено все необходимое медицинское оборудование, медикаменты для спасения жизней пострадавших. Образован штаб, который координирует все вопросы оказания медицинской помощи раненым.

ИСПОЛКОМ СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР. Как только было получено сообщение о землетрясении, сразу начали готовить к отправке самолет с грузом помощи пострадавшим.

Собрали одеяла, палатки, одежду, кухонные принадлежности, средства для оказания первой помощи — всего на сумму 146 тысяч рублей. В ночь на 8 декабря специальным рейсом самолет вылетел в Армению. Груз сопровождал председатель исполкома Д. Венедиктов. Этой же ночью в Москве были организованы передвижные пункты по сбору донорской крови, которая так необходима сейчас для спасения раненых. Несмотря на позднее время, сотни москвичей откликнулись на призыв сдать кровь — на передвижные пункты пришли 829 доноров. Только в общежитии МВТУ им. Баумана сдали кровь 255 студентов, донорский пункт работал всю ночь. И сегодня пункты работают с повышенной нагрузкой.

С самого утра 8 декабря в исполкоме, не переставая, звонят телефоны. Люди предлагают деньги, одежду, хотят сами ехать в Армению на спасательные работы. Получены телеграммы сочувствия из многих стран, звонили из посольств Болгарии, Югославии, предложили лекарственную помощь.

Сейчас во многих трудовых коллективах страны идет сбор средств в пользу пострадавших от землетрясения.

МИНИСТЕРСТВО ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ. Помощь в ликвидации последствий землетрясения оказывают практически все управления гражданской авиации страны. Для координации работ на месте в Армению вылетел заместитель министра О. Смирнов с большой группой сотрудников.

Выделено дополнительное количество самолетов и вертолетов. Из Тюмени и Сыктывкара в Ереван направляются вертолеты МИ-10К, вертолеты МИ-8 — с Северного Кавказа, самолеты ТУ-154 вылетают туда из Риги, Ленинграда... К сожалению, погода в Ереване нелетная, туман. Но некоторые самолеты ночью и утром ловили «окно» и сумели проскочить. Проблемы возникают на каждом шагу, ежедневно. Все приходится решать оперативно. Проблем с горючим нет.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР. Сразу же после случившегося были даны указания командованию внутренних войск, а также того контингента, который находился в Армении в связи с известными событиями. Лич-

ный состав снят с постов и направлен в районы бедствия. В спасательных работах занято шесть тысяч человек, без отдыха всю ночь они вызволяли людей из завалов.

Сегодня в Ереван вылетела специальная медицинская бригада министерства. Выделены из резерва необходимые медикаменты и лекарства, палатки и одеяла, десятки домов-вагончиков.

В Баку в эти дни для координации работ по поддержанию общественного порядка находился первый заместитель министра внутренних дел В. Трушин. Ему дано указание прибыть в Ереван и направить туда часть личного состава. Сейчас формируются два полка из резерва. Они также будут направлены в Армению для оказания необходимой инженерно-технической помощи. В районах бедствия находится и бригада пожарных.

Всем сотрудникам МВД поставлены три конкретные задачи. Первая — и самая главная — спасение людей, их немало под завалами. Вторая — оказание помощи пострадавшим. Третья — контроль за соблюдением общественного порядка, пресечение возможных случаев мародерства, грабежей.

Созданный в министерстве штаб будет круглосуточно координировать свою работу с государственной комиссией, другими министерствами и ведомствами.

ГОССНАБ СССР. Первые эшелоны с грузами для городов и районов Армении, пострадавших от землетрясения, уже находятся в пути. На железнодорожных платформах — 70 вахтовых автобусов, жилые вагончики, бетономешалки, передвижные электростанции.

В Госснабе СССР создана оперативная группа, которая круглосуточно поддерживает связь с Арменией. Два раза в сутки — в 8 утра и в 19 вечера — проводятся селекторные совещания, на которых оперативно решаются вопросы неотложной помощи пострадавшим.

В первую очередь надо укрыть людей, лишившихся крова. Для этого выделены 130 тысяч палаток, сборные щитовые домики и жилые вагончики. Из разных городов Украины и Российской Федерации отправляются передвижные котельные, электростанции для обогрева временного жилья. Среди грузов первоочередной отправки 200 тысяч комплектов теплой одежды, дизельное топливо, бензин.

Для ремонтно-восстановительных работ в районы Кировакана и Ленинанкана направляется более тысячи самосвалов, бортовых машин, другая техника. Десятки заводов в разных районах страны ведут с 7 декабря отгрузку строительных материалов только в адрес Армении.

Разрушенные водопроводные сети на время заменят передвижные цистерны для воды. Решить проблему питания помогут вагоны-столовые, кафе из быстро монтируемых модульных элементов.

Главная задача оперативной группы — обеспечить бесперебойную отправку грузов.

ШТАБ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ СССР. Мобилизованы все формирования гражданской обороны Армении. В Ленинанкан, к примеру, переброшена воинская часть ГО.

В Кировакане, Спитаке, Степанаване — всюду формирования ГО вместе с воинскими подразделениями и добровольцами участвуют в спасательных и восстановительных работах. Действуют сводные отряды механизации гражданской обороны, а это десятки, сотни машин, бульдозеров, экскаваторов. Положение сложное. Работа не прекращается ни на минуту...

ГОССТРОЙ СССР. В Армению срочно отбыла группа специалистов, экспертов и руководителей ряда служб. Отправляются вагончики для жилья, оборудованные всем необходимым. Решается вопрос о поставках в район бедствия сборных жилых домов. Установлена связь с коллегами из Армении, Грузии и Азербайджана, с тем чтобы скоординировать действия. Подключены также проектные институты Молдавии, Узбекистана, имеющие опыт по возведению сейсмоустойчивых зданий. Организуются работы по подготовке строительства монолитных домов. Сформированы группы специалистов для ускорения проектирования сейсмоустойчивых зданий.

Госстрой СССР сделает все возможное для того, чтобы в кратчайший срок люди, оставшиеся без крова, получили жилье.

Сколько же сил было задействовано в первые сутки после беды! Поток специалистов и всевозможных грузов начал буквально обрушиваться на Армению. И тут во весь

рост встала проблема доставки, транспортировки. Огромная нагрузка легла на авиацию. Железная дорога пока в полной мере не могла помочь ей — землетрясение причинило значительный ущерб стальным магистралям Северной Армении.

— Повреждено сорок километров пути, — сообщил корреспонденту ТАСС министр путей сообщения Н. Конарев, — прервано движение на участке Ленинакан — Кировакан, повреждено также восемьдесят километров контактной сети. Имеются разрушения служебно-технических зданий на станциях Кировакан, Ленинакан, Арчут, Спитак, Налбанд, Джаджур, произошла сдвижка двух мостов. И тем не менее первые грузы в район бедствия уже отправлены. Из Сибири — цемент, из Грозного — горючее, из Нефтекамска — самосвалы, из Краснодара — крупа, из Набережных Челнов — автомобили, из Челябинска — бульдозеры... Вагоны для строительных материалов, продовольствия, медикаментов предоставляются в первую очередь.

Трагедия армянского народа стала общей болью всего мирового сообщества. Это подтверждают телеграммы ведущих мировых информационных агентств. По сообщению ЮПИ, в Соединенных Штатах, Великобритании, Италии, Польше, во многих других странах проходит сбор средств в помощь жертвам землетрясения, со всего мира идут телеграммы соболезнования...

Франс Пресс со ссылкой на представителя министерства иностранных дел Франции сообщает, что в военном аэропорту Вилакубле близ Парижа 180 специалистов по проведению спасательных работ готовятся к вылету в Армению. В их распоряжении специальное оборудование, двадцать одна служебная собака, натренированная для розыска погребенных под развалинами людей. В составе группы двадцать два врача.

Сообщается также, что французское правительство выделило два самолета для доставки в республику медикаментов, собранных общественными организациями, благотворительными группами, а также самим правительством.

В Армению срочно вылетают английские высококвалифицированные работники с чувствительными инфракрасными камерами, которые дают возможность обнаруживать

людей, находящихся под развалинами. Эти работники имеют на своем вооружении и другие тонкие приборы, в том числе так называемые виброфоны, звукоулавливающие устройства.

Подобная команда из Британии успешно помогала в работах по спасению людей, пострадавших от землетрясения в сентябре 1985 года в столице Мексики и потом в 1986 году в Сальвадоре. Возглавляет бригады 60-летний Норман Раунделл, инспектор Министерства внутренних дел Британии.

Сейчас в Англии уже формируется десант хирургов, готовых немедленно отправиться в зону бедствия для оказания медицинской помощи на месте.

Правительство ФРГ готово в рамках своих возможностей оказать Советскому Союзу помощь в ликвидации последствий землетрясения в Армении, чтобы облегчить участь попавших в беду людей.

Шведское общество Красного Креста приняло решение оказать помощь на сумму в два миллиона крон пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР. На эти средства будут закуплены хирургическое оборудование и медикаменты. В течение ближайших суток специально зафрахтованный самолет доставит груз в Москву, откуда он будет затем переправлен в район стихийного бедствия.

На юге американского штата Калифорния (здесь живут около 250 тысяч армян — самая крупная община за пределами Советского Союза) идет сбор денежных и материальных средств в помощь пострадавшим.

По сообщению Франс Пресс из Швейцарии, в аэропорту Цюриха к вылету в районы бедствия готовятся представители швейцарского корпуса оказания помощи при катастрофах. В их распоряжении двадцать специально обученных собак.

Американская телекомпания Си-би-эс сообщает: перед советскими властями стоит проблема, которую пока не удалось решить ни одной стране, — каким образом быстро и достаточно осторожно разобрать развалины домов, чтобы

спасти тысячи погребенных заживо людей. Землетрясения последних лет показывают, что люди под развалинами могут оставаться живыми по две, три недели без еды и воды. Во время землетрясения в Мексике всех поразили грудные дети, которых извлекли из завалов лишь на вторую неделю и они все еще были живы.

Телеграммы и выражения соболезнования в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева, Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, в адрес ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, народов Советского Союза, в частности армянского, направили президенты и главы правительств десятков стран.

Я видел, как читались эти и другие газетные сообщения жителями Еревана, слышал, как потом передавались буквально из уст в уста, как знакомили с ними уцелевших в разрушенных городах и селах. Надежда — вот слово, наиболее точно отражающее состояние тех, на кого обрушилась такая напасть. Надежда, рожденная верой. Верой в то, что мир не оставит Армению в беде и горе.

«Нам помогают многие страны», — произносили жители с особой интонацией, и их голоса начинали звучать иначе, чем несколько часов назад.

«Не знала, на каком свете
я была тогда...»

В сквере близ центра Ленинакана я увидел палатки — большие, надежно укрепленные. Покуда первые в терпящем бедствие городе. Рядом люди в касках, комбинезонах и куртках. Тут же в котле варится еда.

— Горноспасатели с Украины, — представляется главный инженер одной из горноспасательных частей Минуглепрома СССР Вадим Журбенко. — Подняли нас по тревоге в Донецке и Ворошиловграде — и в самолет. Ночью восьмого вылетели, через несколько часов были здесь. Вместе с нами коллеги из Караганды, Грузии, с Урала. Спасли уже

37 человек, в основном погребенных в центральном универсаме; вы видели — там одно крыло обрушилось, ребра конструкций торчат...

Знакомлюсь со спасателями. Евгений Овчаренко, Джумбер Георгидзе, Виктор Баулин. Украинец, грузин, русский. Они делают все возможное и невозможное, разбирая завалы, чтобы найти и спасти живых.

— Позарез нужны краны, надо же чем-то сдвигать плиты, — сетует Овчаренко. — Без техники мало что сделаем.

Да, техника. В первые сутки о ней можно только мечтать. Вот почему в штабе, расположенном в уцелевшем здании детского эстетического центра, слово «автокраны» не сходит с уст. Вот почему председатель Госстроя республики В. Арцруни надсаживает горло, крича в трубку кому-то, кто слушает его в Ереване:

— Как это нет автокранов? Поднимай на ноги всех, но чтобы к утру было не меньше пятнадцати единиц! И таекалжники. Понял?

Пятнадцать единиц. Не густо. Профессиональные и добровольные спасатели вынуждены уповать прежде всего на собственные руки. А главное сейчас — расчистка завалов, извлечение из бетонного плена уцелевших людей.

На улице Шаумяна бригада рабочих орудует кирками, ломами, лопатами. То есть руками. С остервенением, багровые от натуги, люди поднимают обломки плит с арматурой, торчащей, точно пружины из старого дивана, и зло отбрасывают.

Испокон веков армяне уважительно относились к камню. Карастан — страна камня, не случайно так называют Армению. Много раз бывал я в республике, изъездил ее вдоль и поперек. Помню, давным-давно ехал из Еревана в Гегард. На полпути завернул в скромную закусочную, где обычно справляют трапезу туристы. У самого входа наткнулся на крохотное бледно-розовое растение, выбивающееся прямо из камня. Не поверив глазам, нагнулся. И впрямь роза росла из камня. Еще одно чудо природы или грустный символ: там, где мало земли, ею становятся камни. Теперь они превратились в ярых врагов. Камни-созидатели стали камнями-убийцами...

Арутюн Доларян и его товарищи услышали голос чудом уцелевшей Карине Ованесян, придавленной куском панели. Пять часов шло сражение за ее жизнь. С помощью свароч-

ного аппарата попытались высвободить руку женщины, не получилось. Еле-еле расширили проем, в него проник врач, сделал обезболивающий укол. Появились шансы спасти Карине.

Что же пережили первые спасенные, что помнят они?

Рузанна Григорян:

«Сама я даже не успела ничего заметить, только услышала крики: «Землетрясение, спасайтесь!» В следующее мгновение все рухнуло. Цех Ленинанканской чулочной фабрики, где я работала, на первом этаже, а всего их четыре. Помню только, как в замедленном кино: сверху плашмя опускается железобетонная панель. Меня спасло то, что рядом проходила труба, одним концом панель зацепилась за нее. Летели кирпичи, обломки железобетона, какой-то мусор.

Когда все стихло, я попробовала пошевелить руками и ногами. Но даже голова оказалась плотно зажатой. Сначала высвободила голову, потом ноги. Труднее всего было вытащить правую руку, она меня совершенно не слушалась.

Полной темноты не было, сверху через какие-то расщелины пробивался свет, это прибавляло надежды. Иногда я прекращала откапываться и прислушивалась. Справа и слева раздавались крики, сверху слышны были переговоры спасателей. Пыталась докричаться до них, но я их слышала, они меня — нет. Значит, надо выбираться самой. Цепляясь левой рукой за какие-то выступы, прутья, вытаскивала себя по сантиметру. Потом я узнала, что так карабкалась четыре часа.

Когда уже почти выбралась, уперлась головой в какой-то тяжелый металлический лист. Вот тут мне по-настоящему стало страшно, а до этого бояться было некогда, ведь можно было что-то делать, спастись. Я почувствовала полную беспомощность. Закричала, и меня услышали. Автогеном разрезали лист, вытащили.

По-настоящему счастливой я стала еще через полчаса: оказывается, мой сынок, девятиклассник, успел выскочить из школы до того, как все начало рушиться. Но и сейчас, как во сне, я все еще куда-то карабкаюсь...»

София Надоян:

«Когда был первый толчок, мы с подружкой даже засмеялись: опять трясет, мы к этому привыкли. И вдруг как-то

сразу стало рушиться все здание фабрики. Сверху валились панели. Подружка куда-то исчезла, о ее судьбе я ничего не знаю. А меня полностью засыпало. Лежать было тяжело — ни вздохнуть полной грудью, ни пошевелиться. Ни одного звука ниоткуда, полная темнота. Я все время пыталась кричать, звать на помощь. Сколько прошло времени, не знаю, но постепенно стала замерзать. Наверное, наступила ночь, но для меня все это время была ночь. Я лежала под обломками и чего-то ждала. Уж и не знала, на каком свете я была тогда — еще на этом или уже на том. Когда услышала голоса, сначала не поверила. Разговаривали где-то вблизи, такие же погребенные. Потом раздался голоса сверху. Люди ходили по развалинам, звали своих близких. Стала кричать, меня услышали. «Ты — Кара?» — «Нет, я Лала (так меня зовут дома), скажите моим братьям, что я здесь». Братья меня уже искали. Они меня и откопали. Был полдень следующего дня, когда я снова увидела свет...»

Евгения Саакян:

«Мы сидели в конторе горпо, и вдруг все повалилось. Потом полный мрак. Я, кажется, потеряла сознание, почти ничего не чувствовала. Даже не поняла, что произошло землетрясение и что меня завалило. Думала — может, просто голова закружилась. Как во сне. Только нечем дышать. Мой сыночек, мой Давид спас меня. Он работал неподалеку, сразу прибежал, а от нашей конторы ничего не осталось, груда развалин. И моя левая рука торчит — даже не рука, только пальцы. Он, наверное, по кольцу узнал. Начал раскапывать, но я этого не чувствовала. Только помню, как он кричал: «Мама, дай мне твои руки!» Мой мальчик вытащил меня, и теперь я жива. А старший сын погиб вместе со всей семьей. Они дома были, а дом рухнул».

Местный журналист Р. Багдадян
рассказывал:

«Осевшие многоэтажные дома, школы, больницы, воспаленные от слез глаза стариков, плач осиротевших детей... Вдруг в этом скорбном городе неожиданно для себя мы увидели такую картину. Прямо на улице со слезами счастья на глазах обнимались два старика, два соседа.

— Радость-то какая! Подумать только, дочку и внучек наконец-то вырвали из ада.

Мы стали невольными свидетелями этой сцены. Не смогли пройти мимо, стали расспрашивать, и хозяин дома пригласил к себе. Вот какую историю мы услышали от его дочери.

— Мы жили в Ленинанкане, на улице Герцена, на пятом этаже девятиэтажного дома, — начала свой рассказ Марина Нароян. — Был обычный день, ничем не отличавшийся от других. Старшая моя дочь Анна с утра пошла в школу, а муж Серо — на работу. Дома я осталась одна с трехлетней Кристиной и полуторогодовалой Шушаник. Когда начало трясти, я сразу поняла, в чем дело, и, схватив обеих девочек, побежала к двери. Но открыть не успела. Тряхнуло второй раз, и почва ушла из-под ног, дом рухнул. Мы оказались в спасительном дверном проеме, стиснутые какими-то бетонными балками. Одна дочь у меня на руках, вторая прижалась к моим ногам. Сердце разрывалось от страха и чувства обреченности. Но я не могла дать волю эмоциям, каждую минуту думала о детях, надеялась, что все же нас вызволят из этого заточения. Что мне пришлось пережить!..

Через несколько часов я услышала голоса, в том числе и моего мужа. Он бегал где-то над нами и звал нас по имени. Я его отчетливо слышу, а он меня нет. Но вскоре и он нас услышал. «Папа, вытащи побыстрее нас отсюда», «Я хочу чаю», — просили дочки. А он успокаивал: «Вот сейчас привезем кран и освободим вас, не сомневайтесь, держитесь».

— Чудом уцелев, — продолжал рассказ Серо, — я побежал к нашему дому. Сразу приступил к спасательным работам. Подвезли кран и начали снимать панель за панелью, осторожно отгрести мусор. Всю свою жизнь я буду обязан ребятам из объединения «Наирит», они 32 часа боролись за жизнь моей семьи и остальных погребенных под этим домом. Удалось спасти 15 человек. Никогда не забуду парня по имени Борис и его друга, которого называли «Майор» — к сожалению, его настоящего имени не знаю. Все это время они не выпускали из рук лопаты и кирки. Благодарна моя семья и учительнице Марго Товмасян. Она спасла весь класс, в том числе и мою старшую дочь Анну».

Да, такие ситуации не выглядели редкостью.

Д. Григорян,

преподавательница школы № 2 Степанавана:

«Шел обыкновенный урок в первом классе. Дети старательно выводили в тетрадках первые в своей жизни начальные буквы алфавита, и вдруг я заметила у всех какую-то рассеянность. Обычно внимательные, сосредоточенные, они вдруг стали жаловаться на духоту, головные боли. Пришлось открыть все окна. Но и это не помогло. Тут послышался непонятный глухой грохот, на улице поднялась пыль. Решение пришло мгновенно. Я сразу же начала выводить детей. А когда мы спустились на первый этаж, здание школы затрещало, с потолка посыпались сначала балки, а потом и панели. Но это перепуганные дети наблюдали уже со двора.

Через несколько минут к школе прибыли военнослужащие, родители. Все облегченно вздохнули лишь тогда, когда пересчитали детей — никто из них не пострадал».

Как хотелось бы продолжить эти счастливые рассказы, описания! Увы, случившееся не давало повода для оптимизма и особых надежд.

В разрушенной средней школе № 9 Лениакана весь день пытались спасти детей. Тщетно. В живых остались буквально единицы. Уцелевшим родителям передавали бездыханные тела сыновей и дочерей, те в отчаянии и безысходном горе несли их, прижимая к груди. Несли неизвестно куда, ибо очага у них уже не было.

Чем ближе к эпицентру землетрясения, тем меньше оставалось шансов кого-либо спасти. Если, скажем, в Кировакане детские сады и школы почти не пострадали, то в Спитаке, Налбанде и некоторых селах от них остались одни руины. Ведь удар стихии пришелся именно на то время, когда ученики находились за партами.

Вот школа в селе Мец Парни. Вернее, то, во что она превратилась. Село знаменитое, некогда через него проезжал Пушкин и оставил о том свидетельство в «Путешествии в Арзрум». Но сейчас история не волнует, все мысли — о сегодняшнем дне. Нижний этаж школы в какой-то степени уцелел, от верхнего ничего не осталось. 53 ребенка погибли. На каменном заборе сиротливо висит детское клетчатое пальтецо. Во дворе у входа валяются ранцы, рассыпались тетради. Подбираю одну, по русскому языку. Третьеклас-

сница Анаит Казарян в то утро выводила нетвердой рукой новые для нее русские слова: «чудесный», «благополучие», «любовь». Истинного значения этих слов она уже никогда не узнает...

Мец Парни — родное село армянского поэта Размика Давояна. Мы дружим немало лет. Сейчас Размик в родных местах не один, с известным писателем Грантом Матевосяном. Они бродят вокруг школы, черные от переживаний, осунувшиеся, с заострившимися скулами. Я не могу заставить себя подойти к ним. Каждый из них пребывает сейчас в том жутком одиночестве, которое преступно, кощунственно нарушать, ощущает ту запредельную боль, которую не объяснить и не выразить словами.

На обратном пути из села Размик рассказал мне о своем племяннике Тигране. Лейтенант милиции, ему 27 лет. Был Тигран улыбочивым парнем, как большинство ленинаканцев — жителей легкого, беззаботного города, внутренним складом похожого на Одессу. Ленинаканские шутки и анекдоты миглом расходились по Армении. Все это кануло, сгнуло, разлетелось в пух и прах, нет прежнего города, нет и долго еще не будет улыбки на лице Тиграна.

Когда тряхнуло, Тигран Давоян находился на улице. Повезло и его близким — уцелели. Все, кроме сестры и ее ребенка. Тигран бросился откапывать их и нашел мертвыми. Неведомая сила потащила его к школе, превратившейся в огромный завал. Но что можно было сделать без крана? И тогда лейтенант милиции кинулся в воинскую часть, к командиру. «Дай танк!» — не попросил — потребовал он. Командир, взбудораженный и оглушенный происходящим, тем не менее вытаращил глаза. «Дай танк!» — снова крикнул Тигран, не помня себя. И командир дал.

С помощью танка удалось разворошить плиты и камни. Тигран вытащил из-под руин 28 детей. Только четверо оказались живы.

На боевом посту

Пожарные, милиция, внутренние войска МВД, части Советской Армии первыми приступили к спасательным работам. Кроме них помочь местным жителям в первые трагические сутки не мог никто.

По счастливой случайности пожарные Ленинакана избежали многочисленных жертв. Сразу же после катастрофы был создан штаб пожаротушения — под открытым небом, рядом со зданием разрушенного депо. Тут же сосредоточили уцелевшую технику. У многих пожарных родные и близкие оказались погребенными в завалах. Но служба есть служба, долг есть долг.

Начался пожар на городской нефтебазе. Горела заправочная станция и примыкавшая к ней эстакада. Взорвалась одна из цистерн с бензином. Море огня, а у пожарных всего один ствол. Тем не менее удалось отсечь огонь от основных резервуаров с топливом, выдержавших подземные толчки, и перекрыть задвижки. Так было спасено топливо, которое затем весьма пригодилось для заправки огромного количества автотранспорта.

Пожары возникали повсюду, их тушили. Кроме того, приходилось выручать тех, кто сам не мог выбраться из разрушенных, но устоявших домов. С помощью автолестницы спустили на землю с верхних этажей туристов базы «Кумайри». На площадке пятого этажа полуразрушенного дома замерли мужчина с мальчиком. По механизированной лестнице к ним полез С. Бахгаджян. Конец лестницы завис в воздухе. Приставить ее к стене нельзя — стена неминуемо рухнет. Сначала Бахгаджян на руках спустил ребенка, потом помог спрыгнуть на качающуюся лестницу отцу.

Пожарных можно было видеть и на завалах, они вытаскивали живых и мертвых.

Самая жуткая ситуация сложилась в Спитаке. Тут погибли многие пожарные, вышла из строя техника. Уповать можно было лишь на фантастическое везение. Начальника одной из пожарных частей Спитакского района М. Аракеляна от гибели спас сейф, принявший на себя удар перекрытия. Его коллега А. Хилатян оказался в комнате, устоявшей под рухнувшими перекрытиями. Он вышиб из оконной рамы чудом уцелевшие стекла, раздвинул прутья металлической решетки и выбрался на улицу.

Город уже не существовал, но горел. Огонь полыхал на месте бывшей больницы, двух бывших трикотажных фабрик, бывшего лифтового завода, бывших детских садов, СПТУ, дома культуры. На подмогу прибыли дополнительные подразделения из Еревана и Кировакана, с их помо-

щью спитакские пожарные сотворили невозможное: Более того, в самые первые часы трагедии они спасли десятки людей, в том числе детей.

Рассказывает москвич
подполковник В. Карпов

«В музыкальной школе тушил пожар боевой расчет из Еревана. Кто-то услышал в глубине завала плач. Под прикрытием водяной струи А. Алавердян сумел ползком пробраться между обломками. Он обнаружил мальчика лет десяти, но помочь ему не смог: нога ребенка оказалась прижата к бетонной плите обломками деревянного стола. Топор тут был бесполезен — не размахнешься, да и каждый удар причинял бы ребенку большие страдания. Более часа Алавердян срезал деревяшки ножом, пока не освободил ногу мальчика. И все это время была рядом водяная струя, отсекая подступавший из глубины завала огонь.

Еще раз этот же расчет отличился при тушении развалин детского сада. Пожарные слышали из-под груды плит стоны. С огромным трудом им удалось сделать лаз. Тот же Алавердян с искусством опытного спасателя проник в глубь завала. Усилия оказались не напрасными, были спасены трое детей».

Вместе с пожарными частями МВД Армении неусыпную вахту несли сотрудники милиции. 31 из них погиб, 46 были ранены, остальные оставались на посту. Уже упоминавшийся Тигран Давоян не исключение. Таких, как он, было много.

Милиционеры Ахурянского райотдела внутренних дел вызволили из полуразрушенного здания школы около ста учащихся. Те прыгали с третьего этажа, а милиционеры их ловили на себя.

В Спитаке дом, где жили слушатели Омской высшей школы милиции, вмиг превратился в руины. Пятерым удалось выбраться, и они немедленно бросились спасать товарищей. Одним из спасенных оказался курсант Камиль Юмаев. Вот что он рассказал:

«Наша группа — шестьдесят человек — базировалась в Спитаке. Жили в общежитии профтехучилища, на четвертом этаже. В момент, когда задрожали стены, почти весь личный состав находился в ленинской комнате, а я днева-

лил. Накануне нас уже трясло, но здесь было совсем другое. Я даже крикнуть не успел; как почувствовал, что лечу вниз. И сверху что-то ударило по спине. Я провалился с четвертого этажа на первый. Ушел в землю почти по пояс. Все тело сдавило. И полная темнота.

Сознание работало четко. Попробовал как-нибудь освободиться, но более или менее работала лишь правая рука. Ухватился за какой-то прут, начал его раскачивать. И кричал: «Кто-нибудь, помогите!»

Меня откопали примерно через час. Это были мои товарищи — те, кому больше повезло, и местные жители. Только когда меня несли к вертолету, я понял, какой подвиг они совершили: весь Спитак — одни развалины, а под ними люди. Но нас, курсантов, не бросили, нам помогли. Может, я один из тысячи спасся. Никогда не забуду этих людей».

Вчитаемся в строчки рапортов и донесений из района бедствия. Они скупы и лаконичны, не окрашены эмоциями, но, быть может, этот лаконизм действует сильнее любых пространственных описаний.

«Участковый инспектор Ширакского РОВД г. Ленинскана капитан милиции М. Акопян, потеряв жену, детей, родителей, зная, что его дом рухнул, продолжал выполнять служебные обязанности».

«Замполит Спитакского РОВД старший лейтенант внутренней службы А. Арутюнян с трещиной ноги оставался в строю и руководил организацией спасательных работ».

«Первыми на помощь ленинканцам прибыли сотрудники Артикского РОВД во главе с начальником отдела подполковником милиции Р. Чахояном. Они спасли и вывезли на служебных машинах и личных автомашинах более 200 раненых. Многих граждан разместили в своих домах и квартирах. Только семья Чахояна приняла 30 пострадавших».

«На помощь жителям г. Спитака первыми прибыли слушатели Киевской высшей школы МВД СССР. За три дня, с 7 по 9 декабря, они спасли 105 человек».

«Час мужества пробил на наших глазах. И мужество нас не покинет». По другому поводу сказано поэтом, но так созвучно тому, что происходило в районе бедствия в первые, самые тяжелые сутки.

К сожалению, кое-кого мужество покинуло. Так, дол-

гое время отсутствовал на службе начальник Ширакского РОВД подполковник милиции Л. Оганесян. Он симулировал душевную и физические травмы. Только через четверо суток Оганесяна разыскали у сестры. Выяснилось, что члены его семьи не пострадали.

— Отдел погиб, — ответил он на вопрос, почему не выходит на службу, — а я ранен.

«Ранами» оказались пустячная ссадина на руке и ушиб пальца ноги.

В приказе об увольнении Оганесяна были суровые, но справедливые слова: «За предательство интересов службы, трусость и малодушие...» Что ж, и такое здесь случалось.

Участковый инспектор А. Маркарян, направленный в Спитакский район, не явился туда.

Всего в те тяжелые дни из органов внутренних дел уволили 17 сотрудников. Из песни слова не выкинешь...

А сотрудники Ширакского райотдела в это время несли службу под руководством майора милиции Г. Саакяна и замполита майора милиции А. Мелконяна, у которого погибли мать и брат. Извлекали из-под обломков оружие. Организовали патрулирование у разрушенных зданий банка, сберкассы, универсама, «Детского мира», Ювелирторга. На палатке прикрепили самодельную табличку «Ширакский РОВД».

Да, едва прошло шоковое состояние первых минут (хотя трудно поверить, что оно вообще могло когда-нибудь пройти), милиция тут же наряду со спасательными работами приступила к своей основной функции — охране общественного порядка, государственного и личного имущества граждан, борьбе с преступностью.

Говорит начальник УВД Лениканского горисполкома полковник Л. Галстян:

«Как только установили, что разрушены здания Московского и Ширакского РОВД, и выявили погибших, сразу начали проверять объекты. Собирали детей, оставшихся без крова и потерявших родителей, кормили их своим пайком. В первую же ночь задержали несколько преступников. Так, в магазин «Подарки» зашли две продавщицы — якобы затем, чтобы взять свою одежду, а сами набрали ценностей на пятьдесят тысяч рублей».

Начальник отдела БХСС майор Р. Хачатрян:

«Сразу же встал вопрос обеспечения сохранности ценностей, их учета. В первый же день со стройки принесли пятьдесят тысяч рублей — приготовленную к выдаче зарплату. Изъятые из Ювелирторга ценности на один миллион шестьсот тысяч рублей мы отправили в Ереван. Под гостиницей «Ширак» есть ювелирная секция. Капитан милиции Гедакян, старший лейтенант милиции Галебарян, лейтенант милиции Дохинян и я проникли туда, сложили в коробку ценности на сумму около семидесяти тысяч рублей и перенесли в управление».

А этот пример я взял из сводок МВД республики. СерЖАНТ Ашот Саакан трое суток просидел в Ахурянском банке, охраняя ценности. Не пропало ни копейки.

Начальник Кироваканского горотдела милиции полковник А. Овсепян:

«Как только произошло землетрясение, в Кировакане началась страшная паника. Люди выбегали на улицы, не понимая, что случилось. Многим в первые минуты казалось, что взорвались емкости на химкомбинате. Однако милиция не растерялась в этой сложной обстановке. В первую очередь мы отключили электричество, газ, воду — во избежание пожаров и аварий. Часть сотрудников на машинах с громкоговорителями разъезжали по городу — сообщали, что случилось землетрясение, и призывали граждан к спокойствию. Уже через полтора часа паника относительно утихла, началась мобилизация жителей на борьбу с последствиями стихийного бедствия».

В течение первого часа были опечатаны и вывезены в надежное место все деньги и ценности, хранящиеся в сберкассах, ювелирных магазинах. Были выставлены посты у всех важных объектов. Взято под жесткий контроль уличное движение. Именно эта слаженность помогла избежать многих бед».

Исполняющий обязанности начальника Спитакского РОВД подполковник В. Богомазов:

«Когда я принимал временное руководство отделом (начальника РОВД достали из-под обломков только через 16 часов со сломанными ногами), обстановка сложилась тяжелейшая: пять сотрудников погибли, четырнадцать получили тяжелые увечья, у 34 погибли близкие. Все легло на плечи приданных нам сил: сотрудников МВД СССР, Московской высшей школы милиции, сотрудников мили-

ции Московской и Ростовской областей, городов Тбилиси, Саратова, Вологды. Некоторые прибыли в первые же сутки после катастрофы...»

«В третьем часу дня мы уже были в Спитаке и убедились, что город в руинах, — рассказывает заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Н. Демидов. — Прежде всего надо было спасать людей. Уже через час прибыло 1200 солдат, которые сразу же вручную принялись разбирать завалы. Затем еще пять тысяч военнослужащих были направлены в Ленинакан и Спитак. Удалось спасти сотни жизней. Воины многих национальностей — узбеки и русские, киргизы и белорусы, с Украины и из Прибалтики — трудятся с полной самоотверженностью».

Милиция разделила участь народа. И осталась на посту. Уже в день трагедии в районные отделы внутренних дел стали обращаться люди: помочь отыскать родственника, помочь похоронить, принять на хранение найденные ценности или документы... Стали налаживать движение транспорта, взаимодействие служб, охрану объектов, решать вопросы размещения прибывающих подразделений.

«Не до статистики»

В депутатском зале Внукова царил неразбериха. Беспрепятственно звонили телефоны, что-то утрясалось, согласовывалось, выверялось. Наконец пассажиров пригласили к трапу ТУ-154, летевшего спецрейсом в Ереван. На борту его находилось несколько десятков московских медиков с аппаратурой и медикаментами.

Этот спецрейс 8 декабря был не единственный. В столицу Армении прибыли четыре бригады из Института нейрохирургии во главе с директором А. Н. Коноваловым, врачи и медсестры 1-го мединститута, Института неврологии, первой и второй больниц МПС. Многие медики уже имели опыт работы в экстремальных условиях, в частности пришлось им потрудиться в Арзамасе, где 4 июня 1988 года на железной дороге произошел сильнейший взрыв. Все летели в Армению по собственному желанию, никого не пришлось уговаривать. Более того, производился отбор. Так, старейшего московского невропатолога Тамару Оскаровна Фал-

лер не взяли, несмотря на ее отчаянные просьбы. Что ни говорите, возраст есть возраст.

Прямо с трапа врачей и медсестер направляли в операционные переполненных ереванских больниц, некоторые тут же пересаживались в другие самолеты и вертолеты и улетали в Ленинакан и Спитак. Сутки напролет, почти без сна длилась у московских врачей их первая вахта, и увидели они такое, с чем прежде, несмотря на свою умудренность и искушенность, не сталкивались. Пришлось делать черепные операции, ампутировать ноги и руки у трехмесячных крошек, пятнадцатилетних подростков и глубоких стариков. И некогда было предаваться эмоциям, раскисать, все поглотила работа.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ПРЕСС-БЮРО МВД СССР

Одними из первых прибыли на место трагедии медицинские работники различных подразделений системы МВД СССР.

Сразу же после землетрясения в Ереван вылетела группа специалистов-организаторов в составе начальника медуправления МВД СССР В. В. Кравченко, заместителя начальника Центрального госпиталя МВД СССР М. П. Никонова и начальника медицинского отдела УВД Ростовского облисполкома И. Н. Нестеренко. В госпиталях и больницах МВД СССР выделено 1120 коек.

В Ленинакан послана бригада хирургов из шести человек. Ее возглавил один из лучших специалистов — начальник хирургического отделения Центрального госпиталя МВД СССР А. И. Юдин.

В районе бедствия начали работать и военные медики.

Уже во второй половине дня 7 декабря в Армению прилетел министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов. Его присутствие оказалось крайне необходимым в условиях шока, парализовавшего волю многих.

«Едва мы в министерстве получили сообщение о землетрясении, тут же дали распоряжение в Ереван и Тбилиси задействовать все возможные средства для помощи пострадавшим, — рассказывал Евгений Иванович журналистам, в том числе и мне. — А в Москве уже в 16.30 семьдесят восемь врачей-специалистов шести наших ведущих научно-исследовательских медицинских центров были на

аэродроме. Многие только в самолете узнали место назначения...

Когда прибыли в Ленинакан, уже стемнело. Ситуация осложнялась тем, что не было света, не было абсолютно никакой связи. Больницы разрушены. Семьдесят процентов медицинского персонала выбыло из строя.

К москвичам на подмогу стали прибывать коллеги из Волгограда, Астрахани, Воронежа, близлежащих к Ленинану городов, Ростова. Очень хорошо помогли грузинские товарищи, которые выслали бригады врачей, необходимые лекарства, направили 25 машин «скорой помощи».

В эту ночь медикам пришлось очень много поработать. Приняли решение действовать как наши учителя во время Великой Отечественной войны. Подвижные отряды в составе хирургов и травматологов провели много тяжелых ампутаций прямо на улицах, даже не в палатках. Ведь ничего еще не было. Отважно действовали летчики. В полной темноте на ЯК-40 удалось в эту ночь вывезти полторы тысячи раненых, еще тысячу раненых отправили на автомашинах в близлежащие города. Одновременно в Москве в Институте скорой помощи имени Склифосовского и Институте хирургии имени Вишневского готовились к оказанию помощи.

На второй день, 8 декабря, ситуация несколько улучшилась. Уже подросли военные медики, развернули свои первичные пункты. Раненых эвакуировали в два близлежащих районных центра и в Ереван.

Огромное нервно-психическое напряжение пришлось пережить медицинским работникам. Я сам в прошлом врач неотложной помощи. Приходилось видеть многое, но то, что довелось увидеть здесь, не идет ни в какое сравнение. Такие тяжелые травмы. Разве легко вести ампутацию трех-четырёхлетним малышам... Это не просто и в обычных условиях. А здесь пришлось делать много таких операций прямо на развалинах... Борьба шла за минуты, секунды, ведь за каждой из них человеческая жизнь. Вместе с тем было и такое. В первую, самую тяжелую ночь вдруг в Ленинане мне сообщают: «Евгений Иванович, есть и радостная весть. Только что приняли роды. Девочка». Несмотря ни на что, жизнь продолжалась!..»

Многое, о чем говорил министр, я увидел собственными глазами.

...У начальника управления здравоохранения исполкома Ереванского горсовета Эдуарда Николаевича Акопяна красные от бессонницы глаза. Кофе, сигареты, сигареты, кофе — этим и поддерживает себя.

«В какой-то мере мы были подготовлены к возникшей ситуации, — говорит он. — В конце осени усилился поток беженцев-армян из Азербайджана, мы принимали их, оказывали медицинскую помощь. Но, конечно, последствия землетрясения не идут ни в какое сравнение. Как только стало известно о трагедии на севере республики, тут же в Лениакан и Спитак помчались из Еревана «скорые». Было создано более ста бригад врачей. Раненых доставляли по воздуху. Вывозили и на личных автомашинах. Быстро перепрофилировали ереванские больницы, 5 тысяч коек отдали пострадавшим. 750 коек подготовили в поликлиниках города. Тысячи ереванцев безвозмездно сдавали донорскую кровь. Тут стала поступать помощь из многих городов, в первую очередь из Москвы, прибыли травматологи, нейрохирурги, привезли оборудование, лекарства, донорскую кровь».

Больница села Маралик, что в 25 километрах от Лениакана, приняла группу специалистов из Московского НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. С момента землетрясения прошли считанные часы. Врачи знаменитого института прибыли во Внуково, не успев даже зайти домой переодеться, у многих не было с собой паспортов. Операционная сестра Наталья Ларичева до этого отработала смену — целые сутки, в детском саду ее ждал сын. Никто не принуждал, не обязывал ее ехать — решила сама.

Сельскую больницу переоборудовали в единый хирургический блок с тремя операционными столами, реанимационными палатами. Все делалось в бешеном темпе. Меньше чем за полсуток 20 врачей «Склифа» оказали помощь двумстам раненым. Если бы их повезли в Ереван, а не в ближайшее село Маралик, по меньшей мере треть из них умерла бы в пути — так считают медики.

Операционные блоки развернули в Кировакане москвичи — сотрудники ЦИТО, в районном центре Талин — специалисты Института хирургии имени А. В. Вишневского.

Но если в Лениакане и Кировакане, где открывались лазареты, у врачей хоть была крыша над головой, то в

Спитаке и этого не было, ведь не осталось ни одного целого дома. Чудом выжил главный врач района Арамаис Алавердян. Когда началось землетрясение, он возвращался из райкома партии. Пока дошел до больницы, от нее и следа не осталось: глубокая трещина поглотила все строения вместе с больными и персоналом. В полном отчаянии Алавердян кинулся к своему дому, но на его месте лежала груда бесформенных камней, а под ними жена, внуки, зять...

В тот первый, самый страшный день Арамаис Алавердян, вероятно, еще не осознал всей глубины постигшего его горя. Во всяком случае расслабиться себе он не позволил. И как только из Еревана прибыл первый «рафик» с медикаментами и перевязочными материалами, он сразу же открыл на бывшей базарной площади что-то наподобие медпункта, используя уцелевшие лотки. Раненых было невероятно много, а он работал один. Уже потом, когда одна за другой стали подходить машины «скорой помощи», когда прибыли медики из непострадавшего района имени Камо, он как-то сразу сник.

К ночи подоспела мощная подмога из Грузии — медицинский поезд с высококвалифицированными специалистами, с полным оснащением для полевого госпиталя. Возглавлял эшелон заместитель министра здравоохранения республики О. Х. Герзмава.

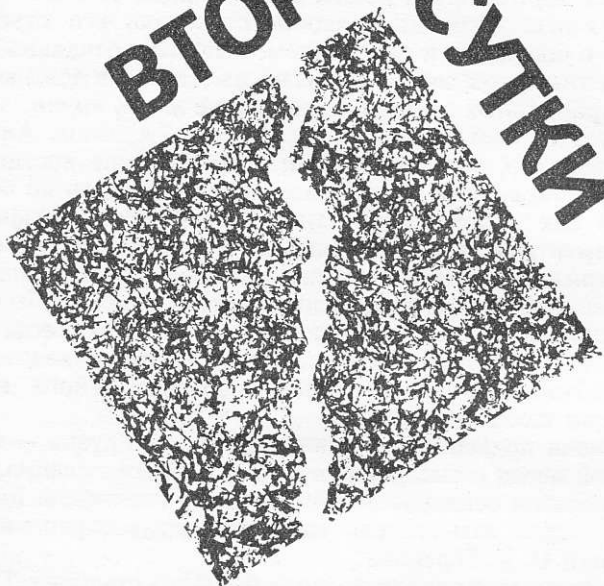
Палатки установили на поле бывшего стадиона. Поставили несколько десятков коек. Собственно говоря, понятие «койка» в данном случае не соответствовало своему конкретному значению. Матрацы с простынями и теплыми одеялами уложены были прямо на земле. И врачи, медицинские сестры подолгу на той же стылой земле выстаивали перед ранеными на коленях, устанавливая капельницы, оперируя.

— Скольким пострадавшим помогли? — спросили у Герзмавы.

— Не знаю. Не до статистики, — ответил он.

Близилось к вечеру восьмое декабря. Миновали первые сутки после катастрофы.

ВТОРЫЕ СУТКИ

«Мартiros»
значит мученик

Брожу по Ленинанкану, через силу наблюдаю, впитываю, стараюсь ничего не упустить. Профессия диктует, понуждает: иди и смотри, а душа противится, бунтует — я тоже человек, тоже горю и печалюсь и тоже не в состоянии вынести все это, хотя никто из близких не погиб, никто не лежит в завалах. Тот случай, когда исполнение профессионального долга безмерно тяготит.

Как по-разному проявляется человеческое горе...

Женщина криком кричит, рвет на себе волосы, вздымает руки — боже, за что?! Рядом маленький гробик, не

обит материей, сколочен из ДСП, в гробике ребенок, мальчик. Родня скорбно замерла рядом, никто не пробует успокоить женщину — пусть выкричится, может, хоть на какое-то время ей полегчает.

Парень в рубашке, расстегнутой на животе, расхристаный, небритый, шатается, вот-вот упадет, его поддерживают двое приятелей. Глаза парня остекленели, из открытого рта исторгается не стон — мычание. «Невеста у него в завале», — доносится сбоку.

Ишу водителя милицейской «Волги», стоящей на центральной площади, — позарез нужен транспорт, чтобы проехать на окраины. Водитель куда-то запропастился. Подлетает маленький, полный, юркий человечек-мячик, на ходу жестикулирует, то ли улыбается, то ли гримасничает, сыплет словами, как горохом:

— Ты откуда? Из Москвы? Чем помочь? Шофера найти? Я его видел. — Убегает и мигом растворяется в людском водовороте. Минут через десять приводит капитана, который сразу соглашается выручить журналиста.

— Чем еще помочь, ну, скажи? — пытается меня «мячик». Хац, джур? — переходит на армянский, достает из кармана пальто завернутый в газету кусок хлеба, из другого бутылку минералки — другой воды в городе нет. Я благодарю, отказываюсь. «Мячик» наседает: — Ну скажи, чем помочь? — и странная улыбка-гримаса блуждает на его лице. Потом вдруг сникает, плечи безвольно опускаются, руки виснут плетьюми. — А у меня все погibli, никого из семьи не осталось...

Он в глубоком шоке. Ему необходима деятельность: куда-то мчаться, что-то добывать, кому-то оказывать внимание. Без этого он сейчас не может. Когда он и тысячи ему подобных выйдут из шокового состояния, начнется самое страшное — эпидемия синдрома утраты, как называют ее врачи: тяжелейшая депрессия, чреватая самоубийствами, алкоголизмом...

Разве в прежние приезды такой знал я тебя, Армения?! Ты была спокойна и горделива. Розовый, словно светящийся изнутри туф твоих зданий, сбегające с гор буковые распадки, древние пропыленные рукописи Матенадарана, в рост человека виноградная лоза, хачкары — каменные кресты на стенах храмов, Хор-вирап — глубокий колодец, в который бросили первого проповедника христианства в

Армении Григора, мужественный пейзаж Дилижана с лесистым, подернутым белесым дымом ущельем Агстева. И люди, люди, такие разные и такие щедрые на тепло и гостеприимство!..

Дорога от Дилижана к Севану с отчаянными поворотами, где посредственному водителю делать нечего, это как бы символ Армении, как и дорога между Ереваном и Арташатам — новой и древней столицами. Эти две дороги словно бы выражают суть страны, но выражают по-разному. Вдоль первой базальтовые и гранитные обнажения нависают над шоссе, грозя обвалами, здесь словно невидимый дирижер ведет сложную партитуру каменной симфонии, здесь мощь, сила, крепость. Вторая проходит по ровной кроткой земле, дарующей хлеб, вино, веселье, радость бытия; это нежность, мягкость, ласка. Там Армения — ратоборец, защитник родного очага, здесь мать, кладущая в походную сумку воина лаваш, гроздь винограда, кувшин молодого вина.

Почему я вспоминаю обо всем этом? Ведь все это сохранилось, не разрушилось от безжалостных подземных толчков; нет, к счастью, причины сожалеть об утрате. Именно поэтому я и воскрешаю в памяти несравненную красоту армянской земли. Своего рода контраст с руинами городов, эликсир, успокоение нервов, отрада души.

И вновь разматывается клубок воспоминаний.

...На дороге по пути к Гарни на холме воздвигнута арка. Возле нее невозможно не остановиться. Поднимаешься по ступеням и вдруг оказываешься один на один с Араратом. Вырез арки геометрически повторяет линии двуглавого исполина. И хотя до горы еще шагать и шагать, кажется — она совсем близко. Арка — памятник поэту Егише Чаренцу.

Однажды я увидел около памятника женщину с цветами. В корзинах рядом с нею виноград, яблоки, персики, айва, орехи, шампанское. «Вы продаете это?» Женщина посмотрела устало, покачала головой по-матерински ласково. «Сюда скоро придут мои сыновья с друзьями. Мы каждый год бываем тут. День памяти». Мне стало стыдно за бестактный вопрос. Я подумал о жизни Чаренца, о его душе, стремившейся вместить в себя все сущее, неумемном темпераменте, о его друзьях и врагах, о беде, подкараулившей этого человека в кровавом 1937-м на полпути к величию, о

благодарных потомках, для которых его имя не пустой звук. «Не корите меня за грехи мои, их можно простить, ведь я поэт...» Этот памятник... Ничего возвышеннее я не видел и вряд ли увижу.

Вспоминаю своих армянских друзей и тех, с кем они меня познакомили. Вспоминаю мудрого старца Мартироса Сарьяна, которому, когда я впервые увидел его, было под девяносто. Складки на коже рождали ассоциации с пожелтевшим пергаментом. На нем была рабочая блуза, выпачканная краской. Мы потревожили его в момент работы, рядом у стены стоял неоконченный этюд. Кисть правой руки устало свешивалась с подлокотника кресла, она отдыхала. Будь я живописцем, с великим наслаждением нарисовал бы ее. Отразил бы все, до мельчайших выемок, бугорков, сохранив всю прелесть линий, показал бы глубокие каналы вен, истонченные сухие длинные пальцы с шелушащейся кожей и ровными ногтями. Самым выразительным в человеке традиционно считаются глаза, губы. У Сарьяна же самое выразительное — кисть руки, похожая на ветвь столетнего дерева с оттрепетавшими листьями, ветвь, просящую у корней еще хоть немного соков. Я бы запечатлел ее как совершенное творение природы — эту кисть, которая сама творит красоту.

Воспоминания, воспоминания...

По-армянски «Мартирос» — мученик. Почему я вспоминаю сейчас об этом, глядя на гробы?

Кругом масса гробов, открытых и закрытых, с телами и без, плывут на крышах автомобилей, стоят во дворах, возле завалов. На обочинах десятки трупов, прикрытых простынями, одеялами, какой-то материей, а то и просто тряпками. Лежат для опознания уцелевшими родственниками. Надо похоронить не в братских могилах, а по-людски, это свято.

Все привычные понятия сместились, трансформировались. Трагедия приобрела черты обыденности, повседневности, стала чуть ли не нормой. Мне рассказывают: на кладбище родители хоронят ребенка, к мужчине подходит мальчик лет двенадцати и просит: «Дядя, помогите мне, пожалуйста, вырыть яму, я не могу похоронить маму». Спокойно так произносит, буднично, ни слез, ни стенаний — деловая просьба.

Что же это за феномен, чем его объяснить? Может, ког-

да потеря у тебя одного, это твоя личная потеря, а когда у тысяч и ты это видишь, то твое горе сливается с их горем, образуется некое всеобщее горе, роднящее людей, твоя доля в нем кажется ничтожно малой, и это глушит страдания... Не знаю, не ведаю. Наверно, на этот вопрос могли бы ответить психологи.

Постоянно циркулируют слухи (опять-таки объяснимо шоковым состоянием), один другого чудней, нелепей. Касаются они в основном причин землетрясения. В городе, отрезанном от мира, без газет, телевидения, радио, роль информаторов выполняют разного рода всезнайки, оракулы, провидцы. Вокруг них мигом собираются толпы.

Один уверяет, что произошло ЧП на Армянской атомной электростанции, его опровергают приехавшие из Еревана, толпа верит и не верит. Другой рассказывает, будто бы где-то в горах взорвался атомный завод и сила взрыва сдвинула земные пласты. Прорицательница из Спитака клянется: неподалеку от города месяц с лишним гудела земля, из горы шел дым, чабаны боялись гонять туда овец, потом вдруг резко потеплело, стало прямо-таки жарко, и тогда она предрекла стихийное бедствие.

Очевидец, побывавший в эпицентре близ поселка Налбанд, свидетельствует: когда туда пробилась первая «скорая помощь», машину буквально начали целовать: «Мы думали, Армении уже нет...»

Все это вполне объяснимо. И не потому, что у страха глаза велики. Шок рождает в людях ощущение вселенской катастрофы, и с этим ничего нельзя поделать.

Бедная Армения! Мало тебе было десяти месяцев споров, митингов, распрей из-за Нагорного Карабаха, мало тебе было жертв чудовищной резни в Сумгаите... Нежданно-негаданно пришла великая скорбь, все, что было до этого, что будоражило республику долгие месяцы, словно отступило, ушло на задний план.

Скорбь и в самом деле великая. По данным Ереванской сейсмической станции (я получил их утром 9-го декабря), сила подземных толчков в эпицентре составила свыше 10 баллов. Такого Закавказье не помнит, такого не было столетиями.

В зону бедствия попала территория с населением свыше 700 тысяч человек. Сотни тысяч остались без крова. О числе погибших и раненых можно пока только догадываться.

Кое-что прояснил разговор с руководителем гражданской обороны Армении генерал-лейтенантом Л. Мелконовым. Я встретил его в оперативном штабе, размещенном в уцелевшем здании в центре Ленинакана. Лев Хачатурович сохранял спокойствие. В папке, с которой он не расставался, лежала свежееотпечатанная сводка. Отчетность, считает Мелконов, великое дело, в особенности для гражданской обороны: ее действия порой малозаметны глазу, но четко зафиксированы в документах (вспомним Чернобыль).

По моей просьбе Лев Хачатурович мигом и как будто даже охотно достал бумажку и бегло зачитал: полностью разрушено 168 крупных жилых и общественных зданий, 210 повреждено частично (пострадали и личные дома). Стихия уничтожила 30 промышленных объектов. Из Ленинакана вывезено в больницы и госпитали более двух тысяч человек.

— Сколько же всего погибших? — спросил я.

— Мы подсчитали, что в Ленинакане в разрушенных теперь домах проживало примерно семьдесят тысяч граждан. Но многие в момент землетрясения находились на работе, в учебных заведениях. Кто-то погиб, кто-то уцелел. Точную цифру жертв пока не знает никто.

— А в Спитаке, Кировакане?

— Спитак перестал существовать, почти все здания разрушены. В Кировакане разрушений и жертв значительно меньше, чем в Ленинакане. В Степанаване, Ахурянском районе и в других местах разрушены сотни зданий, объектов жизнеобеспечения.

— Сколько людей работает на разборке завалов?

— Тысяч шестьдесят. Сами видите, в городе уйма народу. Главная проблема — не хватает техники, в особенности автокранов.

— Как с подвозом продуктов, питьевой воды?

— Все организовано, но мешают заторы на дорогах.

По-военному четко, исчерпывающе. Однако по любому пункту ответа напрашивается вопрос: почему? Почему на исходе вторых суток все еще отсутствуют автокраны, без которых завалы практически неприступны? Почему из продуктов в Ленинакан подвозятся почти один хлеб и вода? Почему нет четкого порядка восстановительных работ и прибывающие из многих республик рабочие и спасатели подолгу простаивают или скопом кидаются на один объект?

Почему город так захламлен — везде на улицах объедки, огромное количество пустых бутылок из-под минеральной воды, тряпье — и никто не озабочен уборкой?

Не генерал Мелконов отвечает за все это, хотя гражданская оборона явно бездействует. Пока не чувствуется твердая направляющая рука, многое решают эмоции, а не разум, царят неразбериха, бестолковщина. И не случайно многие надежды связаны с приездом в Армению Николая Ивановича Рыжкова, возглавившего комиссию Политбюро ЦК КПСС.

Эпицентр сострадания

Эпицентр разрушительного землетрясения в ряде северных районов Армении стал в эти дни поистине эпицентром людской заботы, деятельного сострадания и ответственности. Вся страна участвует в развертывании спасательных и восстановительных работ, в оказании помощи пострадавшим. Координирует и направляет эту деятельность комиссия Политбюро ЦК КПСС во главе с Н. И. Рыжковым.

Утром 9 декабря на заседании комиссии с участием руководителей союзных министерств и ведомств, ВЦСПС и руководства Армянской ССР было требовательно проанализировано выполнение спасательных работ в прошедшую ночь, определены дальнейшие безотлагательные действия. Главной задачей, как было подчеркнuto вновь, остается быстрейшая разборка руин и завалов. Под ними еще могут быть живые люди — накануне, например, воинами Советской Армии при разборке одного из завалов на месте производственного помещения было вызволено на свет и спасено 200 человек. Спасти живых, полностью извлечь тела погибших — здесь дорога каждая минута.

С огромной самоотверженностью, не считаясь со сном и отдыхом, проявляя подлинные образцы гуманного героизма, трудятся над выполнением этой главной задачи воины Советской

Армии, а также добровольцы из числа местных жителей, молодежи, прибывающей из Еревана, из разных городов и республик. Только разобрав завалы, вызволив тех, кто еще может оказаться живым, и предав погребению тела погибших, можно приступить к энергичной эвакуации людей из пострадавших районов и начать планомерную работу по восстановлению и ремонту зданий, инженерных сетей, водопровода, электроснабжения...

Вместе с тем на заседании комиссии была подвергнута резкой критике медлительность республиканских органов по обеспечению пострадавших временным жильем, по организации пунктов питания, торговли продовольственными товарами. Было потребовано в течение дня в корне изменить положение.

(ТАСС)

Добираюсь я в Ленинакан и Спитак по воздуху — иной путь чреват большими задержками. Шоссе по-прежнему забито транспортом, в основном личным. Понятен порыв людей прийти на выручку, но насколько же он утяжеляет организацию спасательных работ! Автомобильные дороги надо немедленно освободить от «Волг», «Жигулей», «Москвичей», чтобы пропустить колонны с жизненно важными грузами. Легко сказать — «освободить». А как это практически сделать?

На вторые сутки беды к населению республики обратилась милиция.

ОТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АРМЯНСКОЙ ССР

С целью оказания экстренной помощи населению районов, пострадавших от землетрясения, обеспечения бесперебойной работы по расчистке завалов и спасению жизней людей правительством республики постоянно формируются и направляются на места автоколонны с предметами первой необходимости, строительная техника и механизмы.

Личный автотранспорт граждан, следующих по этим автодорогам, создает дополнительные трудности и без того в непростой обстановке, вследствие чего сформированные ко-

лонны достигают мест назначения с большими опозданиями, т. е. задерживается доставка медикаментов, пищи и других жизненно необходимых предметов.

Разделяя общее горе, постигшее республику, Министерство внутренних дел по согласованию с руководством республики взывает к здравому смыслу граждан и требует немедленного прекращения движения личного автотранспорта на автодорогах Ереван — Ленинакан, Ереван — Спитак — Кировакан. Выезжать в Спитак, Кировакан и Ленинакан разрешается в случаях крайней необходимости и только по объездным автодорогам: Ереван — Октемберян — Ленинакан, Ереван — Дилижан — Кировакан — Спитак. Въезд в указанные города запрещен. Автомобили необходимо оставлять на специально созданных стоянках вне черты городов и пользоваться общественным транспортом. В целях обеспечения нормального ритма восстановительных работ необходимо в течение суток вывезти на эти стоянки все автомобили личного пользования из городов, потерпевших бедствие, и пользоваться ими только для вывоза пострадавших.

Товарищи! Просим вас осознать, что невыполнение этих требований приведет к задержке проведения спасательных работ и новым людским потерям.

Обращение было напечатано в армянских газетах, прозвучало по республиканскому радио, телевидению. Однако еще не скоро на трассах станет свободно...

НА СЧЕТ № 700412

Для оказания помощи пострадавшим и ликвидации последствий землетрясения в ряде районов Армянской ССР Жилсоцбанком СССР открыт специальный счет № 700412, на который зачисляются добровольные денежные взносы населения, предприятий, учреждений и организаций. Средства принимаются всеми учреждениями банков СССР.

Пожертвования советских и иностранных граждан и организаций в иностранной валюте могут зачисляться на счет № 700412 во Внешэкономбанке СССР.

Все слова, все выражения слабы, чтобы хоть в какой-то степени выразить то чувство горя, сострадания и, если хотите, незащищенности человека, которое вызывает страши-

ная катастрофа, постигшая наших друзей, наших братьев из Армении. Сейчас объясняться в любви не время. Хочу только сказать: знайте, наши дорогие армянские братья, наши друзья, что мы с вами не только на словах, но и сердцем, всей душой, всеми помыслами...

Мы понимаем, что сейчас не до театров. Не до спектаклей, не до искусства. Но мы верим, что поднимутся из пепла и руин прекрасные армянские города и опять зазвучит голос театральной Армении. И вот, чтобы это произошло быстрее, Союз театральных деятелей Российской Федерации вместе с Союзом театральных деятелей СССР готов поделиться с вами, дорогие армянские друзья, всем, что мы имеем, всем, чем мы богаты.

Знайте, что в Москве и не только в Москве — во всей нашей стране — развернулось широкое движение по оказанию помощи пострадавшим от стихийного бедствия: люди предлагают пожертвования, собирают вещи, сдают кровь. Ваша боль — это наша общая боль.

Случилось страшное. Это даже не пушка ударила. Это что-то непостижимое, в один миг творения человеческих рук превращаются в пыль. Сейчас не до муз. Но музы понадобятся. И мы, как всегда, будем с вами в этот скорбный и тяжелый для Армении час.

Михаил УЛЬЯНОВ

Я потрясен. Неужели бесконечными будут раны и беды Армении? Такое чувство, что когда гремит гром — град падает на Армению. Больно. Словами не можешь. Мое сердце с армянским народом. С армянскими друзьями. В дни радости, хотя их в Армении было мало, я всегда был с вами. Беда Армении — моя беда.

Верю, можно все восстановить. Но щемит боль за погибших людей.

Расул ГАМЗАТОВ

В это трагическое для всех советских людей время я хочу высказать слова глубокой скорби и невыразимого горя. Тяжело говорить. Но надо жить не только настоящим, но и будущим. Что может поддержать человека в тяжелую минуту? Только вера в будущее. Армянский народ не раз подвергался тяжелым испытаниям. И всегда находил силы, чтобы выстоять, выжить. Каждый из нас должен сделать все, что-

бы наша родная Армения возродилась и после этой страшной трагедии.

Абел АГАНБЕГЯН

Не только радость объединяет людей, но и горе и беда. Они обостряют чувство братского единения, человеческого сострадания. И тем самым очищают нас. Объединившись в эти горестные дни, люди должны подумать о том, что еще предстоит испытать в жизни. Трагедия на армянской земле должна заставить нас быть едиными, солидарными. Быть всегда вместе.

Сергей БОНДАРЧУК

И вновь, как в первые часы после ужасного известия, новые и новые люди, города, республики вовлекаются в орбиту помощи. Какая-то неведомая сила (хотя почему же неведомая? Имя ей — сострадание) подталкивает к активным действиям. Действия эти, быть может, не всегда продуманные, но всегда — искренние, от чистого сердца.

МОСКВА. Многие городские организации напоминают сейчас боевые штабы. Днем и ночью идет добровольная, безвозмездная сдача крови для тех, кто ранен, искалечен, извлечен из завалов. Уже три тысячи москвичей сдали свою кровь. Десятки тысяч жителей нашего города изъявили желание немедленно отправиться в братскую республику спасать пострадавших, расчищать территории, восстанавливать дороги, жизненно необходимые коммуникации. Во многих московских семьях собирают посылки из теплых вещей. Пальто, свитера, обувь, одеяла, белье, посуда — все это нужно сейчас там, в Армении. Нужны медикаменты, палатки, деньги.

Создан городской штаб помощи армянским братьям, который возглавляет первый заместитель председателя исполкома Моссовета Ю. А. Беляков. Только что на президиуме исполкома Моссовета приняты принципиально важные решения. Решено перечислить пять миллионов рублей из городского бюджета на счет № 700412, отправляются 15 тысяч тонн картофеля, большое количество других овощей, строительная техника, выезжают специалисты. В район бедствия вылетает первый заместитель председателя Мостройкомитета В. И. Ресин, который будет держать пост-

янную связь с городским штабом и сообщать, какая первоочередная помощь требуется от Москвы.

Одними из первых на помощь пострадавшим бросились московские медики, которые уже работают в пострадавших районах Армении. Высокую активность проявили комсомольцы, студенты московских вузов.

АЛМА-АТА. Незапланированный рейс выполнил вчера самолет Казахского управления гражданской авиации. На его борту — около пятидесяти ящиков с донорской кровью и аппаратурой для ее переливания пострадавшим от землетрясения жителям Армении. Свои услуги уже предложили сотни студентов алма-атинских вузов.

ТБИЛИСИ. Глубокой болью отозвалось в сердце каждого жителя Грузии несчастье, постигшее братский армянский народ. Со всех концов республики в ЦК Компартии Грузии, в Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики поступают сотни предложений от отдельных трудящихся и целых коллективов об оказании конкретной помощи.

Уже вчера в сторону Армении взяли курс более 100 автомашин, груженных строительными материалами, оборудованием, в том числе пятью тысячами палаток, медикаментами.

Для принятия более 10 тысяч человек, оставшихся без крова, высвобождены больничные койки, места в домах отдыха, санаториях, в пионерских лагерях.

Вчера первая группа пострадавших прибыла в Тбилиси.

ТАЛЛИНН. Известие о катастрофе в Армении и ее жертвах потрясло жителей Эстонии. Одними из первых на него откликнулись медики. Работники здравоохранения призвали всех медицинских работников, все население республики принять посильное участие в оказании помощи пострадавшим от землетрясения.

СТАВРОПОЛЬ. Предоставить в распоряжение пострадавших от землетрясения в Армении свой профилакторий санаторного типа — такое решение единодушно приняли вчера рабочие ставропольского завода химреактивов и люминофоров имени 50-летия СССР. Заводская здравница ра-

сполагает уютными комнатами отдыха, спальнями, вместительной столовой, разнообразными лечебными кабинетами.

УЛЬЯНОВСК. На специально открытый счет уже поступили первые сто тысяч рублей. Это — и личные пожертвования граждан, и безвозмездные отчисления советов трудовых коллективов из фондов социального развития поволжских заводов, фабрик, колхозов, совхозов, организаций и учреждений. На эти средства в ближайшие день-два ульяновцы намерены поставить в Ереван самолетом шерстяные и байковые одеяла, сукно, детскую одежду, палатки, электронагревательные приборы, медикаменты.

В трудный для Армянской ССР час испытаний с ценной инициативой выступили работники ульяновской стройиндустрии. В частности, ими объявлено о направлении в пострадавшие от землетрясения районы эшелона с цементом.

БАКУ. Добрыми словами напутствовали вчера утром у проходной Бакинского производственного проектно-строительного объединения «Шельфпроектстрой» крановщиков Вагифа Асадова и Александра Синтяшина, газосварщика Сергея Новозяцева. Они отправились на десятитонном автокране в Армению помочь ликвидации последствий землетрясения.

В течение всего дня из Баку в Армению по железной дороге и автотранспортом шли контейнеры с медикаментами и промышленными товарами первой необходимости, вагоны со стройматериалами и продуктами, цистерны с топливом. 19 крупнейших предприятий города первыми проявили инициативу в оказании помощи пострадавшим.

Готова к отправке комплексная строительная бригада из 150 человек, сформированная в тресте № 4 Минстроя республики. Коллектив треста отправил в Армению вагон шифера и асбоцементных труб, тонну краски, тысячу квадратных метров паркета, строительные инструменты.

ФРУНЗЕ. Первыми пришли вчера на городскую станцию переливания крови рабочие Фрунзенского производственного трикотажного объединения. Врачи республики обратились ко всем жителям с призывом оказать помощь братскому армянскому народу и сдать кровь для пострадавших во время землетрясения. На это обращение откликнулись тысячи жителей Киргизии, рабочие, студенты. Централь-

ным комитетом Общества Красного Креста Киргизской ССР на специальный счет для помощи пострадавшим от землетрясения уже перечислено двадцать тысяч рублей.

ЛЕНИНГРАД. На заседании специальной рабочей комиссии исполкома Ленсовета определены управления, ведомства, предприятия, организации города на Неве, чье содействие может понадобиться.

Ленинградское управление гражданской авиации решило в любой час дня и ночи обеспечить нужные рейсы. Больницы города уже сейчас могут предоставить пострадавшим тысячу мест, выделены лекарства на 300 тысяч рублей. Многие ленинградские врачи выразили желание немедленно выехать в Армению. Есть добровольцы и в других организациях, на предприятиях.

ЧЕЛЯБИНСК. Более полусотни мощных бульдозеров и скреперов выведено вчера на отгрузочную площадку Челябинского завода дорожных машин. Эта техника целевым назначением отправляется в Армянскую ССР для ликвидации последствий землетрясения. Буквально через несколько часов после сообщения о стихийном бедствии из Челябинска в Армению вылетел отряд горноспасателей.

Это лишь малая толика сообщений, которыми на вторые сутки после землетрясения пестрели газеты. Не было республики, края, области, города, где бы боль Армении не восприняли как свою собственную. Не было, наверное, ни одного предприятия, организации, учреждения, не перечисливших деньги на нужды бедствующей Армении. Со всех концов страны летели телеграммы.

«Могу на время приютить двух человек из Армении детишек, оставшихся без крова. Живу одна в центре города в однокомнатной квартире. Квартира теплая, сухая, на третьем этаже. Мой адрес: Кемерово, 27, улица Красная, дом 14, квартира 11. Р. Ефремова».

«Приму ребенка из Армении. Мой адрес: Минск, ул. Сердича, дом 50, корпус 1, квартира 15. Баленда Валентина Борисовна».

«Возьмем на воспитание троих детей любого возраста, оставшихся сиротами после землетрясения. Наш адрес: Новосибирск, улица Фрунзе, дом 57а, квартира 208. Тетюриновы».

«Возьмем двоих детей на время или навсегда. Свой дом, материально обеспечены. Адрес: Краснодарский край, г. Ейск, Ростовская улица, дом 268. Никитченко Иван Дмитриевич и Александра Павловна».

Не одна, не две — шли сотни, тысячи таких телеграмм.

То взлет,
то посадка

Самым беспокойным местом Еревана в эти вторые после удара стихии сутки (да и в последующие) стал аэропорт Звартноц. Хотя «беспокойное место» — не совсем верное определение. Скорее — кипящий котел, не остывающий ни на миг. Гул, свист, рев турбин, постоянные перемещения машин сопровождения, техники обеспечения, посадки с интервалом в две-три минуты тяжелых лайнеров, сверхнапряженные смены диспетчеров, «дирижирующих» потоком самолетов, и грузы, грузы, грузы...

Именно сейчас все лишний раз убедились в поистине безграничных возможностях авиации, особенно незаменимой, когда дорог каждый час. Звартноц многократно превысил свои возможности, но не подкачал.

Когда его только проектировали, некоторые скептически морщились: зачем Еревану такой гигант? К счастью, их не послушали, и в столице республики появился аэропорт международного класса и уровня. Как пригодился он теперь!

Мир сострадал нашей беде. Общества Красного Креста многих государств передавали немалые средства в помощь пострадавшим. Поступали сообщения о том, что готовятся к отправке в Армению отряды спасателей, донорская кровь, лекарства, медицинская аппаратура, продовольствие, одежда. В небе Звартноца совсем скоро станет тесно...

А пока со всех концов нашей страны в Ереван спешат советские лайнеры — гражданские и военные. И тут возни-

кает первая проблема: как организовать их прием? Ереванские диспетчеры одни не могут с этим справиться. И тогда им придутся коллеги из Москвы, Ленинграда и других городов — специалисты первого класса, большинство из которых владеют английским. Ведь вот-вот хлынет поток самолетов иностранных авиакомпаний, а отдельные суда уже приземляются в Звартноце.

Никогда прежде аэропорт не видел такого количества тяжелых машин. Садятся один за другим ИЛ-76 и АН-22, в их чреве автокраны, экскаваторы, бульдозеры, другая техника. К ночи начальник Армянского управления гражданской авиации Эдуард Папикян удовлетворенно подводит итоги: принято и разгружено самолетов больше, чем планировалось.

Вместе с гражданскими неустанную вахту несут и военные летчики. На вторые сутки после катастрофы по воздушному мосту, соединившему Звартноц со всей страной, летают уже около 250 военно-транспортных самолетов — бортов, как их привычно называют. Плюс многие десятки военных вертолетов. Центральный командный пункт ВВС контролирует их перемещение «во времени и пространстве». Схема простая: колонны техники в разных городах прибывают на военные аэродромы, оттуда их оперативно перебрасывают в Ереван. Приоритетный груз — подъемные краны, ему дается «зеленая улица».

Крайне необходим для приема тяжелых «илов» и аэродром Лениакана, пострадавший от землетрясения. Каждый потерянный на переброске техники час — это новые смерти пленников завалов. Поэтому поставлена задача ввести аэродром в действие как можно быстрее.

Прибывшие в Лениакан заместитель начальника Армянского управления гражданской авиации Ю. Мнацаканов и другие специалисты быстро определили урон. Повреждено здание аэровокзала — треснули колонны. Другие здания целы и невредимы. Отсутствуют энергоснабжение, связь. И то и другое удалось наладить в кратчайший срок — все объекты перешли на автономное питание. Практически аэропорт не закрывался, раненых вывозили постоянно. Люди валились с ног от усталости, но никто не уходил спать. Самое же главное — удалось устранить повреждения на взлетно-посадочной полосе. Она стала способна принимать тяжелые ИЛ-76.

И так же, как в Звартноце, наибольшая нагрузка досталась диспетчерам. С. Шабоян и Г. Маргарян обслуживали раньше 4-5 рейсов в сутки. Теперь — более 130 рейсов. И справились. Причем сами, без ереванских диспетчеров. Те при всем желании не могли помочь — не знали специфики горного аэродрома, а без этого нельзя садиться за пульт управления.

Бессменно трудились некоторые экипажи, не обращая внимания на то, что намного перекрывают установленный по соображениям безопасности лимит часов, проведенных в воздухе. Разве до этого сейчас...

Вот строки из отчета о работе экипажа самолета АН-26 Краснодарского авиаотряда: «...В ночь с 8 на 9 — 150 человек в Ленинакан, оборудование, медикаменты, питание. Обратно — 50 тяжелораненых». И это только один экипаж и только одна ночь.

Рассказывает Анатолий Саценко, командир экипажа АН-26, одним из первых приступившего к оказанию помощи пострадавшим:

«Мы выполняли рейс Краснодар — Ереван. В 18 часов сели в Звартноце. Сразу бросилась в глаза какая-то напряженность, бегали люди, сновали машины. На перроне — 40 — 50 машин «скорой помощи», военные. Аэропорт оцеплен. Подъехала машина:

— Откуда?

— Из Краснодара.

— Что привезли?

— Медикаменты.

— Срочно разгружать. Через 20 минут вам будет заправка.

— Что случилось?

— Землетрясение.

Разгрузили самолет в считанные минуты. В штурманской изучили инструкцию по горному аэродрому Ленинакана и в 18.30 уже взлетели. В 19 часов были там.

Когда сядились, было жутко. Сплошная темнота. Лишь горящие остатки городских построек чуть освещали остовы бывшего жилья. Дым застилал еле светящуюся взлетно-посадочную полосу. Из всех зданий аэропорта горел огонек лишь в диспетчерской.

Только зарулили на стоянку, подошла машина с ранеными: школьники в форме, старики, женщины. Стоны. Мороз

по коже пробежал. Сразу 26 человек загрузили, 18 — на носилках. Спрашиваем: у кого подписать взлетную?

— Какую взлетную? — отвечают. — Запускай быстрой — и в Звартноц.

Всем в аэропорту командовал Мнацаканов. Мегафона не было, радики тоже. Он охрип от крика. Только слышно было одно слово: «Давай!»

Экипажи прилетающих сюда первых самолетов были всем чем угодно: и санитарями, и грузчиками, и утешителями, и информаторами. Наш второй пилот Александр Зарубин организовал доставку из Звартноца в Ленинакан разовых шприцов, глюкозы, обезболивающих средств, шин. Узнавал, что еще нужно, и по прилете в Ереван требовал: «Дайте то и то...»

В Ленинакане ночь, холод. Люди, оставшиеся без крова, вынуждены сидеть во дворах, жечь костры. Вскоре Саша Зарубин в Звартноце требует: «Дайте палатки».

Быстро загрузили, отвезли. Обрато — 25—30 раненых. Не забыть того момента, когда на борт доставили только что родившихся детей. Они были завернуты только в пеленки. Нужно было детское молоко и что-то из теплого белья.

В Звартноце передали просьбу медиков прислать детское питание и одежду.

В первые два дня были и другие трудности. Например, на борту раненые, умирающие, а заправка задерживается. Говорят, остался только резерв топлива, его трогать нельзя. Какой в такие минуты может быть резерв!..»

Когда мужчины не стыдятся слез

Я улетал из Ленинакана вечером девятого. Пробриться к аэропорту было крайне трудно. Несмотря на предупреждение МВД республики, на попытки работников ГАИ, солдат внутренних войск перекрыть транспортные артерии для личного транспорта, машин была уйма, заторы кошмарные. Прибег к помощи милиции, на «Волге» с мигалкой еле-еле проскочили хитрыми объездными путями, причем пришлось перетаскивать «Волгу» на руках через железнодорожное полотно.

Вот наконец и взлетная полоса, наготове ТУ-154. Едва

успеваю взбежать по трапу, который тут же убирают. Салон почти пустой: пятеро раненых, несколько медсестер, врач — все. ТУ взлетает и через считанные минуты садится в Звартноце, где кишмя кишат самолеты. Сколько же мы сжигаем керосина всего с пятью ранеными на борту? Сейчас не до экономических выкладок, некогда оперировать категориями «выгодно — не выгодно». На карте — человеческие жизни. Насколько правильно было организовано спасение жертв катастрофы — об этом будут думать завтра.

Важно успеть. Жизнь многих пострадавших висит буквально на волоске. Никогда не забуду увиденное в другом ереванском аэропорту местного значения — Эребуни. Здесь сосредоточился самый мобильный авиационный парк: вертолеты МИ-8, МИ-6, МИ-26, самолеты АН-26. Сюда привозят раненых, отсюда доставляют в Ленинакан, Спитак, Степанаван, сельские районы продовольствие, палатки, медикаменты. Сбоку, у стены аэровокзала, рядом выстроились штук пятнадцать карет «скорой». Надписи на бортах на грузинском — эти машины примчались в Армению в числе первых.

Каждые три-четыре минуты на поле садится очередная «вертушка». Тут же срывается с места ближайшая «скорая» и подлетает к ней, еще стригущей воздух лопастями-ножницами. Из распахнутой двери вертолета появляются носилки, раненых переносят в «скорую», она разворачивается — и в ближайшую больницу. И снова садится вертолет, снова к нему подлетает «скорая»... Бесконечный конвейер.

И вдруг заминка. В «скорую» внесли носилки с неподвижным, не открывающим глаз пожилым мужчиной. Я захожу неподалеку и хорошо вижу седую щетину на его изможденном лице. Машина почему-то не отъехала. Затем носилки выгрузили, сопроводив какими-то словами. Хлопочущая возле носилок женщина в черном пальто с меховым воротником забилась в истерике, ее подхватили под руки лейтенант милиции и парень в летной куртке. «Скорая» уступила место «рафику» с красным крестом. Я догадался: «рафик» перевозит трупы.

МИ-8 вез из Спитака живого, а доставил мертвого. Жизнь вытекла из него минуту-другую назад. Жена в истерике, как могут успокаивают ее милиционер и механик. Стоящий рядом со мной работник ереванского горкома партии Завен Галстян не стыдится слез: «За что такая напасть на Армению, чем провинился мой народ?!»

ТРЕТЬИ СУТКИ

В ЦК КПСС, ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР И СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум
Верховного Совета СССР и Совет Министров
СССР постановили:

В связи с трагическими последствиями зем-
летрясения в Армении — гибелью многих лю-
дей — объявить в стране траур 10 декабря
1988 года.

На всей территории страны приспустить государственные флаги, отменить увеселительные мероприятия. Внести необходимые изменения в программы радио и телевидения.

ОТЪЕЗД М. С. ГОРБАЧЕВА В АРМЕНИЮ

10 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев отбыл из Москвы в Армению.

Огромная беда обрушилась на армянскую землю. Ее страшный лик — в дымящихся руинах Лениакана и Спитака, в завалах Кировакана и Степанавана, в ночных кострах, у которых обгораются тысячи семей, потерявших кров. Стихийное бедствие, охватившее территорию с населением свыше 700 тысяч человек, унесло десятки тысяч жизней, тысячи людей получили ранения.

Чтобы разделить с пострадавшими, их родными и близкими большое человеческое горе, определить дальнейшие конкретные меры помощи, в Армению 10 декабря прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев. Вместе с товарищами Рыжковым Н. И., Слюньковым Н. Н., Язовым Д. Т., другими членами комиссии Политбюро, а также первым секретарем ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюняном он ознакомился с ходом спасательных работ в городе Лениакане.

Сразу же после въезда в г. Лениакан по дороге из аэропорта справа и слева — руины домов, общественных и административных зданий, промышленных предприятий, нагромождения искореженных железобетонных конструкций, зияющие провалы в опаленной огнем земле. Работают краны, другая техника, сотни и тысячи людей разбирают развалины, с тем чтобы спасти близких.

М. С. Горбачев подходит к одному из завалов, где его сразу же окружает плотная масса

людей. Женщины с плачем рассказывают о гибели родственников, просят помощи. Слышатся выкрики мужчин: «Нужна прежде всего техника! Не хватает мощных кранов!»

Невозможно словами выразить то, что видишь здесь, в многострадальном Ленинкане, говорит М. С. Горбачев. Все мы, вся страна разделяем вашу горе. Можете не сомневаться: будет сделано все, чтобы сполна оказать необходимую помощь. Сейчас самое главное — спасти всех, кого еще можно спасти. Детей и женщин надо как можно быстрее эвакуировать. В Грузии, Краснодарском и Ставропольском краях, других районах уже подготовлено 50 тысяч мест для их размещения. Мужчины, я надеюсь, останутся, примут участие в расчистке завалин.

Еще остановка. М. С. Горбачев, другие руководители успокаивают людей, рассказывают, что уже делается для оказания неотложной помощи Ленинкану, другим городам, ставшим жертвами стихии. В аэропорт только сегодня прибыло около 80 транспортных самолетов с различными грузами, десятки самолетов находятся в воздухе или под погрузкой — практически во всех союзных республиках... К завтрашнему дню здесь должно быть около 500 кранов. Постоянно прибывают самолеты с врачами и другими специалистами, медикаментами, палатками, одеялами, снаряженные правительствами многих стран мира, международными организациями. В основном восстановлены автомобильные и железные дороги, принимаются меры по обеспечению пострадавших продовольствием, медикаментами, временным жильем, одеждой и обувью, налаживанию энерго- и водоснабжения, связи.

Во время одной из встреч к Михаилу Сергеевичу подходит один из французских спасателей, прибывших для розыска людей в завалинах. М. С. Горбачев тепло благодарит за готовность помочь нам в беде. Уже приступили к работе те, кто прибыл из ряда других стран, — пожалуй,

невозможно более наглядно выразить благородство общечеловеческой солидарности.

То и дело вдоль дороги встречаются меж руин пункты скорой помощи. Е. И. Чазов рассказывает, что организована врачебная помощь всем, кто в этом нуждается. Здесь развернуты несколько операционных, подвозятся тонны лечебных материалов. Министр здравоохранения СССР говорит об армянских врачах, которые самоотверженно продолжали выполнять свой долг даже в самых трагических обстоятельствах, потеряв родных и близких.

Повсюду, где идут спасательные работы, можно видеть солдат и офицеров. Советские воины не только расчищают завалы, но и помогают поддерживать порядок, восстанавливают дороги, разбирают палатки. В полевых кухнях готовится горячая пища.

Прибыв в тот же день в Ереван, М. С. Горбачев провел рабочее совещание, на котором были обсуждены необходимые меры помощи пострадавшим. Сейчас, подчеркнул он, надо думать о решении самых неотложных задач — спасении людей. Одновременно нужно готовиться к восстановлению разрушенных городов. Беда наша безмерна, потери велики. Но общими усилиями всех республик будет сделано все, чтобы поддерживать братскую Армению.

(ТАСС)

Отдать сердечное тепло

Живу в Ереване у заведующего отделом горкома партии Левона Бабаяна. Протираю глаза в пять утра, пишу очередной репортаж, к девяти Левон привозит меня на постоянно шалящей, выкидывающей коленца «Волге» (купил старую, списанную машину, и все нет времени починить ее) в горком, я связываюсь со своей редакцией, передаю материал «в номер» и мчусь в аэропорт, а оттуда — в Ленинакан или

Спитак. К ночи любым подходящим транспортом возвращаюсь в Ереван и попадаю прямо за стол, накрытый гостеприимной женой Левона Наташей — красивой молодой русской женщиной, впитавшей армянские привычки и традиции и сдобрившей их славянской широтой натуры. В застолье непременно участвуют друг и коллега хозяина Завен Галстян и его жена, без пяти минут доктор наук Гаяне. Ложусь спать за полночь, встаю снова в пять утра, и так все дни. Откуда только силы берутся...

Левона я не знал до нынешнего приезда. Он услышал, как я, заскочив в горком, попросил помочь с гостиницей, и подошел ко мне:

— Зачем гостиница? У меня квартира в центре, вам будет удобно.

Сказано было так искренне, открыто и доверительно, что я не стал отнекиваться и ни разу потом не пожалел об этом, ни разу не почувствовал неловкости или стеснения. Вскоре уже мне казалось, что я знаком с Бабаяном много лет.

Не хочу казаться сверхпроницательным, но я, пожалуй, понял, почему он предложил незнакомцу кров и пищу и сильно обиделся бы, если бы я отказался это принять, почему каждый вечер приглашает гостей и мы вместе ведем неспешные беседы, хоть немного снимающие усталость и стресс. Глубоко страдая, как всякий армянин, лучше других зная (информированность партийного работника) трагизм ситуации и то, какие колоссальные силы бросила страна на помощь бедствующим, какое участие принял в трагедии Армении весь мир, Левон жаждал кому-то отплатить за добро хоть каплей сердечного радушия. Подвернулся я, московский журналист, — и он отдал мне свое тепло. Будь на моем месте другой, Левон наверняка поступил бы так же.

И еще одна причина: тяжело было находиться вечерами вне людского окружения. Вдвоем, втроем, вчетвером легче...

За столом как-то сами собой рождались воспоминания. Гаяне рассказала о своей бабушке — непревзойденной Рипсима Одабашян. Полвека играла она на сцене Лениканского театра, снискав огромную популярность. Легкая, грациозная, кокетливая, она говорила на чистом, литературном армянском языке. Обожала поэзию, цветы, жила прекрасным и во имя прекрасного. Она принадлежала Леникану столь полно и безраздельно, что стала живым украшением,

символом культуры старого города, который прежде назывался Гюмри, а потом Александрополь.

— Бабушке исполнилось восемьдесят два, у нее начался сильный склероз, оставлять ее одну стало сложно, и я перевезла ее в Ереван. Она очень тосковала без Ленинакана. Такое ощущение, будто из нее по каплям вытекала жизнь. Что теперь с театром, кто вспомнит Рипсима Одабашян... Город можно отстроить заново, и будут бить фонтаны и тянуться к солнцу цветы, но как вернуть ему душу?..

Я листаю томик Чаренца, захваченный в дорогу, нахожу знакомые стихи, бесшабашные и беспечные, читаю вслух:

Обойди переулки, тоскуй, гори, —
От зурны избавленья нет, —
Желто-серый старый Гюмри
Исподлобья посмотрит вслед.

Обойди весь Гюмри, утомлен и пьян,
Пусть шатает тебя, все равно,
На бульваре деревья канут в туман,
Усмехнется «Аполло»-кино...

Упадешь под забором, и сердце вдруг
Перестанет в груди стучать,
А Гюмри не уронит стакана из рук, —
Пей, гуляй, наливай опять!..

Нет, стихи сейчас читать не стоит: в глазах Гаяне предательская влага. Долго еще не сможет прийти в себя самый веселый и отчаянный город республики.

Алиса в бетонном «зазеркалье»

В здании Ширакского райкома партии Ленинакана разместились прибывшие из Франции военные спасатели. Здание невысокое, из туфа, оно практически не пострадало от землетрясения (это к вопросу о том, как и из чего строить в Армении. К нему мы еще вернемся).

Вместе с Размиком Давояном идем по коридорам. Везде порядок, спокойствие, деловитость, столь необходимые сейчас во взбудораженном, лишенном сил городе. Надписи на

французском, русском и стрелки, показывающие, где кто находится. Резкий контраст с нашими штабами, с их неприбранностью, мельтешней и разговорами на повышенных тонах.

В помещениях райкома горят настольные лампы (свет проведен от автономного источника питания, привезенного французами с собой), в углах комнат — инструменты, оборудование. Судя по всему, оснащены французы самой современной техникой. Ночуют в здании райкома и во дворе, в палатках. Спальные мешки, теплые вещи — все предусмотрительно захватили, вылетая из Марселя.

Может, они так спокойны потому, что для них это чужая беда, им несложно сохранять хладнокровие и даже улыбаться? Нет, переживают французы глубоко и сильно, просто таков стиль работы профессионалов (подчеркиваю — профессионалов).

Мы безуспешно ищем переводчика, который помог бы поговорить со спасателями. Мелочь, но, принимая экстренную помощь из-за рубежа, о том, что нужны переводчики, забыли. Неужели армянский «Интурист» не мог позаботиться об этом? Размик вынужден предложить свои услуги, хотя, не в обиду ему будет сказано, его французский весьма далек от совершенства.

— В Армении нас уже 325 человек. — Полковник Яник Кайярек уделяет нам несколько минут. — Половина в Ленинакане, другая половина направлена в Спитак, там положение особенно сложное. Бок о бок с нами работают австрийцы, швейцарцы. У нас здесь 13 натренированных собак, умеющих отыскивать места, где заживо погребены люди, и 36 — в Спитаке. Имеем и специальные устройства для направленного прослеживания завалов.

— Доводилось ли раньше видеть такое? — спрашивает Размик и машинально проводит рукой по небритому лицу, которое сейчас похоже на многие другие небритые лица в Ленинакане. И седины, кажется, добавилось за эти дни.

— Мы работали в Алжире, Италии, — полковник загибает пальцы «по-европейски», начиная с большого, а не с мизинца, как мы, — в Сальвадоре, Бейруте, Мексике. Могу засвидетельствовать — в Армении обстановка намного тяжелее. У нас в запасе максимум четверо суток — после этого вероятность найти живых будет минимальной. Правда, в Мехико мы нашли одного человека на двенадцатые сутки,

но там условия были иными. Есть печальная статистика: из каждой тысячи попавших в завалы людей каждый час умирает пятьдесят...

— Если бы вы прибыли чуть раньше! — горестно вырывается у Размика.

— В Мехико мы оказались через 36 часов после землетрясения. Примерно с таким же интервалом попали и в Армению. Просто ситуация здесь иная.

— Многих уже спасли? — спрашиваю я.

Полковник оборачивается к своему коллеге, изучающему карту города, и приглашает его принять участие в интервью.

— Подполковник Бернар Монури, — по-военному четко представляется тот. — В Ленинакане нашли десятка два живых. Нас информируют местные жители, по их сигналам высылаем группы спасателей. К сожалению, мертвых вытаскиваем больше, чем живых. Развернули свой маленький лазарет, у нас с собой лекарства, продукты...

В этот момент в комнату влетает взъерошенный, с сумасшедше блестящими глазами невысокий парень в расстегнутом, с оторванными пуговицами пальто.

— Я умоляю, — обращается он по-русски к французам, — я умоляю, жена брата, седьмой месяц беременности, живая, не можем вытащить...

Военные понимающе кивают. Ясно и без перевода: кто-то нуждается в их помощи. Феликс Нагапетян (так парень представился) выбегает из комнаты, мы за ним. На переговоры уходит минуты две, и вот уже несколько французов вскакивают в машину, втаскивают необходимое оборудование. Феликс едет впереди на «Жигулях» и показывает дорогу.

В машине спасателей лишних мест нет, мы останавливаем первый попавшийся «рафик». Нам везет — водитель без звука соглашается отвезти нас. Теперь главное — не потерять французов из виду.

...«Треугольник», самый пострадавший район Ленинакана. На месте бывших девятиэтажек — холмы скорби из плит и строительного мусора. Дома от подземного толчка рассыпались, развалились сразу, скреплявший плиты раствор не оказал ни малейшего сопротивления стихии. Смотришь на то, что еще совсем недавно называлось домом, в котором жили люди, осматриваешь валяющиеся обломки и

диву даешься: следов цемента нет и в помине. Куда же он мог деваться? Или отсутствовал изначально? На чем же держались девятиэтажки — на честном слове? Кому пришлось в голову возводить в сейсмоопасном месте эти «спичечные коробки», к тому же возводить халтурно, с отступлениями от технологии? Это тема особого разбирательства, особого разговора.

Вечереет. С вершины одного из холмов, где мы стоим, видна панорама района, рождающая жуткую тоску и безысходность. Десятки холмов, возле многих вытянули жирафы шею краны. У подножий горят костры. Пространство изредка окрашивается голубым — включаются газорезки. Пейзаж после битвы или начало «ядерной зимы»?.. Холмы буквально облеплены спасателями, их помощниками и просто глазающими. Первых — десятки, вторых и особенно третьих — сотни, тысячи. Еще потому, наверное, так много томящихся без дела людей, что они инстинктивно тянутся друг к другу. Одиночество сейчас убийственно.

Стоим на чем-то упругом, изредка проседающем. Под нами, возможно, люди, замурованные в бетонном склепе, мертвые и живые. При каждом шаге испытываешь нечто такое, что не поддается передаче обычными словами. Будто ходишь по головам...

Размик продирается вперед, чтобы лучше видеть работу спасателей, я за ним. «Мы говорим о жизни как о чуде», — вспоминаю начало его «Реквиема», переведенного на многие языки. Спасение одного-единственного человека — Алисы Нагапетян и будет сейчас подлинным чудом.

Рядом с французами и австрийцами ее муж. Он ни секунды не стоит на месте, прыгает, мечется, то и дело бросается к образовавшемуся отверстию: «Алиса, ты слышишь меня?!»

Алиса совсем близко, две плиты отделяют ее от сходящего с ума мужа. Она протягивает в отверстие руку, врач дает ей раствор с глюкозой для поддержания сил, что-то спрашивает. Она отвечает на его вопрос. «Что, что она сказала?» — интересуются вокруг. «Чувствует себя ничего, только очень ослабела. Плита слегка придавила ей ногу»...

Жизнь и смерть разделены двумя бетонными плитами. Снять их одним махом? Нет ничего проще, однако риск велик: могут сдвинуться другие, и тогда... Французы и австрийцы действуют предельно осторожно, без спешки.

Каждое движение многократно выверено. Это и есть профессионализм.

Они строполят верхнюю плиту, делают знак крановщику-армянину, прекрасно понимающему их жесты. Натягиваются тросы, плита вздрагивает, едва приподнимается, и тут руководитель операции дает отмашку — стоп. Опасно. Начинается обсверливание бетона по краям, ищется возможность сдвинуть плиту как можно аккуратнее.

— Алиса, ты слышишь меня?! — Голос мужа срывается.

Под плиту подсовывается маленькая надувная подушка размером приблизительно тридцать на тридцать сантиметров, а может, и меньше. Кто-то громко поясняет на армянском, Размик переводит мне: такая подушка в состоянии приподнять вес до тридцати тонн, а есть и метровые, те чуть ли не триста тонн могут поднять на полметра. Пошла-поехала злосчастная плита, приоткрыла доступ к несчастной пленнице. Но радоваться преждевременно. Есть еще одна плита, последняя, мешающая вызволить ее из плена.

Заросший трехсуточной щетиной мужчина в грязных сапогах и ватнике простуженно, лающе кричит на толпу, обступившую спасателей. Все отходят на несколько шагов, потом снова начинают стягиваться к месту события. Мужчина опять лает, толпа вновь отходит и вновь приближается. С ней ничего нельзя поделать. Спасателям это, похоже, не мешает, или они делают вид.

Один из австрийцев, совсем молодой розовощекий увалень, начинает резать бетон бензопилой. Его сосед включает резак, наподобие шлифовального круга, и вгрызается в металлическую конструкцию. У спасателей миниатюрные лампы, дающие сильный направленный пучок света. Все предусмотрено, все под руками, даже свой компрессор гудит внизу, у подножия холма. А таких топоров, какими орудуют французы, я вообще нигде не видывал. Чего только ими не сделаешь. Разве что щи из них нельзя сварить, остальное — пожалуйста.

На соседнем холме работают наши. Два парня в грязных куртках и шлемах в азарте долбят ломami неподатливый бетон, аж искры летят. Потом строполят плиту, с помощью автокрана отбрасывают ее в сторону. Лихо, ничего не скажешь. В отверстие бросаются двое, начинают выкидывать наружу одежду, обломки мебели — очевидно, попали в

сохранившуюся жилую комнату. Спасать некого. И снова в ход идут ломы — другой техники у наших нет. Нет даже ламп — подсветку делают, включая газовые горелки.

А на нашем холме спасательная операция близится к завершению. В надувные подушки нагнетается воздух, плита приподнимается, высвобождает пространство, достаточное, чтобы в него мог влезть врач. Он осмотрит Алису, если нужно, сделает ей укол. Не забыть бы ему о «синдроме сдавления», как его называют в медицине. Мне рассказывали: прежде чем вытаскивать человека из завала, надо обязательно наложить на сдавленную конечность жгут или перевязать веревкой, иначе он может умереть. Врачи это знают, вернее, должны знать. Но знают ли об этом спасатели или те добровольцы, которые ищут в завалах живых? Иностранцы — те определенно знают, потому и не спешат вызволять Алису, пока ее не осмотрит врач. Но сколько уже было случаев поспешности, столь понятной и неизбежной, однако приводившей к беде. Еще десять минут назад человек был жив, подавал голос, а достали труп.

Алиса Нагапетян вышла из страшной переделки живой. Ее тут же увезли на «скорой». Рыдающий от счастья муж, брат мужа и другие оставшиеся родственники помчались следом.

Мы говорим о жизни как о чуде...

Сообщают наши зарубежные корреспонденты

ЛОНДОН, 10. Одна за другой подъезжают тяжело груженные машины к освещенному вечером и ночью яркими прожекторами ангару, который администрация лондонского аэропорта «Хитроу» предоставила для грузов, направляемых в Армению. Работа идет круглосуточно. Люди спешат, понимают — дорог каждый час.

Англичане близко к сердцу приняли беду, обрушившуюся на нашу страну. Председатель правления Московского народного банка в Лондоне А. Маслов рассказывает:

— Как только в газетах сообщили номер счета, на который можно переводить деньги в помощь пострадавшим от землетрясения, к нам сразу же начали звонить. До ста звонков в час. Пришлось установить дополнительные телефонные линии. Одновременно создана группа, принимающая экстренные вклады и денежные переводы в самом зда-

нии банка. Английские служащие работают без выходных и до позднего вечера, когда уже прекращается деловая жизнь города. Уже внесено более 150 тысяч фунтов стерлингов деньгами, на 5 тысяч фунтов стерлингов оформлены посылки.

Не смолкают телефонные звонки в здании нашего торгопредства в Лондоне. Многие английские фирмы — такие, как «Уэлкам фаундейшн», «Джон Браун», «Секонда», наша компания, торгующая нефтью и зарегистрированная здесь как «Нафта Ю. К.», и другие — срочно предоставляют денежную помощь, закупают лекарства, разовые шприцы, обезболивающие медикаменты, аппараты для переливания крови, готовят посылки с палатками, теплой одеждой, консервированными продуктами. Фирма «Саймон карвс», ведущая строительство объекта в Ереване, немедленно передала все свое техническое оборудование (бульдозеры, краны, тракторы и т. д.) для спасательных работ на месте.

Поступают многочисленные предложения от англичан, которые хотят непосредственно участвовать в оказании помощи пострадавшим от землетрясения. Рабочие, медсестры, строители готовы отправиться в Армению.

Здесь обращают внимание и на то, с каким пониманием откликнулся на трагедию в Армении официальный Лондон. Сегодня в газетах объявлено, что правительство Великобритании учредило специальный фонд помощи жертвам землетрясения в 5 миллионов фунтов стерлингов, который предоставляется Красному Кресту для срочной реализации.

НЬЮ-ЙОРК, 10. Трагедия армянского народа отозвалась в сердцах американцев, которые выражают готовность протянуть руку помощи попавшим в беду, поддержать своим участием тех, кто в этом нуждается.

На экранах телевизоров замелькали адреса и номера телефонов, куда следует обращаться для передачи пожертвований пострадавшим от землетрясения. По сообщениям радио и телевидения, в фонд помощи уже собраны по всей стране сотни тысяч долларов. Телекомпания Эй-би-си рассказала о пожелавшем остаться неизвестным молодом человеке, который внес в фонд помощи 25 тысяч долларов. Во время хоккейного матча между американской и советской командами в городе Пеория (штат Иллинойс) зрители стали собирать пожертвования в фонд помощи жертвам

землетрясения. К концу матча огромная картонная коробка была наполнена денежными купюрами и драгоценностями.

По решению правительства США с аэродрома имени Дж. Кеннеди вылетел в СССР специальный самолет с медикаментами, одеждой и постельными принадлежностями, поисковой группой с натренированными собаками, способными обнаруживать людей в многослойных завалах.

Во все советские учреждения в США, в том числе и в корреспондентские пункты «Правды», поступают сотни звонков и телеграмм. Американцы выражают искреннее сочувствие и глубокие соболезнования в связи с трагедией, постигшей народ Армении. Готовность прийти на помощь советскому народу в трудный для него час — еще одно свидетельство того, что советско-американские отношения претерпели за последние годы серьезные изменения.

БОНН, 10. 41—41—41. По несколько раз в день загораются эти цифры на экранах западногерманских телеканалов. Это номер специального банковского счета для пожертвований.

Трагедия людей, пострадавших в Армении от жестокой стихии, глубоко взволновала общественность ФРГ. Искреннее соболезнование, сочувствие сопровождаются стремлением помочь жертвам катастрофы.

В Ереван срочно вылетела группа спасателей с овчарками, выдрессированными для поиска людей в завалах. Сегодня в шесть утра из Кельна прямым рейсом в столицу Армении ушел транспортный самолет с палатками, медикаментами, плазмой крови. В тот момент, когда передаются эти строки, готовится еще один авиарейс на Ереван с медикаментами (в том числе несколькими сотнями тысяч иницеев одноразового пользования), палатками, одеялами и т. п.

Доставку оплачивает федеральное правительство, выразившее готовность оказать пострадавшим от землетрясения помощь, а грузы отправляет Немецкий Красный Крест.

Все это рассказал корреспонденту «Правды» руководитель отдела НКК Юрген Кроненбергер. Отдел его называется «Международная помощь при катастрофах», и именно господин Кроненбергер руководит сейчас организацией помощи.

Наряду с НКК в оказании гуманитарной помощи жертвам землетрясения принимают участие другие общественные организации.

На исходе третьих суток после землетрясения в Ленинакане, Спитаке, Кировакане, других местах уже работали спасатели нескольких европейских стран, в том числе Италии, Швейцарии. В Ереван прибыли самолеты с различными грузами из США, Индии, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Австрии... Всего совершено около 50 рейсов. Сложные формальности, требуемые для прилета в СССР иностранных лайнеров, сведены к минимуму. Достаточно договоренности по телефону, нескольких телетайпных строчек.

В адрес советского руководства уже поступило более пятидесяти телеграмм соболезнования от глав зарубежных государств и правительств.

Куда девались куртки?

Несколько раз в течение этих суток я улетал из Еревана в Ленинакан и Спитак и возвращался обратно. Вот и сегодня воспользовался авиацией, четкой и безотказной. В аэропортах никто не спрашивал у меня удостоверение, я подходил к самолетам и вертолетам совершенно свободно. И не я один. По летному полю разгуливали небритые сумрачные люди, бросающиеся к каждому прибывающему лайнеру и готовые немедленно принять участие в разгрузке. Особенно много таких людей ночью.

Главное — побыстрее отправить грузы терпящим бедствие. И потому, наверное, этот постоянно меняющийся численность разношерстный отряд добровольных помощников не вызывал противодействия милиции. В хаосе и столпотворении каждой паре рук были рады.

А воздушные суда все прибывали и прибывали. Десятки машин беспрепятственно въезжали на поле, набивали кузова медикаментами, продуктами, теплой одеждой и устремлялись на автострады, ведущие на север, туда, где беда. Накладных никто не выписывал — надеялись на порядочность, да и не до того было.

Удивительные образцы самопожертвования продемонстрировали ереванские водители. Сотни рейсов на их счету, десятки тонн ценных грузов доставлено ими в районы зем-

летрясения. Честь им и хвала! Но почему-то не выходит из головы сцена, свидетелем которой я был в Спитаке. Раздавали банки неизвестно с чем, не оттертые от грязи, а также сосиски, чай, сигареты и... селедку. В городе, сидящем без воды, — селедку! Сосиски многие тут же ели сырыми.

Группа плохо одетых, обозленных мужчин атаковала какого-то начальника в ратиновом пальто цвета маренго и ондатровой шапке.

— Почему нам привозят только то, что произведено в Армении и лежало долгие месяцы на складах? Где иностранная помощь, о которой приезжие ереванцы нам все уши прожужжали? Говорят, из Европы отправлены теплые куртки — где они?

Начальник слабо отбивался — дескать, помощь едет. «Едет, как та улита, — думал я, — и доедет ли вообще?»

Как ни прискорбно, некоторые грузовики не довезли свой груз полностью в Ленинакан и Спитак. Факт, который приходится признать. В стаде всегда найдется паршивая овца. Убедительно ли звучит эта поговорка сейчас? Да, тех, кто греет руки на общей беде, грузчиков и шоферов, единицы, но они есть. И тщетно взывать к их гражданской совести. Нужно наводить элементарный порядок при получении того, что летит в республику со всего света.

Забегая вперед, скажу: хищения прекратятся только 12 декабря, когда в аэропорте Звартноц будет создан штаб по приемке иностранной помощи во главе с авторитетным в Армении человеком — заместителем председателя Президиума Верховного Совета республики С. С. Аветисяном. Пойдут в ход накладные, организуются жесткие проверки, станут считать контейнеры, ящики, по-настоящему включатся в дело милиция, внутренние войска.

Но начинать работать этот штаб должен был как минимум вчера.

В ПРЕСС-БЮРО МВД СССР

Плечом к плечу со спасателями, строителями, медиками, водителями автотранспорта, жителями пострадавших районов трудятся работники пожарной охраны, милиции, военнослужащие внутренних войск МВД СССР.

В городе Спитак сотрудники политотдела МВД Армении А. Бегларян, Д. Овсепян и А. Багдоян несколько десятков

часов подряд раскапывали рухнувшее здание местного отдела внутренних дел. Им удалось спасти начальника отдела Саркисяна и его заместителя по политчасти Арутюняна. Раненые отправлены в больницу.

Самоотверженно трудятся при ликвидации последствий землетрясения медицинские работники МВД Армении. Они объединены в две бригады. В деревне Налбанд бригаде, возглавляемой начальником госпиталя МВД республики подполковником внутренней службы О. Оганесяном, удалось высвободить из-под обломков строений 25 человек, в том числе семерых детей и двух беременных женщин. Им оказана необходимая помощь. Вторая бригада под руководством начальника медицинского отдела МВД Армении подполковника внутренней службы Э. Вартазаряна развернула походный медпункт в Спитаке. Оказана помощь сотням пострадавших.

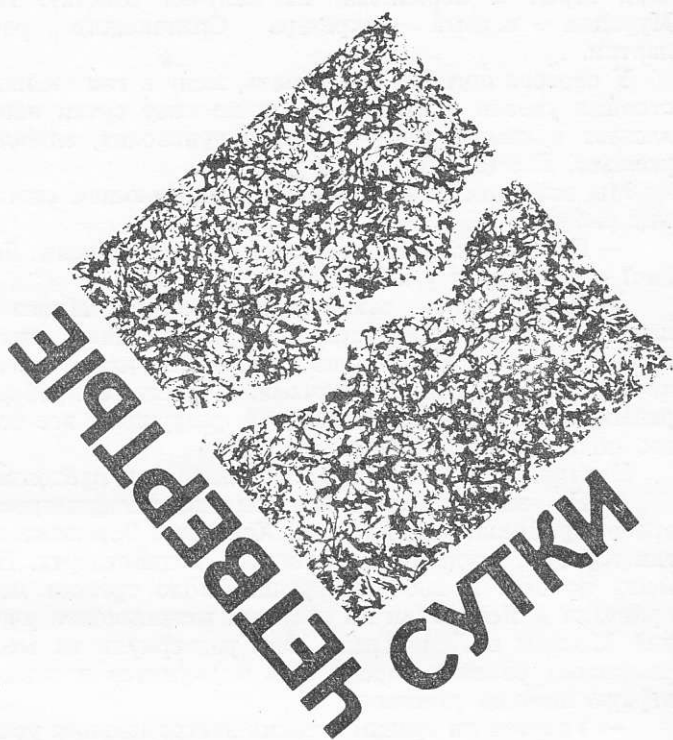
Важная задача органов внутренних дел — обеспечить безостановочное продвижение колонн с грузами. Решается она успешно.

Работники милиции Грузии перечислили на счет № 700412 двадцать пять тысяч рублей. Личный состав Степанакертского отдела внутренних дел НКАО решил перечислить в Фонд помощи половину месячного заработка. Собирают денежные средства сотрудники Шушинского райотдела внутренних дел Азербайджана.

Слушатель Киевской высшей школы МВД СССР И. Строжук, рискуя жизнью, ползком пробрался под обломками родильного дома и спас ребенка.

Сотрудник Спитакского РОВД С. Бочан обнаружил в хранилище разрушенного банка и сдал государству деньги и ценные бумаги на сумму около одного миллиона рублей.

Лишь в первые дни сотрудниками органов внутренних дел обнаружено и сдано на хранение государству денег и ценностей на 8,5 миллиона рублей.

Хлеб, вода и гробы

У этих людей немало общего. Оба — партийные вожаки. Оба по счастливому стечению обстоятельств уцелели, находясь в минуту землетрясения в ЦК Компартии Армении. Оба потеряли близких, родственников. Оба не позволили себе раскиснуть, поддаться горю, тоске. Оба, стиснув зубы, продолжают работать, поднимая людей на борьбу с последствиями стихии.

Мисак Мкртчян — первый секретарь Ленинаканского горкома партии (помните, тот самый, который из ЦК, едва качнуло пол при первом толчке, стал названивать в

свой город и нервничал, не получая ответа). Норайр Мурадян — первый секретарь Спитакского райкома партии.

У первого погибли сын и мать, жену в тяжелейшем состоянии увезли в Ереван. А он не спит сутки напролет, влезает в самую гущу событий, руководит, мобилизует, утешает. Кто бы его самого утешил...

Мы встретились в штабе, координирующем спасательные работы.

— Сколько погибших в Ленинакане, Мисак Левонвич? — спросил я у него.

— Сейчас точно ответить невозможно. Много сотен людей с различными травмами и увечьями выкопано из-под завалов. Ясно лишь одно — что число погибших исчисляется многими тысячами. Серьезные проблемы с ранеными. В городе, кроме одной, разрушены все больницы, поликлиника, роддом...

Мкртчян задумался, тяжело вздохнул и продолжал:

— На высоте оказались высококвалифицированные врачи, прибывшие из Еревана, Харькова, Воронежа и других городов, студенты Ереванского мединститута. На помощь пришли и военные врачи. Около трехсот медиков приехали в Ленинакан из военных медицинских учреждений Москвы и Ленинграда. Они развернули на местах в различных районах города сеть медпунктов и оказывают первую помощь раненым.

— Удастся ли врачам в таких экстремальных условиях делать все, что нужно, ведь они не обеспечены необходимым медицинским оборудованием и даже электричеством?

— Конечно, это сильно мешает их работе. Но сейчас главное — оказание экстренной, самой необходимой врачебной помощи, постановка диагноза, а затем уже в случае необходимости раненых отправляют в лечебные учреждения столицы.

— А как обстоит дело с жизнеобеспечением населения города в этой сложнейшей обстановке?

— В первую очередь надо накормить и напоить людей. Далее наши задачи — тепло-, электро- и газоснабжение, восстановление связи. Доставку продовольствия и воды мы обеспечили, остальное стараемся сделать как можно быстрее. Конечно, все это не без помощи друзей. Не могу не сказать о помощи братских республик. Трудно выде-

лить какую-нибудь особу, и все же отмечу самоотверженность наших грузинских друзей. Вы уже знаете, как нам не хватает автокранов. Люди без конца идут в штаб, умоляют дать кран, чтобы вырвать из бетонного плена родственников, близких, знакомых. И вот Грузия в короткий срок передала нам практически все свои автокраны.

— Перспективы восстановления?

— Сейчас надо эвакуировать все население по крайней мере на 2—3 месяца. За это время можно будет очистить город от завалов, восстановить коммуникации. Пока мы размещаем оставшихся без крова людей в палатках. В ближайшем будущем можно будет заменить палатки деревянными домиками. Позднее на месте расчищенных завалов начнем строить здания повышенной сейсмостойкости, не выше 3-4 этажей. Вместе с тем мы планируем разрешить широкое индивидуальное строительство...

Норайр Мурадян, или Норик, как его называют повсюду в Спитаке, — фигура не ординарная. Он стал известен тем, что вытащил из прорыва швейное объединение, влачившее жалкое существование.

В 1974 году, когда Мурадян возглавил швейную фабричку в Спитаке, работало на ней менее трехсот человек. Стоимость основных фондов составляла 64 тысячи рублей. Зарплата работниц была низкая. Ни своего жилья у фабрики, ни детских учреждений. Женщины уходили с работы, предпочитая выращивать овощи или искать какой-то иной заработок. А самое главное — продукция фабрики не пользовалась спросом.

И тогда Мурадян поехал в Москву. Он пригласил в Спитак лучших модельеров, сумев заинтересовать их материально. По тем временам весьма смелый и даже рискованный шаг. Могли всыпать хозяйственнику по первое число. К счастью, обошлось.

Модельеры перекроили неходовые модели, превратили их в модные. И дело пошло. В 1987 году уже на восьми фабриках и одиннадцати участках Спитакского швейного объединения трудилось почти 6 тысяч человек. Производилось на 115 миллионов рублей в год, причем высококачественных изделий, которые покупали социалистические страны и даже Франция. Зарботки швей значительно выросли, даже начинающие работницы меньше двухсот рублей не получали, а специалисты — модельеры,

технологи, мастера, начальники цехов и производств — от трехсот до шестисот рублей с учетом премий и других надбавок.

Прославился Мурадян и строительством. Только за три года, с 1985 по 1987, хозяйственным способом было возведено десять жилых домов общей площадью 22 тысячи квадратных метров. В Спитаке и филиалах объединения появилось восемь детских садов и яслей с бассейнами, зверинцами, игровыми аттракционами, цветниками. Вырос спортивный комплекс со стадионом на пять тысяч мест. Мурадян был инициатором создания автоматизированного тепличного хозяйства, пасеки. Появился в Спитаке даже своей кегельбан. Да, кегельбан, почему бы и нет?

Строил Норик Мурадян для всего города и потому пользовался поддержкой городских властей. Задумал он построить целый микрорайон, причем опять-таки вполне оправдавшим себя хозяйственным способом. Хотел, чтобы этот микрорайон был на уровне «мировых стандартов» — с детским бассейном, кооперативным гаражом, рынком, Домом быта, поликлиникой, универсамом, кинотеатром, игровыми и спортивными площадками, молодежным эстетическим центром...

Один Норик знал, как это тяжело — строить хозяйственным способом. Но тянул воз, преодолевая все барьеры своей невероятной энергией, напористостью.

И вот теперь нет ни швейного объединения, ни домов, ни детских садов с зверинцами и аттракционами. Нет ничего. Спитак, в переводе с армянского «белый», стал серо-пепельным. Он перестал существовать.

Сам первый секретарь уцелел чудом: как раз в минуту землетрясения его утверждали в ЦК Компартии Армении в этой должности.

И вот теперь ни сна ни отдыха не знает Мурадян. Я встретил его на стадионе, куда садятся вертолеты из Еревана — доставляют технику, еду, увозят раненых. Вокруг стадиона обрамление из сотен гробов. Некрашенные, наспех сколоченные, они говорят о масштабах трагедии. Кто находит в завалах трупы своих близких, приходит сюда за гробами. Тут же сложены продукты из Еревана. Хлеб, вода и гробы. Необходимо воздать последний долг погибшим и накормить живых. Жизнь и смерть сплелись в клубок.

— За что Бог послал нам такие муки? — плачет старик, водружая себе на плечи пустой детский гробик.

Молчит Мурадян, только желваки играют на скулах. Что ответить, чем успокоить?..

Проявлять благоразумие

Партийным руководителям сейчас особенно трудно. События, связанные с Нагорным Карабахом, показали, кто чего из них стоит, кого народ уважает, за кем идет, а кого считает болтунами, неспособными влиять на массы. Помню июньские митинги в Ереване на проспекте Ленина, когда у подножья хранилища древних рукописей Матенадарана собирались многотысячные толпы. Митингами управлял комитет «Карабах», руководителей республики на них не допускали, а если и допускали, то подвергали обструкции.

В едином порыве вздымались тысячи сжатых кулаков: «Арцах!», «Миацум!» («Карабах!», «Воссоединение!») только об этом и говорили повсюду. Теперь, в дни национального бедствия, о Карабахе и воссоединении перестали думать. Так мне во всяком случае показалось. Другие проблемы заботят армян. И в то же время понимаешь, как был измучен народ многомесячной неопределенностью, забастовками, митингами на Театральной площади и у Матенадарана, как жил на нервах, как искал и не находил выхода из создавшегося положения...

И вдруг, на четвертые сутки после беды, обрушившейся на Армению, — всплески прежних настроений, неуправляемых эмоций. Снова заговорили о комитете «Карабах».

В ПРЕСС-БЮРО МВД СССР

На фоне всеобщих усилий, готовности советских людей протянуть руку помощи терпящим бедствие особенно неприемлемыми выглядят попытки отдельных экстремистских элементов вбить клин между народами Армении и Азербайджана. Под влиянием таких лиц... в центральном районе Еревана группой граждан численностью от ста до трехсот человек выдвигались требования не принимать помощь от Азербайджана, не допустить вывоза за пределы республики детей.

Дезорганизуя движение, безответственные лица из чис-

ла активистов комитета «Карабах» предпринимали попытки самочинно снимать с городских маршрутов автобусы якобы для направления добровольцев в районы стихийного бедствия. Несмотря на неоднократные требования представителей военного коменданта, сотрудников органов внутренних дел прекратить незаконную акцию, их противоправная деятельность продолжалась. В связи с этим за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября с. г. было задержано пятнадцать человек, в том числе шесть членов комитета «Карабах».

ОТ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ И МВД АРМЯНСКОЙ ССР

11 декабря в Ереване большая группа жителей города организовала несанкционированную демонстрацию, требуя освобождения членов и активистов так называемого комитета «Карабах», задержанных в соответствии с действующим законодательством.

Демонстранты были остановлены в районе перекрестка проспекта Октемберяна и улицы Нар-Доса войсковыми подразделениями и милицией. Им было предложено не нарушать общественный порядок, подчиниться введенным в городе установлениям и разойтись. Однако многократные обращения не возымели действия. Более того, некоторые активисты так называемого комитета «Карабах» выступили с подстрекательскими призывами. В ответ на законные требования военного командования участники демонстрации стали забрасывать камнями военнослужащих. Воинские подразделения были вынуждены принять необходимые меры для пресечения противоправных действий.

Военное командование и МВД Армянской ССР обращаются к жителям Еревана и населенных пунктов, где действует комендантский час, с призывом не поддаваться провокациям и подстрекательским призывам лидеров так называемого комитета «Карабах», строго соблюдать установленный порядок, проявлять благоразумие, высокую ответственность в эти трудные для народа нашей республики дни.

На эту болезную тему говорил и Михаил Сергеевич Горбачев перед отлетом 11 декабря из Еревана в Москву, ког-

да он давал интервью корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении.

«Я вчера был потрясен одним фактом. Мы возвращались ночью из Ленинакана в Центральный Комитет Компартии Армении, с тем чтобы заняться рассмотрением практических вопросов, как наращивать масштаб работ по спасению, по обустройству людей, по тому, чтобы решать практические вопросы и снимать эту беду. На улице стояли жители Армении. Я остановился в одном месте. Была хорошая беседа. Люди все встревожены, очень. С болью это воспринимали. Я поделился с ними, что просто я потрясен тем, что увидел, какая беда постигла людей. И вдруг тут же в Ереване задают мне вопрос: а какими будут отношения, как мы будем налаживать диалог с неформальными организациями? И опять же тема Карабаха. Я, знаете, может быть, даже резко, но сказал все, что думаю. И прежде всего сказал — остановитесь. Смотрите, какая беда и для азербайджанцев, и для армян стряслась, куда их подталкивают, куда дошли, кровь льется. Сейчас такая беда, вся страна, весь мир переживают из-за того, что произошло в Армении, что постигло армянский народ. А здесь человек в столице Армении спрашивает меня, как будем налаживать диалог с неформальными организациями. Это до чего же надо быть, ну, лишенным морали человеком.»

Я сегодня прямо говорил об этом в Кировакане трудящимся, и они согласны с этим и просили: Михаил Сергеевич, надо все это остановить.

Я думаю, проблема Карабаха как таковая есть. Корни у нее есть, и она обострилась из-за того, что к этому населению на каком-то этапе бывшее азербайджанское руководство относилось неправильно, не в духе ленинских традиций, да просто иногда не по-человечески. И это людей обидело. Это мы осуждаем. Именно поэтому мы пришли на помощь, мы приняли постановление, чтобы помочь в социально-экономическом развитии — 500 миллионов для такой маленькой области выделили, для того чтобы ее обустроить, чтобы снять все проблемы у людей, создать условия жизни, решить вопросы культуры, развития языка родного, преподавания, установить нормальные связи с Арменией. Это все естественно, это все понятно, и так должно быть. ...

Но, знаете, сейчас тема Карабаха используется людьми

нечистоплотными, политическими демагогами, авантюристами, больше того, коррумпированной публикой. ...

Это политические авантюристы, и их надо так заклеить, люди должны это знать. А посмотрите, что они сейчас делают. Такая беда у народа, а они пугают его тем, что землетрясение будет продолжаться, и что оно может привести к чему угодно, и что мы безответственно действуем. Мы вызвали сюда пятерку ученых из Академии наук СССР. Спрашиваем: есть у вас такие данные? Нет научных данных. А рабочие везде спрашивают меня. Я говорю, знаете, нет такого центра, — я не знаю, по крайней мере, — чтобы сегодня предсказал, будет землетрясение или не будет. Вот суждения такие высказывают. Или, большая тема, дети — женщины. Они сейчас подбрасывают слухи, что хотят в Россию увезти детей и не вернуть их в Армению, оторвать от народа, что армян теперь будут переселять в Сибирь. Слушайте, в это время такими вещами заниматься! Какая же мораль у этих людей, я спрашиваю?..»

Белье, которое некому снять

О моральной стороне событий не раз приходилось задумываться «среди множества скорбей».

В Ленинакане в первые трое суток особое положение не вводилось. Да и не было надобности. На четвертые сутки четверо неизвестных попытались ограбить ювелирный магазин. Начались кражи. И тогда появились на улицах вооруженные солдаты в касках и бронежилетах. Мера вынужденная, но необходимая. Вместе с милицией за обстановкой бдительно следили войска. Одновременно был ужесточен пропускной режим, ограничен въезд в районы разрушений, усилена охрана наиболее важных объектов.

Но кражи продолжались. Украли коньяк из ресторана «Ереван» в Ленинакане, «распотрошили» аптеку, пытались очистить спитакское отделение Госбанка. В Кировакане задержали жителя города Абовяна, снимавшего с погибших часы, золотые серьги, кулоны.

Кое-кто сгоряча начал винить все население разом: «Докатались армяне»... Во мне зрел протест против такой

скоропалительной и необъективной оценки, стремления вымазать всех черной краской. В экстремальных ситуациях проявляются не только героизм, мужество, но и низменные стороны человеческой души. Это вполне естественно, не надо ужасаться, надо наводить порядок.

А вот с порядком в зоне бедствия дела обстояли неважно. Один из местных руководителей, отвечающий за сохранность ювелирных и прочих ценностей, не организовал их вывоз. «Почему?» — спросили его. «Мне только сейчас сказали, что необходимо их вывезти»... Такие горе-начальники много лет назад забыли, как принимаются самостоятельные решения, если вообще когда-либо знали это, и сейчас привычный стереотип поведения сыграл с ними злую шутку. Землетрясение всех проверило на прочность и компетентность. Некоторые проверки не выдержали.

Но многие оказались на высоте положения. Именно такие люди глубоко, всерьез восприняли обращение к армянскому народу католикоса Вазгена I: «После молитвы и траура обратим наши лица к убитому тревогой народу и к нашим разрушенным городам, со скорбью в сердце, но без отчаяния, не чувствуя себя побежденными. Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками стойко примем нашу судьбу, мужественно перенесем любые испытания... Именно в такие минуты народы могут доказать свой добродетельный облик, силу самопожертвования, подлинную любовь к Родине».

Многие это доказали.

Особой стойкостью, самопожертвованием отличались пришедшие на выручку армянскому народу советские воины. В течение четвертых суток они спасли в Ленинакане более шестидесяти человек, в Спитаке — двадцать. Солдаты откопали продавщицу Розу Аракелян. Пожилая женщина оказалась целой и невредимой. Швею Аиду Вартамян долгие часы вызволял из руин солдат внутренних войск Иван Коваленко и сумел-таки спасти ее.

Воины часто находили в завалах ценности, деньги и сдавали их.

В спасательных работах участвовали саперы, пограничники, зенитчики, мотострелки, танкисты, бойцы гражданской обороны. Только в Ленинакане их было около 30 тысяч. А ведь у многих офицеров под развалинами остались близкие.

Но вот уже все меньше живых извлекается из завалов. В ереванских больницах находится более 6 тысяч раненых, в подавляющем большинстве тяжелых. Делается все возможное и невозможное для их спасения. Но умирают и в больницах.

И все-таки не хочется терять надежду. И потому не уходят от завалов родственники тех, кто погребен под камнями. На их лицах скорбь, сострадание и надежда, робкая, как пламя свечи. Их поливает дождь, внезапно начавшийся сегодня в Ленинакане, посыпает снег в Спитаке, донимает холод — они не уходят, еще и еще раз пробуя спасти отцов, матерей, детей, а тех, кого не удалось извлечь живыми, — хоронят.

Почти 700 кранов работают на расчистке завалов. Десятки их находятся в пути. Ах, как пригодились бы они в первые часы трагедии! Местные жители нередко перехватывают технику по пути следования, направляют ее к своим домам, вернее, к тому, что осталось от домов. Это по-человечески так понятно, и в то же время нельзя пускать спасательные операции на самотек.

Где живут потерявшие кров? Сегодня я специально объехал Ленинакан и увидел все. Некоторые — в утепленных палатках с печками-временками. Некоторые — в уцелевших гаражах. Некоторые — в частных одноэтажных мало пострадавших жилищах. Словом, кто где. Началась отгрузка в республику полутора тысяч вагончиков.

Если бы меня спросили, какую картину из увиденных я назвал бы наиболее символичной для разрушенных армянских городов, наиболее бьющей по нервам, — я бы ответил: белье на уцелевших балконах. Не «холмы скорби», не гробы, не плачущие женщины — свежестыранное не снятое с веревок белье. Полощется оно на ветру, мочат его струи дождя, сечет снежная крупа, а снять некому...

Медленно, трудно налаживается жизнь. Вечером кое-где в Ленинакане загорелись огни, вспыхнувшие уличные фонари высветили мокрый асфальт. Стало не так то-скливо. Светятся железнодорожный вокзал, аэропорт, больница, станция переливания крови.

Из четырех систем водоснабжения одна восстановлена. Но воду все еще приходится завозить. По-прежнему под ногами валяются пищевые отбросы, чудовищное количество пустых бутылок из-под минералки. Никто их не убира-

ет. Начинает слегка потягивать сладковато-приторным запахом. Тянет из завалов, ощутим запах и на улицах. Неужели санитарно-гигиеническая служба не озабочена этим? Так недолго и до массовой эпидемии.

Говорю об этом с работниками Минздрава СССР и Минздрава Армении. Они не берут на себя смелость утверждать, что возможности вспышки эпидемии не существует, и, однако, считают — опасность не надо преувеличивать. Чума или тиф абсолютно исключены, но кишечные инфекции могут возникнуть. Чтобы этого не случилось, установлен контроль за питанием, водой, принимаются и другие профилактические меры.

Итак, надо набраться терпения и ждать. Но кто начнет убирать объедки, кто ответствен за приведение территории в надлежащее санитарное состояние? Наверное, бригады Красного Креста, воины гражданской обороны. Но пока никто этим не занимается. А время сокращается, как шагрeneвая кожа...

Жизнь и смерть рядом

Продолжает поступать медицинская помощь со всего Союза, со всего света. То, что крайне необходимо, и то, без чего уже можно обойтись. Не нужно, например, столько врачей, вполне достаточно донорской крови. А вот аппараты «искусственная почка» явно в дефиците.

В аэропорте Эребуни я увидел прилетевшего сегодня в Ереван Арманда Хаммера. Он привез чек на миллион долларов. В «Боинге», доставившем Хаммера в Армению, буквально негде было сидеть — так много загрузили лекарств, самого современного оборудования для переливания крови и аппаратов «искусственная почка». Доктор Хаммер всегда точно знает, кто и в чем остро нуждается.

«Чайка» доставила давнего друга нашей страны в местный аэропорт, он пересел на ЯК-40 и тут же улетел в Ленинакан. Через два часа я наблюдал, как Хаммер осматривает руины. Девяностолетний человек, с трудом передвигающийся, он счел своим долгом разделить с нами горе,

лично участвовать в ликвидации последствий разгула стихии. Низкий поклон вам, доктор, от армян и неармян!

Жизнь и смерть. Ходят они рядом, по одной тропочке, тесно соприкасаются в завалах, в палатках, на операционных столах. Но как горько, если смерть приходит туда, где ее никак не ожидали!..

ОТ ЦК КПСС, ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

11 декабря при подходе к аэропорту г. Ленинакана (Армянская ССР) потерпел катастрофу военно-транспортный самолет ИЛ-76. Погибли 9 членов экипажа и 69 военнослужащих, направлявшихся в Ленинакан для участия в ликвидации последствий землетрясения.

С чувством скорби и сострадания выражаем глубокое соболезнование родным и близким погибших, которые спешили на помощь братскому армянскому народу и заслужили вечную благодарность советских людей.

Что случилось в воздухе? До наступления рассвета, в 6 часов 22 минуты по московскому времени, самолет при выполнении разворота в условиях ограниченной видимости столкнулся с горой в пятнадцати километрах от аэропорта Ленинакана. Ничего удивительного: аэродром, расположенный на высоте более 1500 метров над уровнем моря, работает с адской перегрузкой. Отсутствие освещения в городе и его окрестностях, горы усложнили и без того нелегкую работу экипажа.

На борту ИЛ-76, следовавшего из Баку, находились военнослужащие одного из местных подразделений гражданской обороны. Экипаж во главе с командиром корабля капитаном Н. Блилёвым входил в состав части, дислоцировавшейся в Прибалтийском военном округе. Авиаторы ранее выполняли интернациональный долг в Афганистане, награждены советскими и афганскими орденами и медалями. Нелепая гибель.

Гудят натруженные рельсы

Помощь в Армению идет не только по воздуху.

Денно и ночью мчат сюда эшелоны с грузами первой необходимости, прежде всего со строительной техникой. Гудят натруженные стальные колеи. Однако не все грузы приходят вовремя. На многих участках изуродованы землетрясением железнодорожные пути — в общей сложности 40 километров. Не действует колея Ленинакан — Кировакан. Нет связи у Ленинакана со Спитаком — между этими городами разрушены шесть подстанций, все вокзальные и привокзальные сооружения. Пока в Спитак можно попасть только из Тбилиси. Лишь частично выручает обходной маршрут Иджеван — Раздан, но он не совсем достроен, да и самый сложный горный профиль делает движение составов крайне медленным.

Но самое страшное зрелище — станция Налбанд близ эпицентра. Уже привыкнув ко многому, я тем не менее содрогнулся при виде того, что натворила стихия. Один грузовой поезд в момент толчков находился на путях, другой вышел из Спитака. Земляное полотно съехало вбок метров на двадцать, возник провал длиной триста и глубиной до шести метров. Вагоны повалились как подкошенные. Опоры электрической контактной сети словно утонули в разверзшейся земле. Полегли крыши станционных построек, деревья ушли в землю по самую крону.

Восемь дней, всего восемь дней дано на восстановление железных дорог. Таково требование комиссии Политбюро ЦК, об этом постоянно напоминает на оперативках и совещаниях Николай Иванович Рыжков.

В Налбанд прибыли воины-железнодорожники, специалисты и рабочие-путейцы Минтрансстроя. Убираются искореженные вагоны, укладываются стрелочные переводы, исправляются рельсы. КраЗы ссыпают грунт в зияющий провал. Нужно насыпать не менее 35 тысяч кубометров земли — и это только на одном участке. Надо ли говорить, что работа ведется круглосуточно?

К вечеру 11 декабря заново сделанное полотно пересекло засыпанный провал. Путеукладчик опустил первые кле-

ти. Ночью здесь пройдет восстановительный поезд. Стальная колея медленно, но верно ползет к Спитаку.

В Ленинакане тоже устранены повреждения. В начале четвертых суток городской вокзал принял и отправил первых пассажиров, правда, пока с особыми мерами предосторожности. Пришла сюда и электричка из Еревана, доставившая добровольцев для участия в расчистке завалов. Удалось полностью восстановить энергоснабжение не только Ленинаканского, но и Кироваканского узлов.

Все это обнадеживает, и тем не менее отчетливо замаячила крайне нежелательная перспектива гигантской пробки на Ереванском отделении Закавказской железной дороги. Мне стали известны тревожные данные: на четвертые сутки избыток прибывших грузовых вагонов составил цифру 2200. Разгружать их явно не успевают — ведь силы человеческие не беспредельны. Столь понятное желание всех, от кого это зависит, побыстрее отправить в зону бедствия технику, материалы, продовольствие грозит накрепко забить «тромбом» и без того слабую транспортную артерию. МПС берется регулировать сплошной поток грузов, «просеивать» их в диспетчерских, давать «зеленую улицу» только самым необходимым. Но ведь эшелоны уже в пути, повернуть их назад или загнать в тупик не так-то просто.

И вновь меня посещает докучливо-неотвязная мысль: самое слабое наше звено — *организационное*.

Служба «Поиск»

Сколько ни проезжаю мимо здания ЦК ЛКСМ Армении, всегда у входа людской водоворот. На дверях и стенах — листы бумаги с перечнем фамилий, имен. Их жадно читают.

Списки отражают реальную картину: кто из жителей пострадавших городов и сел находится в больницах, кто у родственников, кто уехал. Отдельно — списки разыскиваемых родными, близкими. Точные, объективные данные сейчас в Армении на вес золота, многим их не хватает, поэтому у здания ЦК ЛКСМ всегда многолюдно.

Молодые ученые-математики обрабатывают поступающие к ним отовсюду сведения на ЭВМ, составляют и выве-

шивают списки. На сегодняшний день зарегистрировано более трех тысяч человек.

В справочной группе, куда беспрестанно звонят из разных мест, тридцать девушек. Работают добровольно, почти круглосуточно, принимают и регистрируют все сведения и запросы.

Лилит Мкртчян, студентка Ереванского политехнического института, согласилась недолго побеседовать со мной.

— Самое сложное — поиск детей, — сказала она. — К нам постоянно обращаются родители, умоляющие сообщить хоть что-нибудь. К сожалению, многих мы не можем обрадовать: «не знаем», «не имеем сведений»... Но зато какое счастье, когда отцы и матери находят детей! Сегодня, например, нашли более тридцати мальчиков и девочек из Ленинакана, Спитака, Кировакана.

Шестнадцатилетняя Карине от пережитого долго не могла вспомнить свою фамилию, поэтому ее долго искали. Воссоединились семьи Надарянов, Аветисянов, Огановых. Тамару Геворкян из Спитака разыскал ее брат. Родственники Наиры Карапетян обнаружили ее в больнице города Алаверди и тут же дали знать отцу, тоже находящемуся на излечении, только в Ереване.

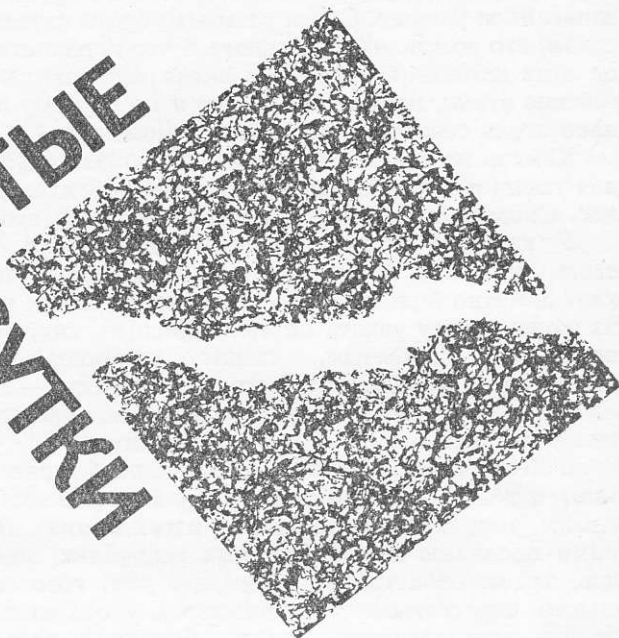
Комсомольцы просят местных журналистов: печатайте в газетах номера телефонов, по которым можно навести справки о потерянных членах семей. Информация сейчас как глоток родниковой воды в иссушающую жару. Телефоны печатаются. И звонки, звонки...

Многих волнует, где будут размещены дети, которых вывозят из районов бедствия. Все дети пока находятся в пределах Армении: нуждающиеся в лечении — в больницах, здоровые — в пансионатах, школах, детских садах, ПТУ.

«Дети, вывезенные из района бедствия в Ереван, но потерянные...» — строчка из информационного листка. Пока об этих детях нет никаких сведений. Кто их приютил? Многих из них разыскивают родные. Через газеты комсомольцы обращаются к населению. «Убедительная просьба ко всем, у кого дети находятся или кто имеет хоть какие-то сведения об их местонахождении, — сообщить по следующим номерам телефонов...»

По решению ЦК ВЛКСМ пострадавшим детям предо-

ПЯТЫЕ КУЗКИ

Синдром сдавления

Сколько может вместить человеческая душа? Сколько физических и моральных сил отпущено каждому, на чью долю выпало столь огромное страдание?

Сегодня я уже не часто открываю блокнот и достаю ручку. Какой смысл вновь и вновь вписывать все те же слова о том, как по улицам бродят понурые, отрешенные от всего, заросшие жесткой щетиной люди, как кто-то истово прижимает к груди найденное в завале детское пальтишко, кто-то бесцельно перекладывает из правой ру-

ки в левую башмачок, кто-то рыдает, а кто-то тщетно пытается докричаться до заживо погребенных.

Изредка я открываю блокнот, чтобы с трудом прочесть записанное раньше. Слова размыты, будто слезами. Это не слезы, это дождь. «К чему слова и что перо, когда на сердце этот камень...» — вновь и вновь вышептываю эренбургские стихи, написанные давно и по другому поводу, однако столь созвучные нынешнему моменту.

Камень на сердце — для меня выражение фигуральное, для тысяч и тысяч самое что ни на есть буквальное, реальное. Сколько их лежит, сдавленных со всех сторон...

У каждого завала копошатся люди — те, кто жили здесь, уцелели и теперь пытаются откопать родных и близких. Заметно больше стало профессиональных спасателей: их можно сразу узнать по ярко-красным, как, например, у швейцарцев, желтым, синим комбинезонам. Возле них — собаки. Животным не позавидуешь — из завалов начинает слабо тянуть трупным запахом, спасатели его пока не ощущают, а собакам это мешает.

В Ленинакане, Спитаке, Кировакане, Степанаване работают французы, англичане, австрийцы, швейцарцы, чехи, немцы, американцы, итальянцы, израильтяне... Бок о бок с ними посланцы наших союзных республик, многих городов, краев, областей. А время для тех, кого еще можно спасти, спрессовывается, сжимается, укорачивается, оно и впрямь, как шагреневая кожа, убывает буквально на глазах. И все меньше шансов найти и выволить из плена живых.

...Превращенный в руины Спитакский лифтовый завод. По завалу, аккуратно переступая лапами, движется овчарка. Следом — спасательница из ФРГ (есть в этой группе и женщины). Собака останавливается, потом начинает ползти, замирает, ложится на плиту. Значит, внизу люди, вот только не ясно, живые или мертвые. Специальным пистолетом пробивается отверстие в бетоне, вставляется прослушивающее устройство. Все вокруг замерли, смотрят с надеждой на оператора в наушниках. «Найн». Оператор горестно качает головой: жизнь не прослушивается.

А верить все равно хочется. И потому рождаются легенда за легендой, которые невозможно отличить от правды. Якобы старуха с внучкой спустились в подвал, где хранились продукты; подвал накрыло искореженными плита-

ми с арматурой, замуrowало; на пятые сутки французы вытащили их живыми и невредимыми. Группа молодых людей веселилась в подвальном помещении кафе, подвал засыпало, но там оставались еда, вода, вино, так что голод и жажда не мучили; парни и девушки потеряли счет времени и были вызволены спасателями из Марселя (почему-то именно французам молва приписывает такие подвиги).

Слышал я нечто подобное и про ленинканский элеватор, и про текстильный комбинат. Начинал выяснять — все разводили руками. Увы...

Вроде и автокранов стало заметно больше, и устанавливается элементарный порядок, и навыков прибавляется, а спасенных немного. И каждый откопанный — это невероятная, сродни чуду, удача, в которую даже не верится.

В Ереван в больницу скорой помощи доставили малыша — абсолютно целехонького. Мать купала его в ванне, рухнули перекрытия, женщина погибла, а ванну не задело, и ребенок несколько суток пролежал в воде. Он будет жить.

Удается вытащить нескольких уцелевших из-под руин Ленинканского политехнического института, некоторых предприятий. Как удалось им выжить, уму непостижимо. Вмешался Его Величество Случай. Одних прикрыли балки перекрытий, принявшие на себя удар падающих конструкций, другие оказались в щелях между рухнувшими плитами, панелями.

Мать и десятилетний сын остались живы, но оказались замуrowанными. Ребенка мучила жажда. Мать зубами прокусила кожу на собственной руке, сделала рану и поила мальчика кровью. Таких примеров не один и не два.

Сегодня, на пятые сутки, спасенных немного. Но для катастрофы такого масштаба и немало. Я говорил с французскими, швейцарскими спасателями, все в один голос уверяют: таких разрушений им прежде не приходилось видеть.

В статье научного обозревателя английской газеты «Гардиан» утверждалось: энергия, высвобожденная землетрясением в Армении, эквивалентна энергии взрыва 100 ядерных бомб, и, когда «осядет пыль» трагического события, вполне может оказаться, что нынешняя катастрофа явится самой крупной за всю историю СССР.

Верны ли выкладки английской газеты? Судить ученым.

Но и вправду, с чем сравнить происшедшее в Армении? Я был в Ташкенте через неделю после землетрясения 1966 года и могу засвидетельствовать: разрушений и жертв там было во много раз меньше, чем здесь. Ашхабадский катаклизм 1948 года? Там погибли десятки тысяч, однако город был невысок, таких руин и завалов, как в Ленинакане и особенно в Спитаке, в столице Туркмении не оказалось.

В Армении на каждом шагу приходится сталкиваться с мало известным для нас явлением. Я говорил с некоторыми врачами и сделал вывод: даже они не всегда отчетливо представляют себе, что такое синдром сдавления. Я уже вкратце касался этого вопроса, а теперь попробую расшифровать этот медицинский термин, показать механизм действия моментального заболевания, унесшего немало жизней.

Ткани человеческого тела, придавленные плитами, то есть неимоверной тяжестью, немеют. Вспомним, как во сне мы порой «отлеживаем» руку и, проснувшись, не чувствуем ее. В завалах все гораздо страшнее. Онемевшие, то есть лишённые кровообращения, ткани через определенное время мертвеют, в них скапливаются токсические вещества. Едва человека вытаскивают из каменного мешка, по освобожденным артериям бешено начинает циркулировать кровь, разнося яд по организму. Если сразу, мгновенно после того, как человека вытащили из-под плиты, не перевязать омертвевшие места жгутом, тем самым перекрывая циркуляцию крови, ему грозит смерть. Как правило, сразу отказывают почки, позарез нужны аппараты «искусственная почка», а их почти нет...

Врачи должны без промедления решить, как поступить с такими пленниками завалов. Если, скажем, на ногах или руках ткани окончательно омертвели, единственный выход — срочная ампутация. Если есть хоть какая-то надежда на восстановление тканей, понадобится целый ряд сложных медицинских процедур с целью детоксикации.

Все это спасателям следовало знать назубок, чтобы быть готовыми заранее. Однако многие не знали.

И потому трудно переоценить вклад израильских врачей, которые не только привезли в Ленинакан уникальную диагностическую аппаратуру, но и успешно применяли разработанную до мелочей методику оказания первой по-

мощи при сдавленных травмах. Методику моментально переняли советские коллеги.

Почти все республики прислали в Армению бригады врачей. Особенно напряженно пришлось работать хирургам, травматологам, реаниматорам. Я видел в Ленинакане, как действовали эстонские врачи. Вот у кого надо учиться выдержке, хладнокровию, четкой организации дела. А нейрохирурги из Москвы во главе с европейской знаменитостью Александром Николаевичем Коноваловым! Полторы сотни сложнейших операций на их счету.

На пятые сутки в районе бедствия в невыносимых условиях — без воды, без света — первую помощь тяжелораненым оказывали полторы тысячи врачей из ведущих медицинских учреждений всего Советского Союза. Всего же там и в Ереване действовало 200 медицинских бригад. Многие пострадавшие были отправлены в Москву.

«ВВ» на погонах

Так уж повелось: если на какую-нибудь местность обрушивается стихийное бедствие, на выручку тут же приходят люди в военной форме. Не стала исключением и Армения. Вместе с армией в район землетрясения первыми прибыли воины с буквами «ВВ» на красных погонах.

ДАнные ШТАБА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

Всего на сегодняшний день задержано более ста преступников, у них изъято ценностей на четверть с лишним миллиона рублей. Подразделениями внутренних войск взяты под охрану жизненно важные объекты, установлены маршруты патрулирования. Наши воины вытащили из завалов и спасли более шестисот пострадавших.

Солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры внутренних войск оказались более подготовленными к создавшейся ситуации, чем другие службы. И потому легли на их плечи немалые тяготы. Их главной задачей было — не позволить расхитителям и мародерам нажиться на народной беде.

Патрульные рядовые И. Озеров, В. Бушмакин и П. Мазур в разрушенном ленинаканском магазине обнаружили около тридцати тысяч рублей... Старший лейтенант О. Ромашко задержал некоего А. Казаряна, грабившего кассы

магазина, в котором работал заведующим... Старший лейтенант В. Савченко, старший сержант В. Трохимчик, рядовые А. Ковалев, Д. Сарко, А. Колпаков остановили толпу, громившую винно-водочные магазины... Патрульный наряд старшины С. Нурдинова арестовал группу людей с мешками, набитыми обувью, куртками, пальто... Лейтенант А. Бабоев предотвратил ограбление сберкассы...

— Это наш стыд, наш позор, — говорили мне армяне — высокопоставленные руководители и рядовые труженники, с которыми приходилось беседовать на эту болезненную тему, и прятали глаза.

Да, стыд, да, позор. Однако самой серьезной ошибкой было бы поддаться соблазну обобщений, вскользь, походя бросить что-нибудь типа: «Ну и народ, кругом горе, а они...» Народ здесь абсолютно ни при чем. Потерявшие честь, совесть и нравственный облик есть среди представителей любой национальности. Их единицы, смотреть сквозь призму их деяний на весь народ — глубокое заблуждение, сознательное или неосознанное.

К тому же поступок поступку рознь. Я не могу поставить знак равенства между голым и босым человеком, который случайно избежал гибели, в полуневменяемом состоянии забрел в пустой, с разбитыми витринами магазин и взял какую-то одежду, и мерзавцем, который набивает мешки, чемоданы и багажник «Жигулей» оставшимся без призора добром. К сожалению, под хлесткую характеристику «мародер» в горячке первых суток подпадали и тот и другой.

Свидетельствует майор В. Кудряшов. «Майор М. Лысак и рядовой А. Павлов извлекли из-под обломков задыхающегося малыша.

Подчиненные майора П. Черненко буквально голыми руками несколько часов прокладывали путь к спасению матери с ребенком. В этот же день они откопали еще четверых, трое из которых остались жить. Они — это старший лейтенант Л. Канищев, прапорщик А. Котельников, старший сержант Н. Махиборода, сержанты Г. Герберсдорф и И. Галимона, рядовой К. Волков. Кстати, Галимона нашел около трех тысяч рублей, которые тут же передал в штаб.

Сержант Р. Закиров в Спитаке нашел и вернул владельцу золотые вещи на 700 рублей и деньги — 15 тысяч рублей.

Шестерых мальчуганов, оглушенных и насмерть перепуганных, вытащили из-под обломков рухнувшего дома рядовые А. Туманов, С. Алексеев, Р. Степанов.

Тридцать два человека откопали подчиненные подполковника В. Окишева. Капитан В. Юрченко, старший лейтенант О. Овчинников, прапорщик Е. Осипович, сержанты Н. Федоров, О. Телец, А. Третьяк, И. Костюк, Ю. Харитонов, рядовые М. Чупквиидзе, Н. Перепечай — белорусы, украинцы, русские, грузины... Еще несколько дней назад в Ереване экстремистски настроенные группы забрасывали многих из них камнями, бутылками с горючей смесью, обзывали карателями, фашистами... Они спасали советских людей, соотечественников. В этом и проявляется подлинный интернационализм».

По законам гуманизма

На пятые сутки после трагедии я видел в Ленинакане военнослужащих-армян, которые только что прибыли с Украины, из Сибири, из Средней Азии и Прибалтики... Разумеется, они не дезертировали. Приказом Министра обороны СССР военнослужащим — жителям местностей, попавших в беду, был предоставлен отпуск для поездки домой.

Ох, и тяжел был их путь на родину!.. Полная неизвестность: что с близкими, живы ли? Им помогли с авиабилетами, старались отправить в первую очередь. И вот — встреча с домом. А дома нет, одни развалины. И близких нет. Лежит солдат на камнях, лицом вниз, сотрясается в конвульсиях. Как жить ему дальше?..

Отпуска в связи с землетрясением получили не только военнослужащие. Предоставлены они были и тем, кто находился в местах лишения свободы на севере Армении. Стихийное бедствие родило решение, которое еще вчера показалось бы плодом необузданной фантазии, а то и просто бредом.

Приведу интервью корреспондента «Известий» А. Иллеша, взятое им у подполковника внутренней службы В. Прокопенко.

Корр.: Скажите, есть ли жертвы среди осужденных и контингента ЛТП? И еще. В первые дни циркулировали

слухи о большом числе преступников, якобы совершивших побег из тюрем во время землетрясения...

В. П.: Это только слухи. Из колоний и следственных изоляторов, оказавшихся в зоне разрушений, ни во время землетрясения, ни в ходе ликвидации его последствий не было совершено ни одного побега. Подчеркиваю: ни о д - н о г о! Более того, в следственном изоляторе Ленинкане во время буйства стихии рухнула оградительная стена, и его обитатели имели уникальный шанс «исчезнуть». Однако никто из них не воспользовался этим шансом, никто не покинул территорию изолятора. Добавлю, что среди осужденных в колониях, подследственных в СИЗО (следственный изолятор. — Д. Г.) и лиц, содержащихся в ЛТП, жертв и пострадавших не было.

Корр.: Но у многих из них, видимо, погибли близкие, пострадали семьи. Была ли им предоставлена возможность отдать последний долг погибшим?

В. П.: Как только стали очевидны масштабы трагедии, руководством МВД СССР было принято решение — разрешить осужденным, у которых погибли близкие родственники, кратковременный отпуск сроком на 5—7 суток для участия в похоронах.

Корр.: Сколько человек им воспользовались? Как вели себя те, кто временно оказался на свободе?

В. П.: Первая группа осужденных вышла на свободу уже 9 декабря. Кратковременные отпуска в связи с трагедией получили 286 человек. В том числе более двухсот осужденных из колоний общего, усиленного и строгого режимов, 26 — из исправительно-трудовых колоний-поселений, 48 — лечащихся в ЛТП. За истекшие дни не было зафиксировано ни одного случая мародерства или ЧП с их стороны.

Корр.: То, что вы рассказали, — еще одно свидетельство в пользу дальнейшей гуманизации условий содержания осужденных: ведь, насколько я знаю, существует идея вообще предоставлять им в исключительных случаях отпуск. Что в этом плане делается?

В. П.: Напомню классический пример: в очень сложные для советской республики дни по приказу Ф. Э. Дзержинского были отпущены из Бутырской тюрьмы под честное слово анархисты — для участия в похоронах выдающегося революционера и теоретика анархизма Петра Алексеевича

Кропоткина. Все до одного вернулись. Таких фактов немало. Но в годы узаконенного беззакония эта практика была предана забвению... Сейчас ведется работа по радикальному пересмотру действующего исправительно-трудового законодательства. Модель проекта новых Основ опубликована в журнале «Воспитание и правопорядок». Так вот, статья 35 проекта, в частности, предусматривает, что осужденным, содержащимся в исправительно-трудовых колониях общего режима, колониях-поселениях всех видов и воспитательно-трудовых колониях, могут быть разрешены краткосрочные выезды за пределы мест лишения свободы на срок не более семи суток, не считая времени, необходимого для проезда в оба конца (не свыше 5 суток), в связи с исключительными личными обстоятельствами: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье. Кроме того, предусматривается, что осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, краткосрочные выезды на срок не более 7 суток могут предоставляться для устройства ребенка, находящегося в доме ребенка при ИТК. Убежден: уроки последних дней в Армении усиливают позиции сторонников последовательной гуманизации условий содержания осужденных и будут учтены при подготовке нового законодательства.

В МВД республики я узнал некоторые любопытные факты.

46-летний заключенный Л. Мартиросян, трижды судимый за грабеж и разбой, находился в отпуске пять дней. Он искал сына, работавшего на Ленинанканском пищевом комбинате. Искал сутки, вторые, третьи — тщетно. Разбирая один из завалов, Мартиросян обнаружил деньги, и немалые — 30 тысяч рублей. Он тут же сдал их в милицию. Сына он так и не нашел. Труп обнаружили позднее, когда Мартиросян уже вернулся в колонию. Перед захоронением отцу предоставили возможность попрощаться с сыном. Для этого гроб специально доставили в колонию. Сам же Мартиросян вскоре был помилован и отпущен на свободу.

Трижды судимый Г. Мелконян, будучи отпущен в краткосрочный отпуск, помогал расчищать завалы. Никто из его близких не погиб, но он дневал и ночевал у завалов, вызволяя пленников бетонных склепов. На него случайно

«вышли» французские журналисты и изумились: уголовник, которому вскоре опять возвращаться за решетку, работал не щадя себя, забыв о еде, сне.

В колонию вернулись все отпущенные в отпуск, кроме одного. Тот решил продолжить «отдых» в Москве, где и был арестован.

Любопытно и другое. Сидевшие в армянских колониях осужденные перечислили из своих личных сбережений 57,5 тысячи рублей в фонд пострадавших от землетрясения.

Ходят слухи тут и там

На пятые сутки из пострадавших городов началась эвакуация детей и женщин.

Вроде бы чего проще: бросить клич, собрать пожитки — и в самолеты, чтобы больше не видеть ужасов. Но оказалось, что вывезти людей совсем не просто, хотя разумом многие понимали: иного выхода нет, предлагаемая эвакуация — единственно разумный путь. Однако разум вступил в спор с эмоциями, столь понятными в стрессовой ситуации. Как убедить женщин взять детей и добровольно покинуть оставшихся в живых мужчин, близких, родственников? Как им уйти от завалов, в которых, быть может, еще теплится жизнь? Как покинуть родной город или село, где прошли лучшие годы, и двинуться неизвестно куда, на произвол судьбы?

А тут еще слухи, один другого страшнее. И невдомек потрясенным, психически надломленным жителям, что определенные силы используют этот «источник информации» в своих целях и интересах.

Вдруг разнеслась весть: детей-сирот сознательно хотят вывезти за пределы республики, дабы «распылить нацию». Чепуха явная, но ведь некоторые поверили. Что дало пищу этим слухам? Естественный в условиях нашего государства гуманный, искренний порыв приютить, обогреть, обласкать армянских ребятишек, оставшихся без родителей. «Примем армянских детей в свои семьи», — обращались через газеты, давали срочные телеграммы жители наших респу-

блик. Как извращенно, выходит, можно было истолковать этот сердечный порыв...

Или такой чудовищный слух. Матерей и детей увозят в Сибирь, в Красноярский край, чтобы «отомстить» за активное участие тысяч армян в решении проблемы Нагорного Карабаха, за неуступчивость и твердость. Больше они никогда не вернутся в родные места.

В такой обстановке наладить эвакуацию оказалось чрезвычайно сложно.

Я разговаривал с председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым, все это время находившимся в Армении. «Отдадим все, что имеем, — сказал он от имени профсоюзов. — К приему детей и женщин подготовлены все санатории республики, это более 4 тысяч мест, профсоюзные здравницы в Адлере, Сочи, Грузии, Подмосковье, других местах. Более ста миллионов рублей намечено выплатить из профсоюзных средств в качестве пособий».

Медленно, исподволь вызревала в людях мысль: надо эвакуироваться, это будет спасением. Начали работать постоянные пункты по оказанию помощи в эвакуации. И вот первые триста ленинканцев выехали из лежащего в руинах города.

В санаториях и пансионатах с детьми школьного возраста начнут заниматься учителя, притом обучение будет вестись на армянском языке...

В деревне близ Налбанда

...Дети. Любовь к ним возведена в Армении в культ. Испившая до дна чашу страданий нация всякий раз возрождается в детях, отсюда особое отношение к ним.

В деревне неподалеку от Налбанда, там, где был эпицентр землетрясения, я увидел девочку лет десяти, только что извлеченную из-под обломков. Она сидела на стуле посреди улицы, укрытая шерстяным пледом. На грязном личике отчетливо выделялись светлые бороздки высохших слез. Она уже не плакала, а только вздрагивала и слегка постанывала, еще не веря в свое спасение. К ней подходили, натруженными ладонями гладили по жестким спутан-

ным волосам, клали в подол испачканного платьяца хлеб, конфеты, печенье. Девчушка молчала, и только легкая икота-стон сотрясала ее худое тельце. А люди все подходили и гладили ее по голове, и подол платьяца был уже полон.

В местной школе погибли многие ее сверстники. Она приболела и не пошла на занятия, потому и уцелела. Дом ее развалился, крыша рухнула на землю, и она отделалась царапинами. Уцелели и родители: отец работал на тракторе, мать находилась во дворе. Теперь они счастливо колготились рядом, не зная, чем и как ублажить дочь.

Выставленная на всеобщее обозрение девочка как бы символизировала чудо, свершившееся на глазах всей деревни. Детей здесь осталось в живых буквально горстка.

...Короткое лирическое отступление, одно цветное стеклышко в мозаике памяти.

В армянских деревнях запоминаются запахи. Особенно тому, кто не привык к ним с пеленок. С раннего утра хлопотливые хозяйки варят, жарят, пекут, и так каждый день. Тут нет большой разницы между будничной и воскресной трапезой. Кормить надо всегда сытно и не на скорую руку. Спитым чаем да бутербродами не потрафишь хлебопашцу, виноградарю. В лаваш заворачивается кусок буйволиного масла, сверху — домашний творог (фу ты, господи, откопал-таки слово — «домашний». А какой же еще, не магазинный же!). Все вместе называется «жажик». Затем яичница: сначала на сковородку кладется масло, потом нарезанные ломтиками помидоры, испускающие желтый сок, будто растапливается само солнце, взрастившее их, а уж напоследок яйца. Тарелка мацони дополняет утреннее меню. И можно работать в поте лица, есть откуда черпать запасы мускульной энергии.

Так едят в армянских деревнях летом и осенью. Зимой часто делают хаш: вываривают коровьи копыта, получается мучнистая клейкая жидкость, туда крошат лаваш и едят кто ложкой, а кто руками. Одна тарелка — и сыт весь день.

Каким бы бедным ни выглядел армянский дом, три вещи в нем присутствуют непременно — подвал, карас и тондыр. В подвале хранятся фрукты, лук, картошка, сушеный перец, в карасе — молодое виноградное вино, в тондыре выпекают лаваш. Без этого дом не дом.

...Яркий, жаркий октябрьский полдень. У приоткрытой

двери кухни, сделанной в виде небольшого сарайчика, женщина. Не то улыбается, не то шурится под солнцем, оглядывает мое лицо, мой костюм. Это не праздное любопытство деревенского жителя. Так смотрела бы она на какого-нибудь марсианина. Между нами ничего общего, все разное, хотя стоим на одной почве. Мальчуган — замурзанный, босенький, лет трех — держится за подол женщины. Тоже глядит пристально своими пронзительными черными глазами. И я гляжу на них и на то, что видно в дверную щель. Подхожу ближе, жестом прошу разрешения войти. Вот оно, святая святых армянского очага — место, где пекут хлеб. Большое отверстие в земляном полу, окопанная глиняная печь, внутри бушует огонь. Когда кизяк и хворост прогорят и останутся угли, хозяйка испечет лаваш.

Не выдерживаю дыма, отворачиваюсь, выхожу на улицу. Женщина улыбается, мальчуган тоже. Что-то надо сказать, поблагодарить. Копаюсь в скуднейших запасах своего армянского лексикона. Нет, «спасибо» мне не выговорить — слишком длинное слово, тягучее, не по моим зубам орешек. Прикрываю лоб рукой, чтобы лучше видеть женщину. Она стоит в той же позе, смотрит загадочно и величаво. Она — символ вечности. Летят года, века, тысячелетия, время над ней не властно — она печет хлеб.

«Шат лав» (очень хорошо. — *арм.*), — тихо выговариваю я, будто первое слово молитвы. «Шат лав», — эхом вторит хранительница очага. «Шат лав», — струится серебристое дыхание листьев тополя. Мир велик и пребудет вечным, как хлеб, дозревающий в тондыре, как воздух, трава, листья...

Где теперь дома с подвалами, карасами, тондырами, где запахи свежееиспеченного хлеба... Будут ли восстановлены эти села, и когда? Горя здесь не меньше, чем в городах.

В первые дни после землетрясения все внимание было приковано к Ленинанкану и Спитаку. Их трагедия словно бы затмила, снизила значение случившегося в сельских местностях. О судьбе сел вспомнили не сразу, спустя некоторое время. А между тем вертолетчики рассказывали, сколь велики там последствия разгула стихии. Даже прочные постройки не выдержали подземных толчков — слишком близко находились к эпицентру. Особенно пострадали Налбанд, Лернакат, Шушанапат, Лернадзор. В Гугаркском

районе, под боком у Кировакана, 18 тысяч жителей из 28 лишились крова, многие сотни погибли. Завалы удалось ликвидировать довольно быстро. Но многие села по-прежнему без света, водопровода, телефонной связи.

С полным напряжением работает в республике комиссия Политбюро ЦК КПСС.

12 декабря Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков и секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков посетили сельские районы Армении в зоне стихийного бедствия с целью ускорить здесь разворот спасательных работ.

В Ахурянском, Спитакском и Гугаркском районах они ознакомились с масштабами разрушений. Бедствием охвачено 15 сельских районов республики. 28 населенных пунктов разрушено полностью. Приблизительный объем предстоящих строительно-монтажных работ — 1,3—1,5 миллиарда рублей. Серьезный ущерб причинен объектам перерабатывающей промышленности. Полностью выведено из строя 15 предприятий.

В беседах с колхозниками, рабочими, жителями сел, партийными и хозяйственными руководителями Н. И. Рыжков и Н. Н. Слюньков давали конкретные поручения по широкому развертыванию спасательных и восстановительных работ.

Предприняты экстренные меры для резкого наращивания темпов работ в разрушенных стихией селах. Сюда, в частности, направляется 43 крупных механизированных отряда, оснащенных всем необходимым. За каждым из 15 районов Армении, оказавшихся в зоне разрушения, закреплена конкретная союзная республика для оказания эффективной помощи силами и средствами своего агропрома.

(ТАСС)

В селе Мец Парни, уже упоминавшемся в моих записках, я видел, как поэта Размика Давояна окружили земляки, слышал, как изливали ему душу — нет, не жалова-

лись, не стонали — думали вместе с ним, советовались о дальнейшей жизни.

— Весной начнут строить новое село, — переводит Размик, делая меня собеседником. — Скот сохранить, по-видимому, не удастся: водопровод разрушен, нечем поить. Вывезли его в другие, менее пострадавшие районы, часть — на бойню. Удивляются, негодуют, почему так безалаберно организовано снабжение продуктами, одеждой. Хлеб иной раз вообще не завозят. Палатки прибыли только сегодня. Зато привезли детские пальто больших размеров, рассчитанные на десятиклассников. Уцелевших детей уже отправили в Ереван и другие города, зачем селу эти пальто?

Не подумай, будто мои земляки ударились в панику, растерялись, только и делают, что сетуют на неурядицы. Сейчас всей Армении плохо, и они это понимают. Дух их не сломлен. Но есть вещи, которых вообще не должно быть. Помогает вся страна, можно сказать, весь мир, а здесь не хватает самого элементарного, — горячится Размик.

Чужого горя не бывает

Поистине чужого горя не бывает. И нет на нашей планете такого уголка, где не отозвалась бы острой болью в сердцах людей трагедия армянского народа, ставшего жертвой одного из самых страшных землетрясений в истории человечества.

«Мы с младшим братом и сестрой решили отдать все имеющиеся у нас деньги для оказания помощи детям Армении. Сумма небольшая, но, может, и эти средства помогут спасти хоть кого-нибудь. Нам очень хочется, чтобы как можно больше людей осталось в живых». Это строчки из письма 11-летней японской девочки Наоки Хагэсавы, четким ученическим почерком написавшей на конверте: «СССР, Генеральному секретарю Горбачеву».

В Польше на специальный счет в банке поступили сотни миллионов злотых от отдельных граждан и трудовых коллективов. Из Варшавы в

Ереван самолетами отправлены лекарства и медицинское оборудование. На специальном заседании консультативного экономического совета при Совете Министров ПНР принято решение форсировать оказание всех видов помощи населению Армении. Исполком Всепольского соглашения профессиональных союзов выступил с инициативой предоставить пострадавшим для их реабилитации тысячу мест в домах отдыха и санаториях Польши.

Из Гаваны в Советский Союз вылетели 106 врачей и медицинских сестер, которые будут оказывать помощь населению пострадавших от землетрясения районов. Провожавший их у трапа самолета Фидель Кастро сказал, что оказание Кубой помощи жертвам стихийного бедствия является выражением чувства братской солидарности, которое питают кубинцы к народам СССР.

Широко развернулось движение по оказанию помощи Армении в Чехословакии. В Ереван отправлен оснащенный новейшим оборудованием передвижной госпиталь, идут добровольная сдача крови и сбор пожертвований.

500 тысяч долларов на помощь пострадавшим выделило правительство Австралии, выразившее надежду, что эта помощь поможет в ликвидации последствий стихийного бедствия. Сбор пожертвований начали также многие общественные и религиозные организации страны. В Канберре создана специальная группа солидарности, координирующая сбор средств и оказание другой помощи. Армении сейчас помогает весь мир, подчеркнула инициатор создания группы Пилар Эррера.

Болью отозвалась трагедия, обрушившаяся на народ Советской Армении, в сердцах американцев. Буквально за одну ночь в различных частях США — от Нью-Йорка до Калифорнии, от Сиэтла до Майами — возникли пункты приема крови и пожертвований в фонд помощи пострадавшим от разрушительного землетрясения.

«Наши телефоны звонят не смолкая днем и ночью», — заявил представитель вашингтонской штаб-квартиры Американского национального Красного Креста, где работает круглосуточно координационный штаб помощи пострадавшим. ... Американцы армянского происхождения уже собрали в фонд помощи 5 миллионов долларов. Расположенный в Бостоне секретариат Международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» сообщил о подготовке к отправке в Армению современного медицинского оборудования на сумму 500 тысяч долларов.

В СССР прибыли пять самолетов с грузами для жертв землетрясения. Установлена прямая постоянно действующая линия связи между посольством СССР и госдепартаментом США, быстро и оперативно решаются все вопросы, которые возникают в связи с отправкой грузов в Армению.

По всем Соединенным Штатам десятки организаций развернули сбор средств в фонд помощи. Средства массовой информации США подчеркивают, что еще никогда со времен второй мировой войны в стране не было такого стремления помочь Советскому Союзу.

Не смолкают телефоны и в работающем в эти дни круглосуточно Московском народном банке в Лондоне, где открыт специальный счет помощи Армении. К настоящему времени на него уже перечислено от британцев более 20 тысяч фунтов стерлингов. Сотни врачей, строителей и спасателей изъявили готовность немедленно выехать в пострадавшие от землетрясения районы, чтобы подключиться к спасательным работам.

Сообщения об отправке грузов помощи поступили из десятков стран всех континентов. К усилиям правительств, общественных и благотворительных организаций активно подключились деятели культуры и искусства. Театральные коллективы, всемирно известные музыканты, художники, литераторы проводят благотворитель-

ные концерты, спектакли и выставки, сборы от которых перечисляются в фонд помощи жертвам землетрясения.

(ТАСС)

Ужасная катастрофа, постигшая вашу страну, глубоко потрясла нас. С чувством глубокой скорби и сочувствия читаем мы сообщения, поступающие в эти дни из Армении. Несчастье, постигшее эту республику, вызвало глубокий отклик и сострадание всех людей во всех уголках мира.

Мы в полной мере сознаем, что нет таких слов, которые могли бы утешить людей, потерявших своих родных и близких, оставшихся без крова. Но мы должны стремиться смягчить их горе, позаботиться о том, как быстро помочь этим людям. Для оказания оперативной помощи жителям Армении, пострадавшим от землетрясения, мои сыновья — Франц, Фридер, Хуберт Бурда — и я решили выделить 1 000 000 марок ФРГ.

Пожалуйста, рассматривайте это как помощь ваших друзей. Во время моих приездов в Советский Союз я имела возможность в полной мере оценить сердечность советских людей.

С глубоким сочувствием

Энне БУРДА

Аэропорт Звартноц на пятые сутки после стихийного бедствия продолжал наращивать пропускную способность. Хотя, казалось бы, больше уж некуда. Но диспетчеры постоянно находили «окна» — две, три, пять минут — и сажали самолеты с опознавательными знаками десятков стран. Такого парада крылатых машин, как в ереванском аэропорту, не увидишь и в крупнейших авиационных салонах. Но экипажам и «наземщикам» не до смотрин. Сели, разгрузились, улетели. Бесконечный конвейер...

Военные АН-12, ИЛ-76, «Антей» и даже «Руслан» — флагман транспортной авиации, всего более 300 «бортов» как будто прописались в Звартноце. Доставляют тяжелую технику — краны, бульдозеры, экскаваторы, то, чего по-прежнему не хватает и без чего невозможно расчищать завалы. В первое время разгружали их медленно, иной раз по четыре-пять часов, грузчики-добровольцы проявляли нерасторопность, неумение. Кто бросит в них камень... Общая

неразбериха отражалась и на них. Теперь «борты» стоят на летном поле не более часа.

Дежурные на центральном командном пункте ВВС работают уже не сутками, как раньше, а по 36 часов, их состав соответственно увеличен в полтора раза.

Ко всем прочим трудностям добавилась нелетная погода. С ночи до утра висит туман, ухудшается видимость. Самое удобное время — дневное — чаще всего предоставляется иностранным самолетам. Разумное решение: их экипажи не знают специфики Звартноца, им нужно видеть полосу глазами. В сумерки и ночью в основном летают наши военные.

Много разговоров о гибели советского ИЛ-76. Что могло с ним случиться? Конечно, горы, сложные метеоусловия. И все же... Одна из версий такова. На шкале высотомера требуется установить величину атмосферного давления аэродрома посадки. На равнинных аэродромах это 760 миллиметров ртутного столба. Аэропорт в Лениакане находится на высоте полутора километров над уровнем моря, там давление 634 миллиметра. Если предположить, что пилот ошибся и поставил «привычное» давление, то... Приборы показывали одно, а перед носом самолета было совсем иное — гора.

Не успели пережить эту беду, как грянула новая. При подлете к Еревану разбился югославский военно-транспортный самолет с грузом помощи. Экипаж погиб.

Самолет вылетел из Скопле и летел по международной трассе Болгария — Турция — СССР. В районе аэродрома метеоусловия были нормальные. Диспетчерская связь с самолетом поддерживалась на английском языке. Она неожиданно прервалась при заходе экипажа на посадку. Самолет упал и взорвался в 12-13 километрах от аэродрома.

К жертвам декабря високосного восьмьдесят восьмого добавилось еще семеро — граждане СФРЮ. И так же скорбно, как сжимались сердца югославов, узнавших о землетрясении, сжались сердца советских людей, армян и неармян.

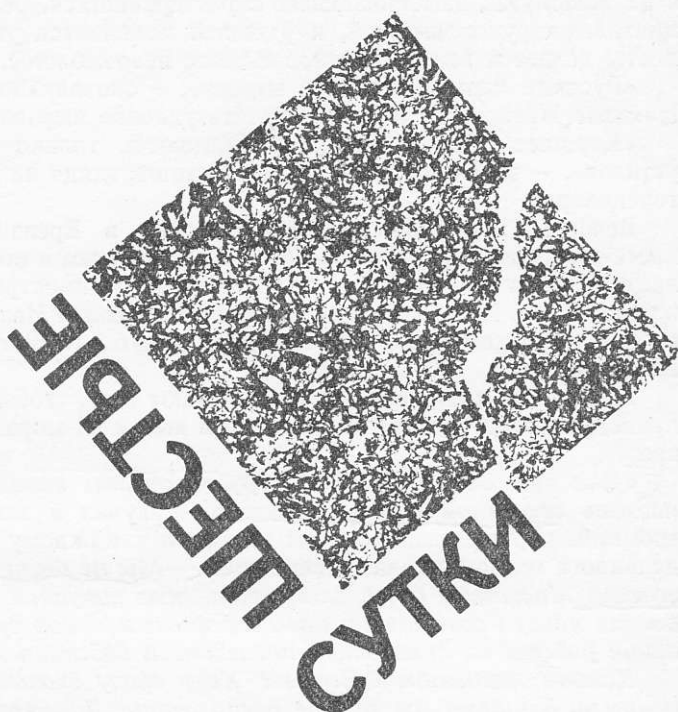
В Звартноце начал действовать штаб по приему иностранной помощи. Возглавил его Сурен Самвелович Аветисян — заместитель председателя Президиума Верховного Совета республики. Знаю я Аветисяна лет двадцать, с тех

пор как он был редактором газеты «Ерекоян Ереван» («Вечерний Ереван»). Потом ждали его партийная, советская работа. Но в душе (и он это не скрывает) Аветисян остался преданным прессе. И характером не изменился — так же, как прежде, ценит дружбу, искренность, открытость.

Пытался я дозвониться до старого доброго знакомого — тщетно. Он и ночевал, кажется, в аэропорту — дома, даже поздно вечером и рано утром, застать его не удавалось. Не состыковались наши маршруты. Но чуть спокойнее стало на душе, когда я узнал, что штаб по приему иностранной помощи возглавил Аветисян. Кто-кто, а он сумеет навести порядок, ведь прием зарубежных грузов — это, наверное, одно из самых слабых мест в работе по ликвидации последствий землетрясения.

Таких мест становится все меньше, но они еще есть. Медленно идет эвакуация женщин с детьми (в Ленинакане некоторые вообще не собираются трогаться с места — те, кто жили в собственных одноэтажных домах, получивших незначительные разрушения или не разрушившихся вообще). В районе бедствия почти нет одноразовой посуды. По-прежнему плохо обстоит дело с уборкой мусора и пищевых отходов. Не на всех хватает временного жилья. Не лучшим образом налажена на местах координация действий штабов по ликвидации последствий землетрясения. Далеко не все знают местонахождение этих штабов, а также мест, где складывают предметы первой необходимости: питание, горюче-смазочные материалы, палатки и прочее. Слишком много крика, эмоций, непродуманных распоряжений, действия зачастую дублируются, непонятно, кто за что персонально отвечает. А помощь все прибывает, управляться с ее потоком все труднее.

В особой цене нынче настоящие командиры, организаторы, деятели в самом прямом, корневом смысле слова. Почему их так мало?

Пресс-конференция в Ереване

И дома у горкомовского работника Левона Бабаяна, обеспечившего мне крышу над головой, и в машине, везущей меня в пострадавшие районы, и на захламленных улицах, и в раздаточных пунктах — везде постоянно говорят об одном и том же — о работе комиссии Политбюро. Все, с кем беседую, в один голос высоко оценивают ее усилия. «Если б не Николай Иванович, хаос бы продолжался», — говорят о Рыжкове. Его спокойная, убедительная и одновременно жесткая, сообразная моменту манера держаться и вести диалог снискала здесь уважение. Телевидение почти каж-

дый вечер показывает Рыжкова, посещающего разрушенные города и села, обсуждающего возникающие проблемы с их жителями, взыскивающего с растерявшихся, безынициативных руководителей, и у людей появляется уверенность: делается все возможное и даже невозможное.

«Русский сын армянского народа», — сказал кто-то о Николае Ивановиче, и пошло гулять удачное выражение.

«Хорошее лицо у Николая Ивановича, только очень усталое», — замечает жена Левона Наташа, глядя на экран телевизора.

Вечером 12 декабря я присутствовал в Ереване на пресс-конференции, устроенной Н. И. Рыжковым и его коллегами, членами комиссии, для советских и иностранных журналистов. И сделал еще один вывод: Николай Иванович не боится открыто говорить правду, сколь бы горькой она ни была.

Материалы конференции заслуживают того, чтобы быть приведенными в этой книге. Слишком высок их моральный вес.

✓ «Для нас, да и для любой другой страны катастрофа явилась страшной неожиданностью. — звучал в зале громкий, обращенный ко всем вместе и к каждому в отдельности голос Николая Ивановича. — Мы не были к ней готовы. Масштабы беды, экстремальность ситуации потребовали поиска совершенно новых форм и методов организации работы по ликвидации последствий бедствия. ...

Каковы масштабы бедствия? Хочу сразу сказать, что точными данными мы еще не располагаем. Диаметр зоны поражения — 80 километров. По оценке, которую дают ученые, в эпицентре — между городами Спитак и Ленинакан — свыше 8 баллов по 12-балльной шкале. Лишились крова примерно 500 тысяч человек. 12 тысяч человек, по данным на сегодняшний день, получили ранения, из них 6 тысяч человек госпитализированы.

Сколько погибло? На сегодняшний день погибших извлечено примерно 15 тысяч человек. Сколько их всего, можно судить только по расчетам, опираясь на опыт мировой практики. Расчеты эти, сделанные учеными, дают возможную цифру — 40—45 тысяч человек.

В основном разрушены дома высотностью в девять этажей, промышленные сооружения. Ну а в городе Спитак, где был эпицентр, ничего практически не осталось. И мы

считаем, что в этом городе вообще восстанавливать нечего. Нам придется заново строить его.

Что делается в настоящее время? Я уже сказал, что технология спасения чрезвычайно сложна. Республика не имела в достатке грузоподъемных средств. В первую очередь — мощных подъемных кранов, экскаваторов. Поэтому первое, с чего мы начали, — подтянули тяжелую технику из ближайших районов — Грузии, Азербайджана. Но этого было недостаточно. Приняли решение укомплектовать 600 крановых экипажей — с экскаваторами, газорезным оборудованием, ремонтной службой, рабочими и специалистами, чтобы они могли действовать круглые сутки.

Наша задача — все работы провести в два этапа. Первый — это спасти людей. До сих пор раскапываем живых. И сегодня в Ленинакане извлекли 10 живых. Стремимся во что бы то ни стало спасти тех, кто еще жив. Надо полностью ликвидировать завалы, которые образовались. Полностью извлечь погибших и похоронить их. Это первый этап.

Параллельно ведем большую работу по эвакуации населения. В первые три дня отправка людей давалась трудно. Мы всячески убеждали население вывезти детей, женщин и стариков из зоны бедствия, оставить здесь только мужчин. Но никто нас не слушал, люди были в шоковом состоянии. Каждая семья кого-то потеряла, и, пока не будут найдены погибшие, никто не хотел уезжать. Сейчас ситуация меняется, началась активная эвакуация. В санаториях, профилакториях, домах отдыха, на туристских базах для пострадавших приготовлено 50 тысяч мест — в Армении, Грузии, Ставропольском и Краснодарском краях РСФСР. На Украине — в Крыму, в Одесской области — также подготовлено 50 тысяч мест.

За вчерашние сутки вывезено 2 тысячи детей и женщин. По нашим данным, предстоит эвакуировать от 50 до 70 тысяч человек. Эту работу собираемся провести за десять дней.

Сейчас в зону бедствия везем блочные домики, дома контейнерного типа, с тем чтобы утеплить их и, как говорят, в зиму входить с жильем. Мужчины будут заниматься строительством и другими восстановительными работами. Мы благодарны правительству ФРГ, которое в качестве дара предоставило специальные вагоны, в которых можно жить. В ближайшее время начнут поступать мобильные

строительные отряды, которые могут работать автономно. Они будут строить жилье, детские сады, больницы и т. д.

Министерства союзного значения, имеющие предприятия в Армении, будут своими силами восстанавливать все, что подверглось разрушению. Как видите, ведем борьбу с последствиями бедствия по нескольким направлениям.

Сегодня мы вылетали в пострадавшие сельские районы. Не менее тяжелая картина, чем в городах... Будем намечать меры, как помогать селу. Всю эту работу поручили Госагропрому СССР. Будем ставить ответственных лиц в каждое село, в каждую деревню...

Питание организовано повсеместно, больших проблем с этим нет. Постепенно восстанавливаем электроэнергию, водопроводы.

Помощь Армении оказывает вся наша страна. Отклик на случившееся просто небывалый. Мы даже не успеваем получать грузы, таким потоком они идут. Так что у нас есть полная уверенность в том, что со сложной задачей справимся, восстановим все в течение двух лет. Сейчас трудно оценить, во что обойдется восстановление. Пока цифра — 5 миллиардов рублей. Думаю, это минимум. Страна должна изыскать и финансовые, и материальные ресурсы...

Далее посыпались вопросы.

ВОПРОС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АРМЯНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ: Как вы оцениваете организацию спасательных работ?

Н. И. РЫЖКОВ: Медицина очень хорошо работала и работает. Достаточно сказать, что в первый день, когда случилась беда, когда в зоне поражения не было ни электричества, ни воды, в полевых условиях были разбиты палатки, госпитали, было сделано две с половиной тысячи сложнейших операций. За сутки.

Армения неплохо работает. И вообще, с точки зрения энтузиазма, самоотверженности, самоотдачи мы ни к кому не можем предъявить претензий. В плане организации работ, конечно, хотелось бы, чтобы она была лучше.

В общем, наше мнение такое: сегодня материально-техническое обеспечение уже не вызывает каких-то сомнений. Мы набрали темпы, создали резервы. В целом считаем, что работа идет неплохо.

ВОПРОС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО РА-

ДИО: Как вы оцениваете помощь, оказанную Армении соседними республиками?

Н. И. РЫЖКОВ: Такая помощь была от всех советских республик, всех советских людей. Ее трудно переоценить. Самое главное — это, конечно, моральная поддержка. Вчера мы имели возможность немного посмотреть передачи телевидения. Репортеры убедительно показывают, что происходит практически во всех городах страны. Да, налицо большая моральная поддержка.

Второе — материальная сторона. Мы благодарны всей стране, всем советским республикам, благодарны и трудовым коллективам, и общественным организациям, всему народу за то, что именно в эту тяжелую минуту они пришли на помощь Армении. И соседние, и несоседние республики делают для Армении все возможное.

ВОПРОС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЯПОНСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА:

Я вместе с другими коллегами был в городе Ленинакане, и у меня такое впечатление — много солдат в аэропорту, но, честно говоря, я не видел солдат, которые спасают людей из-под руин. Я хотел бы спросить: сколько солдат сейчас занимаются спасательными работами, сколько сейчас их в этой зоне?

Н. И. РЫЖКОВ: Я, по-видимому, знаю не все детали. Надеюсь, товарищ Язов поможет мне. Однако вновь скажу — Советская Армия делает много именно в плане спасательных работ.

Действительно, в два города — Ленинакан и Спитак — мы ввели два воинских подразделения, чтобы создать в зоне стихийного бедствия нормальную обстановку. Если бы вы побывали там в первый день после землетрясения, вы убедились бы, что невозможно было работать. Вы даже не доехали бы туда. И потому не задали бы такой вопрос. Итак, мы ввели войска, блокировали город и, если вы обратили внимание, ни одну легковую машину туда сейчас не пропускаем. Когда люди подъезжают к этой зоне, им предлагается оставить машину на стоянке. Там их сотни и тысячи стоят, а люди пешком идут в город, чтобы отыскивать родственников. Надо восстановить общественный порядок — вот ради чего мы это сделали. Считаем, что сделали правильно.

Теперь об участии армии в спасательных работах.

Во-первых, были мобилизованы и развернуты семь инженерных полков.

Военные разбирают завалы. Два полка, которые сюда пришли, уже работают. Остальные находятся в пути. Тот самый ИЛ-76, который недавно потерпел аварию, вез две единицы техники и 70 человек персонала. Речь идет о полках, развернутых гражданской обороной. Они направляются на спасение людей. Кроме того, занимаются проблемой водоснабжения, связью, восстановительными работами.

— Дмитрий Тимофеевич, — обращается Н. И. Рыжков к Д. Т. Язову, — что вы хотели бы добавить?

Д. Т. ЯЗОВ: Нет никакого секрета — в зоне бедствия работают 18 990 военнослужащих. Непосредственно в Ленинкане работают 10 626 человек. Вы сказали, видели много людей в военной форме в аэропорту. Действительно, солдаты работают в аэропорту с целью быстрой разгрузки самолетов. В Ленинкане небольшая площадка для разгрузки, она вмещает всего пять самолетов, и оборачиваемость машин зависит от того, насколько быстро мы их разгружаем. Поэтому и там, и в Ереване солдаты участвуют в этих работах. Председатель комиссии Н. И. Рыжков возложил на армию самые трудные работы, в том числе и доставку техники. Напряженно действует военно-транспортная авиация...

Самолетов у нас много, а аэродромов в этой зоне мало — в Ленинкане и Ереване. Мешает и зимняя непогода. И, выходит, не больше 40—47 рейсов удастся совершить за день.

Кое-что о других участках: развернули водовод, подали воду в Спитак. Эту работу, кроме нас, никто не сделает. Тут требуются специалисты. Надо восстанавливать железную дорогу, которая вышла из строя на участке Ленинкан — Кировакан. Мы и восстанавливаем. Поэтому на разборке зданий вы и видели мало военных. Кстати, на спасательных работах солдаты трудятся в комбинезонах и ничем по виду не отличаются от гражданского населения.

ВОПРОС КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»: Кто-нибудь прогнозирует перспективу? К примеру, наблюдение: из Ленинкана и Спитака вывозят обломки домов и просто сваливают на землю. Может быть, использовать для этого огромные ямы? Ведь такие свалки создают новые

проблемы. И второе — относительно распределения того, что завезли и завозят в республику.

Н. И. РЫЖКОВ: *Согласен с вами. Надо все сделать, чтобы меньше засорять пахотные земли, их в Армении очень мало. Думаю, пройдет несколько дней, и организационно все станет более твердо. Полезные площади будут очищены. Найдем овраги и будем заполнять их обломками.*

В отношении внутренних поставок — ими занимается мой заместитель, председатель Госснаба СССР Л. А. Воронин. Он и координирует все движение материальных ценностей по стране и здесь действует совместно со своими коллегами — Ю. П. Баталиным и Б. Е. Щербиной. В этом деле есть и недостатки, но в основном, я думаю, все держим в руках.

Однако иногда события просто непредсказуемы. Три дня назад мы никого не могли убедить эвакуироваться. Теперь же — очередь желающих.

Три дня просили людей — берите палатки, ставьте. Никто не хотел брать. Теперь куда ни приедешь — нужны палатки. Конечно, надо быстрее грузить их на вертолеты, на машины.

Иностранная помощь, как мы договорились с руководством Армении, распределяется в республике. Насколько я информирован, с этой целью создана специальная группа, которая должна вести учет, обеспечить хранение и соответственно снабжение людей тем, что им нужно. А то, что пригодится на завтра, когда будем все восстанавливать, следует тщательно сохранить. Повторяю, мы благодарны за эту помощь...

ВОПРОС КОРРЕСПОНДЕНТА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»: *Как используется та валюта, которая поступает в фонд пострадавших из-за рубежа?*

Н. И. РЫЖКОВ: *Вся она идет через Внешэкономбанк на армянское отделение Внешэкономбанка. Распоряжаться ею будет правительство Армении по своему усмотрению. Все до единого цента попадет в Армению.*

ВОПРОС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АГЕНТСТВА РЕЙТЕР: *В Ленинкане нам говорили: в значительной степени в тяжелых последствиях трагедии виновато плохое строительство. Какова ваша реакция, какие извлечены уроки?*

Н. И. РЫЖКОВ: *Реакция и моя, и руководства страны, разумеется, отрицательная. М. С. Горбачев был в районах*

разрушений. Наши впечатления, мнение комиссии, которая находится непосредственно на месте: допущены грубейшие нарушения и с точки зрения проектирования, и с точки зрения исполнения работ. Поэтому принято решение создать правительственную комиссию. Когда будет завершено расследование, полагаю, будут сделаны очень серьезные выводы.

Теперь о перспективах. Мнение компетентных специалистов, в том числе и по строительству в сейсмичных зонах: здесь можно строить, однако дома должны быть не выше 3—4 этажей и строиться должны с особыми мерами предосторожности. То есть строительство надо рассчитывать на землетрясения силой до 9 баллов. Жить в этих местах можно, однако никто не даст гарантий, что здесь не случится нового землетрясения. На такой прогноз наука пока не способна. И толчки продолжаютс...

Н. Н. СЛЮНЬКОВ: С 7 декабря произошло 367 толчков, 94 из них силой свыше 5,5 балла...

Н. И. РЫЖКОВ: Постепенно сейсмическая активность идет по затухающей, но толчки продолжаютс. Ученые так говорят: подобное землетрясение, такой силы и такой горизонтальной направленности было лишь в XI веке.

ВОПРОС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АГЕНТСТВА АССОШИЭЙ-ТЕД ПРЕСС: Есть ли уже мнение экспертов о том, как долго могут жить люди под обломками?

Н. И. РЫЖКОВ: Есть мировой опыт. В Мексике людей находили по истечении 13 суток. Сегодня, например, многих людей вызволили из-под обломков в Ленинакане. Вот товарищ Язов только что оттуда прилетел.

Д. Т. ЯЗОВ: Медицина нам говорит, что, если человек не ранен, он может и больше жить. Мы восьмого декабря вечером в одном из цехов в Ленинакане разобрали завал, и оттуда вышло сразу 200 человек. Только в Ленинакане после катастрофы раскопано и извлечено оставшихся в живых 5398 человек.

Спокойные, убедительные ответы Н. И. Рыжкова, его стремление не затушевывать остроту ситуации откликнулись в сердцах тысяч армян и неармян, прочитавших газеты с подробным изложением пресс-конференции. Еще раз стало очевидно: правда и только правда нужна людям. Нужна, как хлеб, как вода, а может, больше хлеба и воды.

«Буду писать
вторую часть „Реквиема“»...

В Ленинанкане я прежде бывал лишь однажды, облик города запечатлелся во мне светло и празднично. Лучше всего запомнилась центральная площадь, просторная, чистая. Что от нее осталось... Вылезли ребра скелета полуразрушенной церкви. Ни одного целого здания. Палатки с красными крестами соседствуют с солдатскими полевыми кухнями. С грузовиков идет бесплатная раздача еды. Тут же очередь за бензином, наливают его в ведра, бидоны, канистры — что есть под рукой. Автобусы для эвакуируемых. Площадь забита машинами, всякими — от «Запорожцев» до «КамАЗов». Полно слоняющихся без дела людей. Кто они — потерявшие семьи, отчаявшиеся, опустошенные, или просто зеваки, не знающие, куда себя деть, или, того хуже, приехавшие с определенной целью — пограбить? Под ногами липкая грязь, там и сям горят костры, люди греются у огня, сидя на корточках.

Медленно влекутся шестые сутки. Отсчет времени начат от тех сорока или больше секунд, которые потрясли город.

А подземные толчки, хотя и слабые, продолжают, и люди боятся идти ночевать в уцелевшие помещения со стенами и крышами. Коротают холодные ночи либо в палатках в скверах и на пустырях, либо в гаражах. Меньше всего пострадали частные одноэтажные домики, но и их хозяева стараются не находиться внутри. Завалы по-прежнему притягивают и отпугивают. Притягивают тех, у кого под рухнувшими плитами остались близкие, отпугивают немногих счастливчиков, избежавших потерь. Разбираются завалы медленно, с величайшей осторожностью: одна неловко сдвинутая плита может обрушить другие, а если там живые люди?... Удивляет то, что на разборке одних «холмов скорби» достаточно спасателей и техники: есть кран, а то и два, самосвалы, в кузовах которых укладываются части бывших домов, сыпается строительный мусор; на разборке других копошится от силы десятков местных жителей, не видно спасателей в противогазах и респираторах (одолевают пыль, запахи), и техники не видно. Люди порой вынуждены буквально выклянчивать краны.

Многие жалуются на нехватку элементарного. Даже ру-

кавиц не хватает. И в то же время прибывшие на выручку механизаторы простаивают, им, как говорится, не обеспечивается фронт работ. Из Ростовской области прибыл целый автопоезд, привез все необходимое — от еды и обуви до сварочных аппаратов и запчастей. И тоже стоит неразгруженный. Неужели это никому не нужно, никого не интересует? Еще как нужно! Но что-то не срабатывает, заедает, пробуксовывает в механизме приема помощи.

Размик Давоян, с которым мы опять вместе приехали в Лениканан, сосредоточенно молчит. Вчера я спросил его: «Напишешь обо всем увиденном?» Он покачал головой. А сегодня у него вырвалось: «Буду писать вторую часть „Реквиема“». Боль запредельна, не существует сейсмографа, который бы измерил толчки израненного сердца поэта. Но настоящее искусство неотделимо от жизни.

Подвозивший нас милиционер вдруг заговорил о Минасе. Неподалеку село Джаджур, его родина.

Минас. В Армении, наверное, нет более знаменитого художника, разве только Сарьян. Трагична его судьба. Злой рок постоянно преследовал Минаса Аветисяна. В восемь лет заболел тифом и чудом выжил. В новогоднюю ночь сгорела его мастерская, в огне погибли 150 лучших холстов, приготовленных для выставки. Через несколько лет погиб и сам — у ворот его дома на него внезапно наехал автомобиль. Говорили, за рулем сидел психически больной.

Меня познакомили с Минасом в середине шестидесятых, а вскоре случилось непоправимое... В квартире моего московского друга висит авторская копия работы Минаса. Ослик на желтом фоне. Картина навевает покой, умиротворение. Я смотрю на нее и вижу привычный армянский пейзаж.

Потом были выставки, одна за другой. Знатоки понимающе кивали: «О, Минас, это да...»

Что сейчас с его деревенским домом в Джаджуре? Милиционер-водитель разъяснил: дом-музей пострадал, однако полностью не разрушился. Картины целы, лишь бы их не разграбили.

Если бы Минас был жив, написал бы он землетрясение? Как отобразит армянское искусство трагедию народа? Об этом сейчас никто не думает, не до того. Жизнь диктует свои жесткие условия, обнажает героическое и низменное, демонстрирует самоотверженность и, увы, беспомощность.

Заместитель председателя Совета Министров Коми АССР увидел, как из завала вытащили живого полугодовалого мужчину, мигом разулся, снял с себя теплые носки и натянул на спасенного.

Представитель Минздрава Армении Рубен Варданян рассказывал мне:

— В Ленинакане к французам подошел житель близлежащей деревни и пригласил в гости. «Нас шестнадцать человек», — ответили те. «Поехали все...» Отказать ему было невозможно — такими глазами смотрел он. В деревне гостей обогрели, накормили. «Поразительный народ армяне!» — произнес на прощание руководитель французов.

Да, поразительный. Но и многострадальный. Из этого и проистекает его отношение к другим народам — полное душевной приязни и тепла. Именно тот, кто много и глубоко страдал, может в полной мере познать душу другого. Эта душевная приязнь и тепло еще больше выросли как следствие благодарности за ту помощь, которую оказали армянам жители самых разных уголков нашей страны, всей планеты.

Вот один штрих, моментальный снимок с природы, услужливо воспроизведенный моей памятью, которая хранит множество подробностей частых поездок в Армению.

Свежее, чистое, пронзительное утро. Я улетаю в Москву первым рейсом. До Арарата рукой подать, с взлетной полосы он виден как на ладони. Кажется, гора не очень довольна: опять разбудил спозаранку рев моторов.

Провожает меня Джулия, молодой филолог, мы подружились в поездках по республике. Джулия оказалась простой, веселой, естественной. Часто я ловил на себе ее пристальный взгляд, содержащий какой-то немой вопрос. Догадывался на свой лад, беря за основу естественные отношения между мужчиной и женщиной, хотя был наслышан о строгом нраве армянок, об обычаях, сохранившихся и по сей день, как одинокий островок среди разлива «современных» свободных проявлений чувств. Джулия нравилась мне, и я отбрасывал все, что уводило в сторону от приятно щекочущих самолюбие ощущений: обручальное кольцо на ее длинном, гибком пальце, короткий срок знакомства... Могут же люди понравиться друг другу с первого взгляда!

Объявили посадку. Джулия взяла меня за локоть, заглянула прямо в глаза.

— Знаешь, я все время хотела тебя спросить: кто ты по нации?

Оторопев от неожиданности, я вдруг все понял. Милое нестершееся «по нации» лишило иллюзий, вернуло в мир реальности. Я ответил.

— Брат наш! — Джулия обняла меня, забыв, что вокруг люди и наверняка среди них есть знакомые, что муж ревнив, давно лелеет надежду привязать ее к кухонной плите, а сейчас она сама дает повод для досужих разговоров, обнимая при всем честном народе парня с неармянской внешностью.

Самолет давно уже набирал высоту, а в ушах у меня все звучало исторгнутое из самых глубин души: «Брат наш!» Я-то, чудак...

Брат наш. Такое обращение армяне адресуют сейчас, в лихое для них время, многим, кто облегчает их боль, — и не только, конечно, врачам, но и спасателям, военным, строителям, всем тем, кто рядом, представителям разных национальностей, разных государств.

А я опять не могу унять нахлынувших воспоминаний.

Давно это было, лет пятнадцать назад. В туристском автобусе познакомился с двумя тучными стариками-армянами, приехавшими из Ливана. Оба не были в Армении лет пятьдесят. Спасаясь от геноцида, еще молодыми людьми уехали искать лучшей доли. Повезло, завели дело, прочно осели на Ближнем Востоке, разбогатели. Джулия, выполнявшая по моей просьбе роль переводчицы, называла стариков парон Левон и парон Мартирос. «Парон» по-армянски «господин». Глядя на нее, я принял ту же форму обращения.

Старики попались разговорчивые, начали выведывать, кто я да что, охотно рассказывали о себе. Парон Левон торгует вином, парон Мартирос — хозяин обувного предприятия. Один привез в подарок католикосу пять тысяч долларов, другой — полный контейнер первосортной обуви (у богатых армян, проживающих за границей, не принято встречаться с родиной с пустыми руками). Общих тем нашлось не так уж много, и беседа стала затухать, подобно лесному костру под струями дождя.

Автобус взбирался все выше в горы, и вскоре камни, коричневые и растрескавшиеся, как ступни армянского пахаря, возобладали в пейзаже. Старики, в отличие от осталь-

ных туристов, не щелкали затворами дорогих японских фотоаппаратов, не жужжали кинокамерами, снимая овец, мирно пощипывающих редкую травку, извивы уходящей ввысь дороги. Они сидели неподвижно, скрестив руки на животе, и что-то беззвучно шептали. Молитву? Заветные слова, припасенные для встречи с отчим краем? Я глядел на них и начинал заражаться их настроением. Это не они, а я приехал на долгожданное свидание с любимой; разлучили нас надолго, я уже старик, и она постарела, но ничуть не изменился ее облик, все такая же прекрасная, обожаемая до слез, до спазм. Выражу ли словами свою любовь?..

Парон Левон издал слабый хрип, похожий на стон, глубоко вздохнул и запел. Голос его зазвучал неожиданно свежо. Мелодия взлетела куда-то очень высоко, на мгновение замерла и низверглась гортанным клекотом. Парон Мартирос подхватил песню, за ним остальные сидевшие в автобусе. Дребезжащие голоса слились в нестройный хор, равного которому в ту минуту не было и не могло быть.

Я скорее догадался, чем узнал: это был «Крунк» («Журавль»). Слова я помнил наизусть по брюсовскому переводу, но только сейчас прочувствовал так глубоко.

Крунк! Куда летишь? Крик твой — слов сильней!
Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! Домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?

Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохну, душа — вся горит в огне.
Крунк! Постой! Твой крик — нежит сердце мне.
Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?

.....
Сердце звало нас, — собрались, ушли,
В лживом мире мы братьев не нашли,
И тоскуем здесь, от друзей вдали...
Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?

.....
Праздников мне нет, будни — день за днем!
Вертелом пронзен, я сожжен огнем.
Но не пламя жжет: память о былом!
Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?

Водопад причитаний, вздохов, слез, стенаний; перед глазами — лица, улыбки, жесты. Отцы, матери, братья, се-

стры сгнули, канули, стали прахом, тленом. «Крунк» — поминовение, плач по потерянным, покинутым, растерзанным острыми камнями дорог. Плачь, плачь, душа!..

Кончилась песня. Старухи вытерли глаза, вынули зеркала, старики высморкались, приумолкшая было молодежь заговорила о своем. Защелкали затворы. Автобус все выше забирался в горы, туда, где летают журавли.

Почему я вспоминаю об этом сейчас? Неужели потому, что кругом вновь стоны и слезы, горе охватило армянскую землю и крунк разносит по свету худую весть?..

Забот не перечестъ

Шестые сутки не избавили от забот и тягот (наивно было бы надеяться на это), наоборот, обнажили новые проблемы. В сельской местности, к примеру, по-прежнему ощущается недостаток продуктов, предметов первой необходимости. Хлеб, воду, одеяла подвозят, а вот палатки, лекарства, теплую одежду... Да и техники все еще мало. Во многих местах бродит без присмотра скот. Позарез нужна телефонная связь, иначе невозможно узнать, в чем сельчане в данный момент больше всего нуждаются. Связисты же непроизвольно медлят.

Не смолкают разговоры по поводу грузов, поступающих в республику из страны и из-за рубежа. Их учет и распределение стали лучше, но положение все еще далеко от нормального. Николай Иванович Рыжков, другие члены комиссии Политбюро ЦК КПСС не устают подчеркивать на оперативках: ни в коем случае нельзя дискредитировать людскую доброту, человеческое сострадание расхлябанностью, нельзя подпускать к общенародному достоянию нечистоплотных людей, следует закрыть все лазейки для расточительности и хищений.

ОТ МВД АРМЯНСКОЙ ССР

Как известно, в республике создалась беспрецедентная по своим масштабам чрезвычайная обстановка, связанная с небывалым по силе землетрясением.

В создавшейся ситуации народ Армении, трудящиеся нашей страны мобилизовали все силы и средства для ликвидации последствий стихийного бедствия.

Однако, как ни горько это признавать, находятся подонки, иначе и не назовешь, лица, лишенные всякой морали, которые в это исключительно трудное для республики время пытаются нажиться на людском горе. Они проникают в покинутые в районе происшедшего землетрясения жилища, занимаются кражей имущества граждан, посягают на государственную и общественную собственность, расхищают материальные ценности.

Так, органами внутренних дел в эти дни арестован Азарян С. Н., слесарь объединения «Армтрансгаз», который похитил 4 многоместные палатки и 3 ящика импортных пищевых продуктов, предназначенных для пострадавших.

Привлечен к уголовной ответственности Аджамян Г. Н., рабочий Спитакского лифтостроительного завода, пытавшийся совершить кражу из разрушенного землетрясением помещения спитакской сберкассы.

Задержан Бадалян Р. А., нигде не работающий, проживающий в г. Октемберяне, занимавшийся кражами из покинутых жильцами домов и государственных объектов носильных вещей, различной аппаратуры.

Привлечен к уголовной ответственности нигде не работающий Бабаян А. В., проживающий в г. Абовяне. Потеряв человеческий облик, он занимался мародерством — снимал с трупов изделия из драгоценных металлов.

МВД Армянской ССР призывает население остро реагировать на факты посягательства на личное и государственное имущество, пресекать их, повсеместно оказывать действенную помощь в обеспечении сохранности общественного достояния и личной собственности граждан силам охраны правопорядка, незамедлительно сообщать о противоправных действиях преступных элементов близлежащим постам милиции.

13 декабря 1988 г. во время комендантского часа задержан Атабекян М. В., рабочий объединения «Урарту», который пытался распространять листовки, содержащие призывы к трудящимся республики не выходить на работу в связи с задержанием 11 декабря группы членов и активистов так называемого комитета «Карабах».

МВД Армянской ССР обращает внимание граждан на необходимость проявлять высокую бдительность, решительно пресекать подстрекательские действия демагогов, пытающихся провоцировать людей на безответственные

действия в угоду политическим авантюристам, выдающим себя за выразителей интересов народа.

Да, землетрясение обострило обстановку в Ереване и в тех районах республики, где несколько месяцев назад было введено особое положение и установлен комендантский час. Воровство в зоне бедствия сопровождается распространением слухов, а это приводит к еще более негативным последствиям, еще более будоражит и без того взвинченных людей. Распространители слухов не утруждают себя «оригинальностью», темы вымыслов одни и те же: безвозвратная отправка детей из Армении, повторение сильных подземных толчков. Но многим пострадавшим и этого достаточно. И вот уже начинаются сбои с эвакуацией женщин и детей. Новые страхи, воздействуя на расшатанную человеческую психику, отвлекают людей от участия в спасательных и восстановительных работах.

А между тем остро ощущается нехватка рук, по-прежнему видны организационные «прорехи».

Есть такие «прорехи» и на железнодорожном транспорте.

Работу железнодорожников по напряженности сейчас, пожалуй, не с чем сравнить. Напряженность немыслимая, невероятная. Только с 9 декабря по сегодняшний день из разных районов страны в Армению направлено почти 12 тысяч вагонов. Но главное уже не количество. Сколько из них разгружается — вот в чем вопрос. По некоторым данным, лишь треть ежесуточно поступающих вагонов.

Оперативная группа МПС ломает голову над тем, как изменить положение. На пристанционных складах Еревана скопилось более четырех тысяч тонн различной продукции. До упора забита контейнерная площадка. Выход напрашивается — использовать для выгрузки подъездные пути предприятий, начать строить временные разгрузочные площадки возле Ленинакана, чтобы направлять вагоны туда напрямую.

А что впереди? Впереди строительство дополнительных путей, двухпутных вставок. По ним пойдут соединенные двух- и трехсоставные поезда. Для этого сюда направляется более 50 магистральных локомотивов и около 20 маневровых, часть их уже прибыла на место.

Со всех концов страны в Армению едут машинисты,

связисты, дежурные по станции, путейцы. Сформированы новые рабочие смены.

Восемь суток отвели железнодорожникам на восстановление движения. И они не подвели. Забегая чуть вперед, скажу: в ночь с 13 на 14 декабря открылось рабочее движение между Ленинаканом и Кироваканом. Утром 15 декабря от перрона вокзала столицы Армении отошел пассажирский поезд Ереван — Москва, следующий через зону бедствия. Он вместил в себя всех желающих. Лишь двести из них отправились в Москву и другие города по маршруту следования. Остальные, более семисот, вышли в Ленинакане, Спитаке, Кировакане...

Мне довелось услышать мнение заместителя председателя Совета Министров СССР Ю. П. Баталина:

«Замечено: люди, организации, ведомства по-настоящему познаются именно в нелегких ситуациях. Так было в Чернобыле. Можно сделать выводы и здесь, в Армении. С полной определенностью могу сказать: железнодорожники и транспортные строители показали себя с самой лучшей стороны.

Они провели огромную работу по восстановлению движения поездов, выполнив ее на день раньше, чем намечалось комиссией Политбюро.

Но это только первый этап. Следующий не менее напряженный. В ближайшее время необходимо в районе землетрясения, а точнее, на подходе к Ленинакану, на участке между городом и станцией Атик, в Спитаке, Кировакане, на ряде станций построить новые тупики, подъездные пути и площадки для выгрузки поступающей техники, всего необходимого для восстановительных работ».

Шестые сутки с неопровержимой ясностью показали: проблемы не исчезнут сами собой, если относиться к ним как к чему-то неизбежному, неминуемому. Более того, напластование их усугубит и без того напряженную ситуацию. Следовательно, проблемы надо решать безотлагательно, учась в кратчайшие сроки находить единственно верные решения. Находят же их железнодорожники...

СПУСТЯ НЕДЕЛЮ

«Шок начинает проходить»

Не заладилось с самого утра. Хотел улететь «вертушкой» в Спитак, битый час ждал погоды, но упорный туман никак не рассеивался. Когда же белесая пелена истончилась, а затем и вовсе растаяла в солнечных лучах и МИ-8 стал готовиться к взлету, произошла техническая неполадка. Вдруг что-то хрустнуло, внятно послышался удар. Командир моментально выключил двигатели, и через минуту мы вновь прогуливались возле машины. Мы — это представитель Генерального секретаря ООН норвежец Сверр Килде, два члена Всемирной организации здравоохранения — аме-

риканка Мари Фарелл и англичанин Питер Коллиер, переводчик, он же сотрудник Бюро координации ООН по чрезвычайной помощи Н. Соломатин и автор этих строк.

— Что случилось? — спросил я механика, забравшегося на фюзеляж «восьмерки».

Тот неопределенно пожал плечами: кто его знает... Я продолжал настаивать на путном ответе и вынудил-таки механика сказать как есть.

— Рядом взлетал МИ-26, воздушной волной подняло с полосы пыль и всякое другое, камешек попал в рулевой винт, — пояснил он и недовольно скосился на меня: дескать, нашел что спрашивать при иностранцах.

Иностранцы же посматривали на часы, на механика, на небо и обескураженно улыбались: сколько же еще придется ждать?

Ждать пришлось еще минут сорок. Сверх Килде, высокий, худой, костистый, одетый просто и незатейливо — синий свитер, джинсы и тупоносые ботинки, — курил и отвечал на мои вопросы, которыми я его засыпал: когда еще доведется говорить с личным посланником Переса де Куэльяра.

Килде в ООН, как я понял, «ведает» стихийными бедствиями. Насмотрелся он всякого. Считает катастрофу в Армении одной из крупнейших в двадцатом веке, сравнимой, возможно, лишь с землетрясением в Китае и наводнением в Бангладеш. Спасательные работы, по его мнению, ведутся интенсивно, хотя их организация могла быть и лучше.

— Наша главная задача, — пояснил он, — помочь правительству Армении запросить и получить оборудование и специалистов, которые через ООН будут направлены различными странами на добровольной основе.

— Миновала неделя. Как вы, господин Килде, оцениваете состояние людей в районах бедствия?

— Мне кажется, шок начинает проходить...

Сверх Килде прав — с острыми психозами сталкиваешься все реже. Однако жители все еще не в своей тарелке, неврозы, неадекватные реакции на каждом шагу. Кто-то боится войти в неразрушенное здание, кто-то верит самым невероятным слухам, кто-то предпочитает спать у костра вместо того, чтобы покинуть потерянный кров и эвакуироваться. Да, психологов, психиатров ждет еще много рабо-

ты. «Не землю трясет — народ трясет», — сказал Размик Давоян, когда мы с ним обсуждали эту проблему.

Наконец вертолет исправен, летим. Мы с Килде прильнули к иллюминатору. Минут через пятнадцать пейзаж за бортом разительно меняется. Сухие коричневые безлесные горы вдруг покрываются снегом. Ощущение, будто снег выпал только что. «Восьмерка» упорно тянется к перевалу; если мируем его, сядем в Спитаке. Не тут-то было. На глазах видно, как меняется погода. Видимость ухудшается, начинается снег. Взревев моторами и дернувшись, точно в конвульсии, вертолет разворачивается и уходит в обратную сторону. Пробуем пройти другим маршрутом — через Ленинанкан. Но и тут снежный заряд. Вот ведь незадача! И вновь знакомый до чертиков ереванский аэропорт Эребуни. На загорелом испещренном морщинами лице Килде разочарование.

В Спитак мы попали лишь после обеда, автомобильным маршрутом. Каждому достался свой транспорт: высоким гостям — черная совминовская «Волга», мне — «рафик», в котором ехала разномастная публика.

С Килде я столкнулся на развалинах. Он потыкал носом пыльного, в известке ботинка кусок плиты, нагнулся и вытащил из щели детскую погремушку. Голубые, как норвежские фиорды, глаза его выражали беспредельную печаль.

Семь дней отчаяния, неприютности, отсутствия элементарных условий существования. Семь дней надежд и разочарований. Семь дней, пролетевших как один миг. Пожалуй, только сейчас наступает трезвое осознание масштабов горя. Из завалов еще вытаскивают живых, одного, двоих, троих. Удастся ли их выводить?

Езжу, смотрю и удивляюсь: старое устояло, новое разрушилось. Прочнее всего оказались памятники. В Налбанде, в самом эпицентре, уцелел памятник скорбящей матери, оплакивающей своих сыновей, погибших в войну с фашистами. Теперь мать оплакивает и погибших в мирное время.

Постоянно мозг сверлит мысль: можно ли было предвидеть бедствие, предупредить его? Дымящаяся гора возле Спитака, гул, слышавшийся оттуда в последние перед ударом стихии дни, внезапная жара — случайность ли это или грозные предупредительные знаки, которых не поняли?

Каков сейсмический потолок?

Ученые, с которыми я говорил накоротке в эти дни, отвечали однозначно: никто в мире сейчас не может точно назвать день и час предстоящего землетрясения. Однако можно выявлять активные сейсмические зоны, наиболее опасные места.

Вот что рассказал заведующий лабораторией сейсмической опасности Института физики Земли, доктор физико-математических наук В. В. Штейнберг:

«Под руководством специалистов нашего института десять лет назад была составлена карта сейсмического районирования нашей страны. На ней отмечены зоны, где могут произойти землетрясения, указана максимально возможная сила подземных толчков. В этих зонах нужно проектировать и строить сейсмостойкие здания, своевременно ремонтировать их при необходимости, тогда в случае сильных толчков разрушения будут минимальные.

Армения вошла в число сейсмически опасных районов. Ведь землетрясения здесь происходили достаточно часто. Свидетельства этому мы находим в различных дошедших до нас исторических хрониках. Хотя катастрофы, равной по силе той, что произошла 7 декабря, здесь не было сотни лет, подобная опасность существовала. Более того, два года назад, в 1986 году, район Северной Армении был оценен сейсмологами нашего института как зона повышенной опасности. Было высказано предположение, что здесь в течение пяти лет можно ожидать сильное землетрясение. Эти данные были направлены в Сейсмологический институт Армении, Госстрой СССР и некоторые другие организации. Но детальные исследования по уточнению времени и силы будущего землетрясения организованы не были. В итоге люди оказались совершенно не подготовленными к случившемуся.

Ленинакан обозначен на карте сейсморайонирования как восьмибалльная зона. 7 декабря подземные толчки достигли здесь силы 9 баллов. Район Спитака был отнесен к семибалльной зоне. Однако здесь реальная сила толчков достигла 10 баллов».

Когда произойдет землетрясение, не знал никто. То, что

оно может произойти, знали многие. Однако никто заранее «не перекрестился», все шло по известной поговорке.

Специалисты Института физики Земли и других научных учреждений предлагали установить в Северной Армении высокочувствительные приборы, организовать оперативное слежение, провести паспортизацию зданий. Не настаивали, не требовали — предлагали. В республике на эти предложения отвечали благодушными улыбками: у нас всегда трясет, ничего, пока живы. Самое поразительное: в Ленинкане существовал институт, напрямую связанный с сейсмологией. Однако что он мог сделать без современной электронной аппаратуры? Такой аппаратуры вообще крайне не хватает нашей стране.

Еще одно серьезное подтверждение того, о чем говорил Виктор Владимирович Штейнберг, содержалось в публикации «Строительной газеты». Я прочитал статью в Армении в эти дни беды и могу засвидетельствовать: сотни людей с тревогой говорили о справедливости выводов этой публикации. Статья большая, но заслуживает того, чтобы привести ее почти целиком. Вот она.

НЕ УТЕРЯТЬ БЫ СЛЕД БЕДЫ

Почему остались невостребованными научные данные

Этот рисунок мы получили в Институте физики Земли АН СССР. Опубликован он в специальном научном сборнике в сентябре 1988 года, но фактически был обнародован перед мировой научной общественностью в октябре 1984 года. Тогда в Москве проходила Генеральная ассамблея Европейской сейсмологической комиссии. И доктор геолого-минералогических наук Андрей Алексеевич Никонов представлял там свой доклад «Сильнейшие исторические землетрясения Кавказа».

На этом рисунке читатель видит схему сопоставления интенсивности сотрясений при сильнейших исторических землетрясениях Кавказа с зонами балльности, отраженными на карте сейсмического районирования СССР, утвержденной Госстроем СССР и изданной в 1980 году. Ереван, Ленинкан отнесены на карте к восьмибалльным районам. Соседствующие с ними территории — к семибалльным. На рисунке же показаны участки с девятибалльной и десятибалльной интенсивностью сотрясений.

Выходит, были ученые, оценивавшие сейсмическую ситуацию в Армении еще несколько лет назад по более строгим меркам?

С таким вопросом наши корреспонденты А. Горбатов и Г. Сорокина обратились к А. Никонову.

Дальше приводится ответ А. Никонова.

«Карты сейсмического районирования — результат серьезных долговременных научных исследований. И обновляются они каждые десять лет. Мы имеем здесь по сравнению с другими странами уже и опыт, и традиции. У нас выделению и картированию сейсмогенных зон даже учились.

Чтобы оценить сейсмическую опасность той или иной территории, надо знать максимально известное и максимально возможное для нее землетрясение. По максимальному землетрясению можно определить и предельную силу воздействия на все, что сооружено или сооружается. Учет максимальных землетрясений обязателен.

Последняя карта общего сейсмического районирования была составлена в 1978 году и выпущена в 1980-м. Утвержденная Госстроем СССР в качестве нормативного документа, как и предыдущие карты, она стала обязательной для всех организаций проектирования и строительства. Учтенная во всех всесоюзных СНиПах, она определяет сейсмический потолок, нормы антисейсмического строительства всех гражданских и промышленных сооружений. Особо же ответственные объекты, вроде атомной электростанции, должны и рассматриваться особо.

Определение сейсмического потолка — проблема M_{\max} (максимальной магнитуды) или MP_3 (максимального расчетного землетрясения) — серьезнейшая научная задача, потому что это и безопасность, и экономика...*

При составлении карты 1980 года в отношении Кавказа традиционно было принято, что, по имеющимся данным, в

* Магнитуда — интенсивность очага по шкале Рихтера. Эту величину, характеризующую именно очаг землетрясения, не следует смешивать с интенсивностью проявления землетрясения на поверхности Земли — балльностью. У любого землетрясения магнитуда одна в любом месте, балльность же максимальна в эпицентре и спадает к периферии зоны землетрясения (см.: Наука и жизнь, 1989, № 4, с. 17).

основном за период инструментальных наблюдений в этом районе не зафиксированы землетрясения интенсивностью в девять-десять баллов. И поэтому, основываясь на самом этом положении и на теоретических сопоставлениях (с геофизическими полями, геологической обстановкой), при составлении карт принят тезис, что на Кавказе и не может быть землетрясений выше девяти баллов. Вынужден подчеркнуть: во-первых, в русле этой логики не учтено, что период инструментальных наблюдений ограничен примерно ста годами. Кроме того, данные по историческим землетрясениям досконально не были проработаны.

Во-вторых, в русле этой логики также принято: хоть несколько землетрясений в девять баллов все-таки произошли на Кавказе в течение последних ста лет (в 1902 и 1963 годах), но они захватывали очень маленькие площади — от ста до шестисот квадратных километров. Поэтому и на мелкомасштабной карте такие зоны не получили отражения.

Итак, многое при традиционном подходе привело к оценке верхнего предела энергии — магнитуды — кавказских землетрясений в 6,5—6,75. Карта стала законом.

Однако в научном плане эта теоретическая разработка не была единственной. К тому времени некоторые сейсмологи уже и на основе сейсмологических данных делали вывод, что сейсмический потолок Кавказа выше. Это прежде всего профессор, доктор физико-математических наук Н. Шебалин. Так же считали исследователи иркутской школы палеосейсмогеологии — покойный член-корреспондент АН СССР Виктор Прокопьевич Солоненко и ныне здравствующий доктор геолого-минералогических наук Владимир Сергеевич Хромовских. Эти сибирские специалисты, применив метод определения древних землетрясений по их следам на поверхности, пришли к выводу, что в доинструментальный период на Кавказе бывали девятибалльные и более сильные землетрясения. Они обнаружили на Западном Кавказе около десяти столь крупных новообразований, какие могли произойти только при землетрясениях с магнитудой не ниже семи и интенсивностью не менее девяти баллов. Подтверждали они свое мнение и археологическими, и историческими свидетельствами гибели или разрушения храмов и башен Сванетии. И высказали как в научной, так и в научно-популярной печати мысль, что та оценка сейсмической опасности, которая принята официально, неполна и

неточна и ее надо пересматривать. Книга с этими материалами иркутян опубликована в 1979 году, то есть до того, как карта была утверждена.

До 7 декабря в максималистах ходил и я. Ведь я тоже пришел к такому выводу, оценив сейсмический потолок Кавказа выше, чем мы привыкли думать, опираясь лишь на инструментальные методы исследований сложных в сеймотектоническом отношении регионов.

...Требовалась опора, которой можно было бы больше доверять. Ею стали историко-культурные первоисточники, систематизация извлеченных из них данных и обработка этих первичных данных всеми средствами современной науки.

Тогда же и начался долгий путь через многие десятки книг по истории, архитектуре, быту, хозяйственному укладу народов Кавказа; через летописи, разноязычные исторические хроники, записи путешественников, надписи на камнях, на полях различных рукописей. Путь через первичные исходные, современные самому событию данные, а не через более поздние ссылки на их фрагментарную и часто неточную интерпретацию. Мне помогли накапливать знания люди разных гуманитарных профессий, библиотекари. Огромную благодарность всегда буду испытывать я, в частности, к сотрудникам Ереванского института древних рукописей Матенадаран — Л. Ханларян и М. Мелик-Дарбинян.

Удалось собрать воедино множество и местных источников — армянских, грузинских, дагестанских, изучавшихся прежде, в общем-то, разрозненно или вовсе неизвестных. Благодаря этому удалось расширить границы осмысления стихийного бедствия 1668 года. Картина стала целостной — наднациональной, наадминистративно-территориальной. Удалось уточнить и дату самого землетрясения — 14 января 1668 года. Это оно «разрушило такие города, как Шемаха и Цахур», и «другие аулы и города», «погубило много людей», от него «ушли в землю 70 градусов», его называли «известным», «поразительным». Землетрясение явно носило характер всеобщего бедствия.

Первоисточники показали, что Астрахань, например, была одним из 36 пунктов, где оно аукнулось (до этого были известны только четыре пункта). Так, в одном из первоисточников говорилось, что в Астрахани «куры с нашестей попадали». Одно это дало возможность подключить к ана-

лизу материалов современные приемы обработки и соединить гуманитарное знание с естественно-научным. В итоге землетрясение начала 1668 года было квалифицировано как девяти-десятибалльное. А интенсивность его и зону эпицентра удалось отразить на рисунке (схеме)... Сейсмический потолок Кавказа, установленный официальной картой сейсмического районирования, заколебался.

Но это происходило лишь в недрах самой науки. И шли у нас настоящие бои, развертывалась многолетняя драма идей. В науке трудно преодолеваются взгляды, отстаивавшиеся десятки лет».

Но ученый обязан отобразить картину реального мира, насколько бы сложной и даже горестной она ни была.

Взять хотя бы историю публикации этой работы в журнале «Физика Земли» в 1982 году. Например, оппонент А. Никонова — Б. Борисов, сделав хорошие замечания по тем или иным деталям, сам не смог прийти к принципиальному выводу о том, чтобы квалифицировать землетрясение 14 января 1668 года как десятибалльное, а значит, и внести соответствующие коррективы в наши представления.

Специалисты многих проектных организаций долгие годы также исходили из того, что зафиксировано в СНиПах. А. Никонов говорит: «Это похоже на известное — не может быть, потому что не может быть никогда. Горько констатировать подобную логику сегодня».

В дальнейшем стало необходимым защищать новые подходы к возможному выявлению закономерностей такого опасного для человека природного явления, как землетрясение. Приходилось защищать новую методологию и перед широкой читательской аудиторией. В издательстве «Знание» вышла в 1984 году книга А. Никонова «Землетрясения...» Были статьи в журнале «Знание — сила». Кстати сказать, один из подзаголовков тогда звучал следующим образом: «Место действия переносится в Армению». Нет у ученого права молчать, если он убежден в истине. Однако из научных текстов А. Никонова вынимались прямые заявления. Например, такое: «Новые материалы ставят вопрос... и об изменении карты сейсмического районирования Большого Кавказа».

«А если бы не поддержка трезво мыслящего Николая Виссарионовича Шебалина, пришлось бы еще труднее, — продолжает А. Никонов. — Он понял основатель-

ность новых данных и то, что они не противоречат геологическим, геофизическим и другим материалам. Работы других специалистов также давали основания признать значенные магнитуды более 7, то есть выделение энергии в 30 раз большей, чем на существующей карте сейсмического районирования.

В то же время многие специалисты Закавказья склонялись к тому, чтобы «сберечь балл» при возможном строительстве крупных энергетических сооружений, в том числе и при проектировании АЭС. Это ведь сэкономило бы огромные средства. Они даже сделали дополнительный вывод: мол, разрушения на Кавказе вследствие землетрясений происходят из-за плохих грунтов и допустимо поэтому снизить силу возможных толчков. Не руководствовались даже утвержденными Госстроем СССР нормами. Научные выводы для таких практиков не были существенны.

Но надо отдать справедливость специалистам института Атомтеплоэлектропроект (АТЭП), в то время Министерства энергетики и электрификации СССР, которые уже тогда, в дочернобыльский период, не пошли на поводу «местной науки», «местнических желаний». К обсуждению заново привлекли и кавказских специалистов. И были изменены уже выбранные на Кавказе площадки для строительства АЭС...»

К сожалению, публикация материалов совещания, о котором речь, растянулась на три года и состоялась только в 1987 году (Энергоатомиздат). Еще дольше публиковались в СССР материалы Генеральной ассамблеи Европейской сейсмологической комиссии, с упоминания которой начался наш сегодняшний разговор. В Италии работа А. Никонова представлена в апреле 1987 года, а в октябре она была опубликована.

«Мы вообще работаем гораздо медленнее и с меньшей производительностью, чем могли бы, — говорит А. Никонов. — Не успеваем обрабатывать уже собранные данные. Уточняя отдельные крупнейшие сейсмические события Кавказа, мы уже продвигались с его востока на запад. Если бы работа вовремя получила понимание и поддержку, в 1988 году мы бы уже знали о разрушительных землетрясениях в Армении не только в целом, но и более подробно.

Теоретическая и практическая важность систематического изучения и реконструкции сильных исторических

землетрясений Европейским агентством по атомной энергии понята раньше, чем у нас. Там принята и активно реализуется специальная исследовательская программа. Организована рабочая группа, включающая в себя историков, археологов, геологов, геофизиков... Налажен обмен опытом работы, комплексный подход. Уже и монографию готовят.

А у нас — ни в одном институте, даже ведущем академическом, нет ни одной группы, чтобы развивать новые методы неинструментальной сейсмологии.

Если бы новый подход к изучению землетрясений прошлого и разрабатываемые новые методы палеосейсмологии были вовремя поняты и реально поддержаны, подкреплены организационными мероприятиями несколько лет назад, то сегодня мы имели бы и более точные карты сильнейших исторических землетрясений и сейсмического районирования не только Восточного, но и Западного Кавказа. И более отчетливо представляли бы себе общую сейсмическую опасность этой территории. Новые разработки и возможности неинструментальной сейсмологии не требуют крупных капитальных вложений, а эффективность результатов от них на несколько порядков превосходит материальный ущерб даже от единичного землетрясения средней силы.

Работа по этому разделу ведется многие годы и до сих пор главным образом за счет энтузиазма. Сколько предложений, записок, докладных, рекомендаций и просьб написано за эти годы! Но нет результата. Или, если хотите, результат налицо».

На седьмой день после катастрофы в Москве состоялось внеочередное (лучше, сказать, экстренное) заседание Президиума Академии наук СССР. Речь шла опять-таки о прогнозировании землетрясений. Научный обозреватель бюллетеня «НТР: проблемы и решения» А. Лепихов сообщал с заседания:

«Несколько лет назад советские ученые предложили новые алгоритмы для решения задачи долгосрочного прогноза наиболее сильных землетрясений. Подход к построению долгосрочного прогноза, разработанный советскими учеными, используется и в мировой практике».

Прогноз оправдался и при нынешнем землетрясении в Армении. В методических рекомендациях «Долгосрочный прогноз землетрясений», изданных в 1986 году тиражом в 295 экземпляров, именно треугольник, образованный горо-

дами Спитак, Лениканан и Кировакан, отмечен как наиболее вероятное место ближайшего землетрясения. Была указана и его сила — 8 баллов.

Ученые не только предсказали район будущего землетрясения и его силу, но и предложили целый ряд защитных мероприятий. Среди них — ограничения в землепользовании, прежде всего в размещении новостроек, укрепление сооружений, а также демонтаж тех из них, разрушение которых особенно опасно, а укрепление — экономически нецелесообразно; каталогизация возможного ущерба; разработка сценариев возможных событий и создание материальных резервов; нейтрализация источников повышенной опасности — газовых и электрических линий, атомных станций, токсичных производств... И так далее — на протяжении нескольких страниц этих методических рекомендаций целая система защиты от разрушительной силы стихии.

Эта информация после обсуждения и утверждения МеждудеPARTMENTальным советом по сейсмологии и сейсмостойкому строительству АН СССР была передана в конечном счете непосредственно в республику.

К сожалению, ни одна из рекомендаций ученых реализована не была. А сделать это должно было правительство Армении, и прежде всего местные власти. «Железный аргумент» в защиту этого бездействия — рекомендации ученых не имеют никакой законодательной силы.

Не случайно, выступая на заседании Президиума АН СССР, академик Г. Марчук с горечью сказал: «Был дан прогноз, дан на ту территорию, где произошло землетрясение, была указана его сила, но никаких действий не было предпринято. Фактически это — неверие в силу науки».

Теперь — о краткосрочном прогнозе. Для того чтобы он был научно обоснованным, нужны сотни, если не тысячи, специализированных измерительных комплексов, оснащенных ЭВМ, — для немедленной обработки поступающей информации. Их в нашей стране не выпускают. И опять академик должен был констатировать: «Учеными разработан полный комплекс приборов, который позволяет комплексно анализировать все процессы, происходящие в сейсмоактивных районах. Но уже несколько лет ни одна организация не берется за их производство».

Предварительные итоги

Семь дней отчаяния, семь дней надежды. И размышления, попытки анализа происшедшего. Такое стремление я замечал повсюду. Не рано ли? Еще не улеглись потрясения, еще кругом скорбь, боль, слезы. До выводов ли тут? Может, вообще преждевременно их делать, ведь еще из завалов извлекаются не только мертвые, но и живые, еще не исключена вспышка эпидемии, еще, несмотря на огромную помощь, остро не хватает крановщиков, бульдозеристов, экскаваторщиков, еще продолжается мародерство (свежий пример: несколько водителей с награбленными вещами пытались улизнуть из Ленинакана, но были задержаны милицией), все еще есть перебои с питанием, еще на уме у всех сиюминутные волнения, тревоги, заботы...

Можно конечно, повременить с выводами и обобщениями: придет пора, и те, кому положено, разберутся во всем. Почему же спустя неделю многие из тех, с кем сталкивает меня судьба, сами того, похоже, не желая, пытаются подводить итоги, ищут и находят истоки и мужества, и безответственности. Возможно, потому, что понимают: не все можно списать на стихийное бедствие.

Попробую и я прервать репортаж о текущих событиях и сформулировать беглые мысли, посетившие меня в эти седьмые сутки. При этом я нисколько не претендую на бесспорность суждений. Действительно, постепенно люди во всем разберутся, дойдут до самой сути событий и явлений. Но долго ли ждать?..

Каждый день в 22 часа по местному времени Ереван буквально пустел — все бросались к телевизорам. Телевизионная программа «Время» служила главным источником информации. Наутро сотни и сотни машин устремлялись в пострадавшие от стихии местности, забивая дороги, устраивая столпотворение. Отрезанным от мира горожанам и сельчанам, сидевшим без света, газа, воды, радио и телевидения, приехавшие с радостью сообщали: «Вся страна, вся планета идут на помощь, Армения не одинока»...

Никогда прежде трагические события в нашей стране не имели, да и не могли иметь такого огромного общественного резонанса за рубежом. На Чернобыль откликнулись в основном соболезнованиями, прибывшие тогда в нашу страну маленькие группы врачей и ученых не в счет. Что, мир стал другим за два с лишним года? В чем-то безу-

словно. Новое политическое мышление, ценности общечеловеческого характера возобладали над узкими, корыстными, эгоистическими интересами.

Об этом хорошо сказал Николай Иванович Рыжков на пресс-конференции:

«Наша беда получила необыкновенный человеческий резонанс во всем мире. Мы никогда раньше не видели со стороны зарубежных стран такого теплого, человеческого сочувствия.

В этом мы видим не только проявление гуманности и человеческого участия. Думаю, что это также отклик на те добрые перемены, которые происходят и в международных отношениях под воздействием нового политического мышления, все более широкого осознания людьми приоритета общечеловеческих ценностей, взаимосвязанности всего нашего многоликого мира. Непреходящие ценности человеческой цивилизации одинаково дороги всем народам. Видимо, одинакова и боль, которую они испытывают, когда эти ценности и, конечно, прежде всего сама жизнь человека оказываются под угрозой. Обо всем этом невольно задумываешься здесь, в Армении, соприкасаясь с постигшей ее трагедией».

Да, мир становится другим, но главным образом меняемся мы сами, меняется характер жизни нашей страны, точнее, характер сосуществования с другими странами. Демократизация, гласность, открытость, стремление говорить правду, не затушевывая и не прикрывая ее флером вечной боязни предстать не в лучшем свете, — вот что в первую очередь привлекло к нам правительства и народы более 60 государств, протянувших руку помощи.

Вернусь, однако, к первым дням после катастрофы. Уже тогда поражало соседство противоположных явлений. С одной стороны, жертвенность, непоказной героизм, истовое желание сотворить невозможное, с другой — неразбериха, безалаберность, неорганизованность. Отчего так было? Возьму на себя смелость утверждать: мы не готовы к отражению натиска стихии. Многого не знаем, не умеем. В стране нет четкой системы помощи в чрезвычайных обстоятельствах, нет единого взгляда в вопросе о создании такой системы. А надо, чтобы такая система существовала и срабатывала автоматически при первом же сигнале тревоги. Сейчас из-за ее отсутствия понадобились поистине колоссальные усилия комиссии Политбюро ЦК КПСС, всей страны, чтобы навести элементарный порядок.

В Армении не оказалось даже минимума необходимой для ликвидации последствий землетрясения техники — автокранов, бульдозеров, самосвалов. Не нашлось в республике и своих спасателей. В течение суток после катастрофы пострадавших вызволяли их уцелевшие близкие и добровольцы, работавшие на разборке завалов. Спасибо нашим горноспасателям из нескольких регионов страны, прибывшим 8 декабря, спасибо их иностранным коллегам — французам, австрийцам, англичанам, швейцарцам, американцам, израильтянам... Однако самые дорогие часы, десятки часов были упущены.

Профессионалы из-за рубежа прибыли спустя двое и более суток. Были на то объективные и субъективные причины, в частности немалые расстояния, заторы в аэропортах. КПД их работы, прямо скажем, оказался не очень высок. Американцы, например, к концу седьмых суток спасли всего двоих. Разве их вина в этом? Они великолепные мастера, но ведь прибыли они с опозданием. Да и условия работы в Армении оказались весьма сложными. Зарубежные специально обученные собаки, на которых возлагались большие надежды, вскоре оказались не у дел: им начал мешать трупный запах.

После мексиканского землетрясения была сделана попытка создать международные группы на случай новых стихийных бедствий. Из-за разногласий по поводу методов работы идея не воплотилась в жизнь.

Нам позарез нужны свои собственные хорошо подготовленные спасатели, которые должны быть в каждом крупном городе, в каждой области, республике. Они должны уметь все: бороться с последствиями землетрясений, наводнений, смерчей и других стихийных бедствий, железнодорожных и иных катастроф, отражать огонь... Не слишком ли я расширяю их функции? Ничуть. Английским пожарным, прибывшим в Армению, все это по плечу. Кто-то пошутил, что они умеют даже принимать роды. Не знаю, впрочем, шутка ли это. Зарплата у таких мужественных, физически сильных, тренированных людей должна быть значительно выше «среднестатистической». Они ведь рискуют жизнью.

Может быть, по примеру англичан обучить всему этому наших пожарных?

Однако, сколь бы мужественными и выносливыми ни были такие спасатели-профессионалы, без соответствующей техники они бессильны кому-либо реально помочь. Я

уже рассказывал, что, когда французы и австрийцы спасали беременную Алису Нагапетян, на соседнем холме работали их советские коллеги. Обидно было за них! Не имели наши парни почти ничего из необходимого набора механизмов и инструментов, которыми уверенно манипулировали иностранцы. Нужно было тем надуть подложенные под плиты специальные подушки — тут же включался компрессор, осветить темное пространство — к услугам спасателей разнообразные фонари, разрезать проволочную арматуру — появлялся специальный резак. И многое, многое другое. А на соседнем холме наши ребята в темноте стропили плиты, которые затем поднимал кран. Какие там подушки, какие фонари или резаки!.. Пространство изредка освещалось... газовой горелкой.

Я уже говорил об этом на страницах книги, однако вновь повторюсь: любителям в спасательном деле делать нечего.

Профессионализм требует четкого плана борьбы со стихией. С кондачка, на авось тут не получится. Что касается землетрясений, наводнений, прочих катастроф, то у нас таких планов практически не существует. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Здесь тот самый случай.

А врачи?! Они должны уметь мгновенно ориентироваться в экстремальной обстановке, то есть должны быть специально обучены этому. В Армении врачи оказывают сейчас огромную помощь. Но могли бы оказать куда большую в первые сутки беды.

«В течение двух лет безуспешно пытаемся пробить идею создания единой организации отрядов быстрого реагирования, которые могли бы мгновенно выехать на место катастрофы и оказать всестороннюю помощь нуждающимся, — говорит директор Института скорой помощи имени Склифосовского профессор В. Теряев. Может быть, сейчас наконец-то эта идея будет реализована? Для этого, прежде всего, необходимы транспортные средства и техническое оснащение. Свои (подчеркиваю) самолеты, оборудованные всем необходимым, вплоть до операционных. Свои автобусы, работающая радиосвязь, запасы медикаментов, воды, продовольствия. Отряды или бригады быстрого реагирования должны пройти соответствующее обучение. Все это слишком серьезно, чтобы и дальше пускать дело на самотек...»

Я невольно подумал о гражданской обороне. Чернобыль показал: с ней у нас не все в порядке. А кому, как не ей,

возглавить борьбу с последствиями стихии, стать координатором общих усилий? Готова ли она к этой сложной миссии? Вряд ли.

Начальника штаба гражданской обороны Еревана полковника В. Яврумова, работающего сейчас в Спитаке, при мне атаковали двое местных жителей. «Где взять палатки?», «Почему не убирается территория?», «Куда подевались теплые вещи, присланные из-за рубежа?»... Толково ответить полковник не мог.

На гражданскую оборону в Армении свалилось многое. Не за все она одна в ответе. Но если бы существовал детально разработанный план борьбы с последствиями землетрясения, разве творилось бы такое в Ленинакане, Спитаке? Разве бросили бы на несколько суток десятки непознанных трупов на обочинах дорог? Разве допустимо неделю не убирать территорию и не поставить даже ящики для пищевых отходов? А проблема туалетов? А нерегулярная выдача горячей пищи? А задержка с эвакуацией женщин и детей? Много, неоправданно много несурзаиц породила критическая ситуация.

К ЧП надо готовиться заранее, проигрывать возможные ситуации, варианты. Это не значит жить в постоянном страхе. Подготовка даст твердую гарантию, что каждый ответственный исполнитель будет знать свой маневр, что в район бедствия поступят именно те грузы и техника, которые нужны именно в данный момент, а не все скопом. И так далее и тому подобное.

И еще одно лезет в голову, упрямо, назойливо. Почему сразу же после катастрофы не ввели в районе бедствия военное положение? Тогда в пострадавших городах не скопились бы толпы народа, тысячи лишних машин, тогда «скорые» с ранеными не пробивались бы по три часа в аэропорт и на автостраду в Ереван, тогда спасательные работы шли бы эффективнее, тогда не появились бы мародеры... Мог бы перечислить еще много преимуществ военного положения. И вдруг поставил себя на место ереванца, у которого в Ленинакане живут отец, мать, близкие и дальние родственники. Бросился бы я узнать, что с ними, пробовал бы любой ценой пробиться в город сквозь заградительные кордоны? Несомненно. Это так по-человечески естественно, понятно. Значит, все мои рассуждения о военном положении несостоятельны? Не знаю, не готов ответить. Но что-то нужно было делать, непременно, безотлагательно.

...Самое жуткое место Ленинакана, как уже говори-

лось, — «треугольник», улица Ширакаци. Здесь стояли девятиэтажки, много девятиэтажек. Более всего пострадали именно эти дома, построенные по проекту серии 111, рассчитанной на 8-балльную нагрузку. Ни один такой дом не уцелел. Проект оказался неудачным? Возможно, даже наверняка. Но прежде всего — качество строительства.

Помню, с каким ожесточением Игорь Науменко, молодой толковый инженер, возглавивший сводный аварийно-восстановительный отряд Мосстройкомитета, пнул ногой валяющуюся плиту:

— Преступно так строить! Какую плиту ни возьмешь — буквально рассыпается. Тут нет цемента, песок да арматура.

Проект проектом, а «недовложение» или попросту расхищение цемента обернулось громадной бедой.

Секрет это для специалистов? Вовсе нет. Говорят об этом во всеуслышание. Говорят, когда гром грянул. Типично для нас. Даже иностранцам это известно. Характерно высказывание американской телекомпании Си-би-эс: «Те, кому удалось спастись, спрашивают, почему новые здания рухнули в первую очередь. Эти новые здания собраны из бетонных блоков, зачастую просто поставленных друг на друга, без внутреннего стального скелета. Строители говорят, что они были рассчитаны на землетрясение, но не на такое сильное. Плохая технология и плохие проекты — это, возможно, лишь часть проблемы. Как признают сами рабочие, главное — это плохое качество строительства».

Сегодня в «треугольнике» я услышал анекдот. Ленинканцы — непревзойденные мастера по этой части, недаром их сравнивают с одесситами. Для меня, помимо всего прочего, услышанный анекдот стал приметой возвращающегося, капля за каплей, душевного равновесия горожан. Население продолжает черпать в юморе силу и уверенность — это хороший признак. Правда, сам юмор носит горький привкус...

Анекдот звучит так. После случившегося 7 декабря на скамью подсудимых угодили строительные материалы. Объявляются приговоры каждому материалу, не сумевшему стать заслоном стихии. Доходит очередь до главного виновника — цемента. «Пятнадцать лет», — объявляет судья наказание. «Как? — негодует цемент. — Меня же вообще не было на месте преступления!»

Действительно, не было или было очень мало. Оттого,

видно, мигом и рассыпались, превратились в прах девятиэтажные панельные дома, похоронив под обломками многие сотни людей.

Кто ответит за это? Вопрос отнюдь не риторический.

Не умалять сложностей, не допускать самообмана, не выдавать желаемое за действительное — таково главное требование, с которым подходит комиссия Политбюро ЦК КПСС, действующая в Армении, к любой проблеме ликвидации последствий беды. Так, после вчерашнего облета ряда сельских районов и встреч с их жителями на очередном оперативном совещании под председательством Н. И. Рыжкова утром 14 декабря были внесены существенные уточнения в общую картину. Выяснилось, в частности, что селений, значительно пострадавших в результате катастрофы, не 28, а 48. И требуется резко увеличить помощь сельским районам техникой, продовольствием, временным жильем. Сообщено также, что под развалинами текстильного комбината в Ленинакане могут находиться еще около 300 человек. На разборку завалов сюда брошены самые мощные краны, большая группа спасателей.

Эти и другие данные, характеризующие всю серьезность положения, определили деловой, подчас острый характер совещания...

Отмечалось, что в сельской местности еще не восстановлена связь, по-прежнему ощущается недостаток продуктов и товаров первой необходимости. Людям в некоторых селах негде укрыться от непогоды. По распоряжению комиссии в эти районы срочно отправлено 256 автомашин с медикаментами, теплой одеждой, одеялами и продовольствием. Союзному и республиканскому министерствам связи поручено в течение трех дней развернуть в каждом районном центре передвижные телефонные станции, отремонтировать и подготовить к эксплуатации все кабельные и радиорелейные линии. В районные центры сегодня прибывает 40 автомобилей — передвижных станций, еще 56 в пути. В течение ближайших дней комиссия потребовала от Минсвязи

СССР и республики с помощью военных восстановить связь во всех 117 населенных пунктах.

За истекшие сутки в Ленинакан, Кировакан и Спитак доставлено 116 кранов разного типа, в том числе тяжелых. Налаживается энергетическое хозяйство. Из 316 подстанций Ленинакана уже восстановлено 75, половина города освещена. В Спитак, энергосистема которого полностью разрушена, электричество перебрасывается с ближайших подстанций по временным сетям. Восстановлены разрушенные железнодорожные пути на участке Ленинакан — Кировакан. Здесь завершается ремонт контактных сетей, готовятся в путь два эшелона с техникой.

В Ленинакан и Спитак прибыли дополнительные части гражданской обороны для участия в ликвидации завалов и поиске людей. Отряд горноспасателей увеличился до 900 специалистов. Из Ленинграда приехали 90 альпинистов для спасательных операций на зданиях повышенной этажности. Комиссией дано задание обеспечить немедленный вывоз 4 тысяч тонн муки и зерна из разрушенного Спитакского комбината хлебопродуктов.

В здравницы Кавказа, других регионов страны уже эвакуировано 12 472 человека. Временно отъезжающие за пределы родных городов и сел женщины и дети обеспечиваются одеждой и питанием, им оказывается денежная помощь. При рассмотрении этого вопроса была подчеркнута необходимость строго пресекать безнравственные попытки всякого рода шептунов и наушников отговаривать людей от эвакуации, сеять грязные слухи и панические слухи. Средствам массовой информации республики, МВД, партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам предложено усилить работу в этом направлении. <...>

Горькую «географию» беды можно изучать и в палатах клиники Ереванского филиала Всесоюзного научного центра хирургии, в котором в течение дня побывали Н. И. Рыжков и Н. Н. Слюньков вместе с первым секретарем ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюняном. Букваль-

но через два часа после разрушительных подземных ударов сюда отовсюду начали доставлять пострадавших. Первая помощь пострадавшим, сложные операции начались немедленно и велись по непрерывному графику. Об этом рассказал директор филиала, член-корреспондент АН Армянской ССР А. Л. Микаелян.

Расположенный в Москве Всесоюзный гематологический центр оперативно прислал врачам Армении дополнительный комплект оборудования для очистки крови. Аналогичное оборудование поступило из Запорожья. Прибыла бригада врачей из Грузии. Десятки пострадавших после оказания им первой помощи в Ереване отправлены самолетами в Москву, в Институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского.

Сейчас в клинике свыше 600 пострадавших. Работы у медиков много. Члены комиссии Политбюро ЦК КПСС побывали в палатах, беседовали с пациентами. Пострадавшие со слезами на глазах говорили о самоотверженной работе врачей, выражали надежду, что помощь, поступающая в Армению со всей страны, позволит им быстрее выздороветь, а республике — скорее залечить раны, нанесенные безжалостной стихией.

В одном из отделов клиники трудятся прибывшие в Армению по решению правительства земли Баден-Вюртемберг (ФРГ) пятеро врачей. Несколько ассистентов и техников обслуживают привезенную ими установку «искусственная почка».

Н. И. Рыжков сердечно поблагодарил западногерманских медиков, высказал мнение, что в мире все больше убеждаются: всем странам и народам надо крепить контакты, помогать друг другу в трудный час. Здесь же состоялась короткая беседа членов комиссии Политбюро ЦК КПСС с прибывшим в Армению известным американским медиком Р. Гейлом.

Находясь в клинике, Н. И. Рыжков и Н. Н. Слюньков интересовались условиями работы медиков, технической оснащенностью. Медицинский центр, рассказали врачи, имеет сейчас все возможности для оказания действенной по-

мощи пострадавшим от землетрясения. Члены комиссии пожелали больным благополучного выздоровления, поблагодарили персонал за самоотверженность, верность своему долгу.

...Спасательные службы продолжают возвращать к жизни погребенных под завалами людей. За последние сутки спасено 20 человек. Из-под обрушившихся зданий извлечено 135 погибших. Общее число спасенных за семь дней — около 15 тысяч человек. Установленное число погибших за это время — 21 775. Госпитализировано 5763 человека.

(ТАСС)

14 декабря Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков встретился с верховным патриархом-католиком всех армян Вазгеном I в его резиденции в Эчмиадзине.

В ходе теплой, прошедшей в духе доброжелательности и взаимопонимания беседы Вазген I выразил сердечную благодарность советскому руководству за великодушное, истинно братское отношение к армянскому народу, попавшему в беду небывалого землетрясения. Я могу заверить, сказал он, что армянский народ глубоко благодарен Советскому правительству за огромную, бескорыстную помощь, которую оно оказывает в преодолении тяжких последствий стихийного бедствия. Везде у нас выражают чувства большого уважения к М. С. Горбачеву, который, отложив все другие дела, прибыл в Армению, посетил районы бедствия, морально поддержал весь народ. Невозможно это забыть.

Глава Советского правительства с уважением высказался об усилиях армянской церкви, католика Вазгена I, направленных на укрепление стойкости верующих граждан в трудный час испытаний. Он подчеркнул, что бедствие, обрушившееся на Армению, всколыхнуло весь советский народ, который от чистого сердца делает все возможное, чтобы облегчить положение пострадавших.

(ТАСС)

МИНОВАЛ МЕСЯЦ КОТЩА

Мать Тереза
и другие

Новый год в Армении праздновался иначе, чем всегда. Жители республики проводили старый год, принесший им неисчислимые беды, зажженными свечами и красным, по цвету крови, вином. Республиканское телевидение составило программу с пониманием ситуации: не было на экране обилия эстрады, безудержного веселья. Показали Ленинка, прежний, удивительный, олицетворявший собой добро, ум, юмор и достаток. На экране били фонтаны, гуляли дети, улыбались люди. У многих эти кадры вызывали слезы. ...Тускнеющим январским днем снова еду по знакомому

шоссе из Еревана в Ленинакан, снова готовлюсь к встрече с городом, который есть и которого нет, так сильно он разрушен. И сразу замечаю разницу. Тогда все кругом было серое: каменные россыпи, голые после уборки урожая поля. Нынче все белым-бело: и горы, и поля. В Северную Армению пришла зима, снежная и морозная. Тогда дорога представляла собой сплошную «пробку»: вся Армения, и не только она одна, спешила на помощь, и с этим сплошным потоком транспорта было невозможно справиться. Сейчас на трассе порядок, никаких заторов; есть специальный пропуск — проезжай, нет — и не мечтай.

Сидящий рядом со мной в «рафике» майор-связист Виктор Доброродов, как и я, свидетель тогдашней обстановки. Он служит в Ленинакане и сейчас возвращается из внеочередного отпуска. Схоронил погибшую под обломками дочь, отвез жену и оставшегося в живых ребенка на Алтай, где сам родился. «Здесь мой дом был, — показывает он влево по ходу. — А вот здесь жена работала в детском саду». — И достает из кармана шинели сердечные пилюли. Глаза майора до предела измученные: мается бессонницей...

Такие же глаза у многих местных жителей. Мужчины по-прежнему не бреются, отрасли за месяц бороды. Женщин немного — кто не эвакуировался, работают на восстановлении предприятий. Детей совсем не видно: их вывезли в здравницы и зимние пионерские лагеря.

Спокойно ли в городе? Внешне спокойствие ощущается во всем, жизнь постепенно входит в колею. Прежних завалов почти не видно. Даже на улице Ширакаци, в «треугольнике», зловещие «холмы скорби» практически разобраны. Для облегчения работы их сначала взрывают, затем обломки увозят на свалку. В необрушившихся сравнительно новых пятиэтажках никто не живет, на балконах полощется на холодном ветру выстиранное месяц назад и так и не снятое белье. Не живут, потому что опасно. Изредка трясет. Последний толчок был 3 января. Сейсмологи определили его в 6 баллов. Кое-где рухнули дышавшие на ладан постройки. К счастью, никто не пострадал. Те, у кого имелись гаражи, живут в них. Во многих местах стоят юрты. Армяне их хвалят — тепло, уютно.

На улицах уже не видно отбросов пищи, пустых кон-

сервных банок, бутылок. Чистота — первый признак порядка.

«Хотим полностью вычистить город перед началом строительных работ, — говорит помощник начальника центрального штаба по ликвидации последствий стихийного бедствия в Ленинанкане З. А. Саркисян. — Для этого прибыли новые подразделения гражданской обороны из разных регионов страны. Эпидемиологическая обстановка нормальная. В городе открыто около 50 продовольственных, 12 промтоварных магазинов, один парфюмерный, действуют хлебозавод, баня. В город поданы электроэнергия, газ, вода. Регулярно выходит газета «Рабочий». С колоссальным напряжением работает железная дорога. Воздушный мост действует только в случае особой необходимости. Грузов и техники завезено огромное количество, по-хозяйски бы использовать все поступившее, не дать пропасть, поставить заслон перед расхитителями, успевшими-таки поживиться в самом начале...»

Зеник Арменакович прав: в грузах, технике, еде недостатка нет. Армянская газета «Коммунист» в самый канун Нового года опубликовала данные о распределении продовольственных и промышленных товаров, поступивших на базы Минторга из союзных республик и из-за рубежа. Данные всего за два дня — 27 и 28 декабря. Чего только нет: колбасы, джемы, всевозможные консервы, кубики куриного бульона, фасоль, финики... Бесперебойно шли одеяла, матрацы, спальные мешки, полотенца, плащи, куртки, обувь... Ориентировочная стоимость поступившего — более трех миллионов рублей. И это лишь за два дня.

Но не только о материальной помощи говорят в Ленинанкане спустя месяц после беды. Вспоминают героев-врачей, воинов, милиционеров, спасателей, летчиков. Да-да, именно героев. Не будем стесняться употреблять это громкое, изрядно заезженное слово. В тех условиях, в каких все они выполняли свой профессиональный и гражданский долг, это было самым настоящим геройством.

Многодетная мать из Бухары, у которой детей мал-мала меньше, готова принять и обогреть осиротевшего армянского мальчика. Семилетний Сережа из Омска вносит свой посильный вклад — восемьдесят копеек — на счет милосердия 700412. Девяностолетний Арам Яковлевич Абрамян, известный уролог, Герой Социалистического

Труда, страстный коллекционер картин, перечисляет 10 тысяч рублей. И об этом тоже помнят жители пострадавших городов и сел.

Помнят они и приезд матери Терезы — лауреата Нобелевской премии мира, монахини римской католической церкви в Индии. Одна из основательниц Ордена милосердия, она в 1987 году побывала в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. И вот новая трагедия, и новый приезд в СССР.

«Я разделяю ваше горе, боль и страдания вашего народа, — сказала мать Тереза, едва в московском аэропорту Шереметьево приземлился доставивший ее авиалайнер. — Узнав о страшном землетрясении в Армении, я испытала глубокую грусть. Возникло непреодолимое желание поехать в Советский Союз. Я также много молилась о спасении людей. В деятельности нашего Ордена главное — оказание помощи конкретными действиями, в частности забота о больных и раненых. Сестры милосердия всегда в распоряжении страдающих. Где бы ни происходили трагедии на Земле, мы должны быть там и бескорыстно трудиться».

После посещения Армении мать Тереза добавила к сказанному ранее:

«Беду, постигшую армянский народ, мне не с чем сравнить. То, что мы увидели собственными глазами, потрясает. Я думаю, армянам очень помогло то, как на их беду откликнулся весь мир, как все почти одновременно выразили свое сочувствие, готовность оказать помощь».

Сестры нашего Ордена будут работать во Всесоюзном центре спинномозговой травмы в Москве и в районах, пострадавших от землетрясения. Больным и раненым, кроме профессиональной медицинской помощи, нужна и чисто человеческая, духовная поддержка. На днях в Советский Союз прибывают восемь сестер-монахинь из разных стран...»

Помнят в Армении и прилет сына и внука Джорджа Буша, президента США. Джон и Джордж передали тонны грузов: медицинское оборудование, лекарства, игрушки, собранные по всей Америке. Тяжелое испытание выпало на их долю — увидеть такое горе, такие разрушения. Маленький Джордж держался молодцом, но один раз все-таки не сдержал слез. Это когда неожиданно подошла старушка и

обратилась к его отцу: «Ты не думай, сынок, что наш народ всегда будет плакать. История высушила наши слезы. Мы плачем один день, а назавтра начинаем работать». И она поцеловала обоих.

В Армении помнят все. И в первую очередь — как конкретными делами откликнулись на трагедию наша партия и правительство.

Политбюро ЦК КПСС одобрило предложения Совета Министров СССР об оказании помощи населению Армянской ССР, пострадавшему в результате землетрясения. Учитывая огромные масштабы бедствия, пострадавшим гражданам будут выплачиваться единовременные пособия, компенсироваться стоимость имущества, утраченного в результате землетрясения. Будет возмещена в полном размере стоимость жилых домов, садовых домиков, хозяйственных построек, сельскохозяйственных животных, транспортных средств, а также домашнего имущества с учетом выплат по государственному страхованию.

Решены вопросы пенсионного обеспечения пострадавших граждан, порядок трудоустройства и оплаты труда работников предприятий, учреждений и организаций, разрушенных в результате землетрясения.

Определены льготы по пенсионному обеспечению детей, потерявших родителей. За женщинами, имеющими несовершеннолетних детей и утратившими работу в связи с землетрясением, сохраняются средняя заработная плата и непрерывный стаж работы на период до 6 месяцев со дня прекращения работы.

Все эти меры в сочетании с огромной помощью Армянской ССР по преодолению тяжелых последствий землетрясения, оказываемой Советским государством, всеми братскими республиками, нашим народом, будут способствовать восстановлению нормального ритма жизни в республике.

Политбюро выразило глубокую признатель-

ность правительствам, общественным организациям и отдельным гражданам зарубежных стран, международным организациям, откликнувшимся на беду, постигшую народ Армении, и оказывающим неоценимую помощь пострадавшим от землетрясения.

ЦК КПСС принял специальное постановление о выделении из бюджета Коммунистической партии Советского Союза целевым назначением 50 миллионов рублей для оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

Для семей, оставшихся без крова, предоставляется тысяча мест в здравницах управления делами ЦК КПСС в городах: Гагра, Кисловодск, Нальчик. Подмосковные пансионаты и дома отдыха этого управления примут тысячу человек — детей школьного возраста и их матерей из пострадавших при землетрясении семей. Расходы, связанные с доставкой и пребыванием пострадавших, будут оплачиваться за счет средств партийного бюджета.

В распоряжение ЦК Компартии Армении направляются из фондов КПСС грузовые автомобили, автобусы, механизмы, материально-технические ресурсы. Из числа добровольцев подобраны квалифицированные рабочие и инженерно-технические работники из хозяйств управления делами ЦК КПСС, которые в составе формируемой механизированной колонны направляются для работы в места стихийного бедствия.

(ТАСС)

Жизнь возвращается
в свое русло

«Остался ли кто-нибудь в живых?» — такой вопрос все реже задавали спасателям. На десятые сутки из-под завалов было извлечено 89 трупов и всего один живой. Всего же за период с 7 по 17 декабря спасли 15 252 человека.

Еще через неделю стало очевидно: живых в руинах больше нет. Спасатели стали сворачивать работу.

И потому совершенно невероятно, фантастично прозвучало сообщение: на 35-й (!) день удалось высвободить из бетонного плена шестерых живых и невредимых ленинканцев. Они пробыли все это время под развалинами 9-этажного дома по Бульварной улице. Тем не менее в сообщении поверили: чего только не бывает на свете...

Один из этих спасенных, 50-летний электрик А. Акопян, рассказывал местным журналистам:

«В день землетрясения я попросил своих соседей Рафика Симоняна, Карлена Саркисяна, Ваника Хачатряна и двух ребят, имена которых не могу вспомнить, спуститься со мной в подвал и помочь перенести два больших тяжелых чана с вином. Только зашли в подвал, как земля задрожала и все рухнуло. У Карлена был перелом руки, другие получили легкие травмы».

Хозяину пригодились навыки народной медицины, он облегчал боли пострадавшим массажами. В подвале, к счастью, хранились заготовленные на зиму продукты, даже копченый окорок.

«Приходилось экономить, — продолжает А. Акопян. Ведь мы не имели никакого представления ни о случившемся, ни о том, сколько еще придется быть замурованными. Совершенно потеряли счет времени. Но ни на минуту не покидала уверенность: нас освободят. У меня была одна мысль — сделать все, чтобы эти молодые ребята не сошли с ума. Как мог развлекал, успокаивал их, пел, рассказывал о своей жизни.

Наверное, я действительно родился в сорочке. Еще в 1985 году мы строили клуб в поселке Амутинка Тюменской области. Я тогда упал с третьего этажа, и так удачно, что отделался всего лишь легким испугом. И вот опять мне повезло».

А. Акопян был доставлен в Ереванскую клиническую больницу № 3. С остальными спасенными журналистам встретиться не удалось. Они как сквозь землю провалились.

Вскоре выяснилось: рассказ Акопяна — чистейшая мистификация. Ни в каком подвале он не сидел, никому массаж не делал, никого не развлекал, не успокаивал... Зачем понадобился обман? Разгадка проста — хотел попасть в

хорошую больницу, пройти серьезный курс лечения, для чего и придумал легенду о 35-дневном сидении в подземелье.

Не хочу запоздало, задним числом осуждать его. Думаю, поступок ленинканского электрика — тоже следствие пережитого, шокового состояния, из которого нелегко выйти.

Истекший месяц показал: в зоне бедствия жизнь постепенно возвращается в прежнее русло. Воссоздаются трудовые коллективы, занятые на своих предприятиях восстановительными и наладочными работами. Прибыли новые партии теплых вагончиков, палаток, юрт. На Ереванском ремонтно-механическом заводе изготовили многие сотни чугунных печей для обогрева палаток и юрт, установленных в селах.

Впервые после землетрясения вышли на работу труженники частично восстановленного Степанаванского завода высокочастотного электрооборудования. Завод — одно из крупных предприятий электротехнической промышленности страны. Специалисты из Москвы и столицы Армении приспособили уцелевшие производственные площади хотя бы для частичного выпуска техники.

Начал налаживаться быт. В Ленинкане открылись первые рабочие столовые. Свет, вода, газ, телефонная связь стали уже не исключением, а правилом. Особенно обрадовались жители городов местной и междугородной телефонной связи. Помогли московские связисты. Непросто это далось им, и вовсе не по техническим причинам.

Производственное объединение «Московская городская телефонная сеть» (МГТС) намеревалось создать совместное предприятие с одним из европейских подразделений всемирно известной американской компании «АТТ» («Америкен телефон энд телеграф»). Договорились об этом с голландской дочерней фирмой «АТТ». Сразу же после землетрясения голландцы предложили сделать АТС на 4500 номеров и подарить ее Армении. К 21 декабря станция была готова. В тот же день два советских «Антея» вылетели в Амстердам за грузом. На борту одного из них находился начальник МГТС В. Ф. Васильев.

«Антеи» впервые приземлились в голландском аэропорту, вызвав огромный интерес публики. Времени на показ

нашей авиационной техники, однако, не было. Самолеты погрузили два контейнера по 7 тонн каждый, трейлер, самоходный вагончик, дизельную установку. Кроме того, на борт взяли грузы, спешно собранные армянской общиной и Красным Крестом в Голландии, — еще около 50 тонн. 22 декабря в 16 часов «Антей» сели в Ереване.

«И тут начались мытарства, — вспоминает Виктор Фадеевич Васильев. — Посадку совершили почти одновременно семь или восемь лайнеров, возникли трудности с разгрузкой. Ждем полчаса, ждем час — никто к нам не подходит. Тогда я отправился искать штаб.

«Что привез?» — спросили меня в штабе. Мое сообщение не вызвало энтузиазма. Во всяком случае никто не поспешил к самолетам. Я вынужден был обратиться к солдатам, с трудом договорился с ними через представителей Совмина Армении и военное начальство. С потерей времени разгрузка все-таки началась.

Электронное оборудование требовало при установке на трейлер исключительной аккуратности в обращении. Прибывший с нами голландец час тренировал крановщика-армянина, учил, как надо цеплять контейнер, ставить его на платформу. Манук Егиазарян отлично справился с заданием.

В этот момент к самолету подбежал армейский полковник — и в крик: «Закругляйтесь с разгрузкой, борт надо отправлять!» Я ему объясняю: груз особо ответственный, нельзя ставить его абы как. Полковник чуть не за пистолет хватается... Такая обстановка была. Но, в общем, все кончилось хорошо».

В середине января АТС начала работать в Ленинакане. Появилась возможность наладить телефонную связь с городами и селами Северной Армении.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

За месяц после землетрясения в район бедствия только самолетами Министерства гражданской авиации выполнено около 2200 рейсов, из них почти 800 грузовых. Многие сотни рейсов выполнили военные летчики.

Иностранные авиакомпании совершили свыше 260 полетов.

В Армению было доставлено 16,5 тысяч спасателей, медиков, строителей, механизаторов. Примерно столько же

раненых и эвакуированных вывезено из разрушенных городов и сел. Благодаря помощи с воздуха Армения получила около 15 тысяч тонн различных грузов.

Ровно через месяц после катастрофы в республике было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по восстановлению и строительству промышленных предприятий и подведомственных им объектов социальной сферы, пострадавших от землетрясения на территории Армянской ССР». В нем, в частности, говорилось:

Установить, что работы по восстановлению разрушенных промышленных предприятий, а также жилых домов и объектов социальной сферы, находящихся на их балансе, осуществляются собственными силами соответствующих министерств и ведомств.

Согласиться с предложениями министерств и ведомств о создании в этих целях строительного-монтажных организаций, формировании и направлении строительного-монтажных поездов, передвижных механизированных колонн, а также об организации дирекций строящихся предприятий.

Учитывая большие масштабы разрушения предприятий легкой промышленности, а также необходимость быстрее их восстановления, привлечь к строительству новых взамен полностью разрушенных наиболее крупных промышленных производств этой отрасли... генподрядные строительные организации по определению Госстроя СССР.

Совету Министров Армянской ССР в I квартале 1989 г. обеспечить с учетом карты сейсмического районирования отвод земельных участков под строительство новых предприятий взамен полностью разрушенных землетрясением.

Министерствам и ведомствам и Совету Министров Армянской ССР обеспечить разработку проектов на строительство новых предприятий взамен полностью разрушенных землетрясением в строгом соответствии с требованиями

ми научно-технического прогресса по уровню технологии производства и выпускаемой продукции, а также с учетом сейсмостойкости.

Финансирование восстановительных работ, предусмотренных настоящим постановлением, и обеспечение их материально-техническими ресурсами осуществить за счет и в пределах лимитов государственных централизованных капитальных вложений и материально-технических ресурсов, выделенных соответствующим министерствам и ведомствам на 1989 и 1990 годы, централизованных фондов развития производства, науки и техники, а также за счет средств фондов экономического стимулирования предприятий и организаций с согласия трудовых коллективов.

Разрешить в 1989—1990 годах предприятиям и организациям направлять с согласия трудовых коллективов часть средств фонда развития производства, науки и техники на жилищное строительство в районах, пострадавших от землетрясения.

Госснабу СССР совместно с министерствами и ведомствами, предприятия которых разрушены и подлежат восстановлению, выделить в 1989 году за счет нераспределенного резерва и перераспределения между потребителями необходимые строительные машины и механизмы, технологическое оборудование, электрооборудование, приборы и средства автоматизации, кабельно-проводниковую продукцию и другие материально-технические ресурсы.

Разрешить министерствам и ведомствам СССР и Советам Министров союзных республик возмещать в 1988 году и первом полугодии 1989 г.:

дополнительные затраты, связанные с перебазированием строительной техники и автотранспортных средств, перевозками и разницей в ценах строительных материалов и конструкций, повышением заработной платы, оплатой расходов на командировки, выполнением работ в

сверхурочное время и в выходные дни, и другие дополнительные затраты, разрешенные в установленном порядке;

дополнительные затраты проектных организаций, связанные с выполнением проектных работ непосредственно на месте восстановления разрушенных объектов.

Промстройбанку СССР, Агропромбанку СССР и Жилсоцбанку СССР:

осуществлять в 1989—1990 годах оплату оборудования, не входящего в сметы строек и приобретаемого в связи с проведением мероприятий по ликвидации последствий землетрясения, в пределах общих лимитов капитальных вложений, установленных Советам Министров союзных республик, министерствам и ведомствам СССР.

Установить, что за лицами, выезжающими в Армянскую ССР для участия в строительстве и восстановлении предприятий и других объектов, бронируется жилая площадь по месту постоянного жительства (независимо от ведомственной принадлежности) на весь период их работы в Армянской ССР.

Для ускорения строительства и восстановления промышленных предприятий и объектов социальной сферы, пострадавших от землетрясения, установить премии за ввод их в действие в установленные сроки и досрочно в размере 3 процентов сметной стоимости строительно-монтажных работ, если действующим законодательством не предусмотрены более высокие размеры премирования.

Премии выплачивать за счет средств, предусмотренных на эти цели в сводных сметных расчетах на строительство и восстановление указанных объектов.

В день публикации этого постановления, 7 января, в Ленинанкане в одном из будущих микрорайонов был заложен фундамент первого жилого дома. Конечно, это совпадение, но оно имеет свой смысл.

Профессионалы или любители?

Спасатели покидали район землетрясения. Свою миссию они выполнили и, однако, прощались с Арменией не в радужном настроении. Они ведь не из железа, пережитое здесь, несомненно, оставило глубокие борозды у них в памяти.

Но для плохого настроения имелась, увы, и другая причина. В спешке и треволнениях многих из них даже не успели поблагодарить. Не в пышных проводах с цветами и оркестром (не та обстановка) нуждались они — хотя бы в нескольких добрых словах вдогонку. Посланцы десятков советских и зарубежных городов услышали много слов благодарности от тех, чьих близких они спасали, но редкие из них слышали такие слова из уст официальных представителей республики.

Возникали проблемы и с отправкой техники, использованной спасателями. Что-то терялось, что-то портилось по дороге. А с поляками и вовсе случился конфуз. Прибыли они в Звартноц одним рейсом, а техника — другим. И, как водится, исчезла, растворилась в гигантском грузовом потоке. Пришлось польским специалистам уезжать без компрессоров и других установок, которые они, между прочим, взяли взаймы. Но трудно им было смириться с мыслью, что техника утеряна навсегда. И перед отлетом из Еревана поляки обратились в МВД республики: «Постарайтесь найти компрессоры». Работники министерства приложили максимум старания и наконец обнаружили, что злополучный груз спокойно пребывает на складе. Он был возвращен в Варшаву.

Одним из тех, кто заслужил искреннее уважение ленинканцев, был москвич Андрей Терентьев, работник бассейна «Чайка». Никто его не агитировал мчаться на выручку — сам собрал рюкзак, взял у пожарников, благо нашлись хорошие парни, каску, брезентовые рукавицы-краги и, поцеловав жену, отправился в путь. Улетал он из Москвы с трудом: не было билетов.

А через несколько дней его увидела вся страна. Жители улицы Ширакаци буквально тащили за руки телеопера-

тора программы «Время» и умоляли: «Сними нашего брата! Он спасатель, герой!»

Было так. Андрея привязывали веревкой и опускали в отверстия в развалинах. Он протискивался среди острых кусков скрученной арматуры, обваливающихся, осыпающихся, падающих сверху и с боков кусков бетона и панелей. Разгребал там внутри проход — искал людей. Таких «погружений» было сотни. Чуть снимут спасатели верхний слой (первые дни вручную, срывая ногти, рана до крови руки), чуть обнаружится лаз — он шел в разведку в это еще дышащее пылью каменное месиво.

В такую же разведку в завалы, образовавшиеся на месте рухнувших четырех соседних домов (теперь все вместе эти дома называются «объект Ширакаци, 13»), ходили, кроме Андрея, ростовские спасатели. Вытащили 39 человек, из них несколько живых: мужчину, женщину, двоих детей. Последней Андрей нашел на 10-й день после землетрясения женщину — живую, но без сознания.

«Страховали меня и москвичи, и ростовчане, и поляк Казимеж. Так что вместе спасали, не я один», — вспоминает Терентьев.

Да, спасал не один, спасали все вместе, имея и не имея соответствующих навыков, повинаясь чувству, которое не вмещается в привычное, традиционное понятие долга.

Забегая вперед, скажу вот о чем. Изведав на себе, какой это тяжкий труд, Терентьев не успокоился. Вернувшись домой, он вместе с другими москвичами, побывавшими в районе землетрясения, занялся организацией отряда профессиональных спасателей. Свои усилия объединили, в частности, московские медики и группа «Тюльпан», работавшая в Спитаке.

В конце января 1989 года было принято решение о создании в нашей стране такой крайне необходимой спасательной службы. Легла эта забота на плечи Красного Креста. И тут выяснилось: его руководители видят такую службу в основном как общественное формирование. И не потому, что недооценивают роль спасателей, отнюдь. Главная препона — средства. Из чьего кармана будут платить зарплату работникам этой службы? Красный Крест пока не в состоянии взять на себя такую материальную «обузу». А кто в состоянии при нынешнем хозрасчете?

Андрей Терентьев, Борис Земцов, Владимир Брагин и

их друзья не согласились с таким подходом. Слишком ответственна, сложна, рискованна работа спасателей, чтобы занимались ею любители. Нет, дело это — для профессионалов. И началась борьба с бюрократическими рогатками. Инициативные москвичи нашли средства: их согласились дать советский Фонд мира, церковь, несколько кооперативов. Но это были бы пожертвования, а принять их москвичи не могли, так как не были оформлены в официальную организацию со своим расчетным счетом в банке. А организацию не оформляли, не регистрировали. Получался заколдованный круг.

Одна фирма из ФРГ согласилась обучать наших спасателей. Но для этого нужно и специальное снаряжение, и оборудование. И опять все уперлось в деньги.

Добровольные отряды спасателей появились в Армении, в Ростове-на-Дону, в некоторых других местах. И всюду им пришлось прошибать стену непонимания, отчуждения, со скрипом решать вопросы материального обеспечения, искать тех, кто взял бы их «под свое крыло».

Воистину, ничто нас не учит.

«Нужен базовый отряд специально обученных, физически безупречно подготовленных спасателей, человек тридцать, — считает Андрей Терентьев. — Они станут, в свою очередь, готовить помощников на предприятиях, в институтах, других организациях. Такие отряды должны быть в каждой республике, в каждой области, в крупных городах. Тогда беда не застанет врасплох. Убежден: не будем мы даром есть хлеб...»

Лето уйдет у Андрея и его товарищей на доказывание элементарного: насколько профессионалы в этом деле выше любителей-общественников.

«Дни неудач
как дни зимы...»

В начале января усилился поток эвакуируемых. Около 1800 армянских семей прибыли в Абхазию: в Сухуми, Гульрипш, Новый Афон, Гагру. Кироваканских приборостроителей и их оставшихся в живых близких приняли

коллеги из сухумского объединения «Оргтехника». Им отдали только что открывшийся после капитального ремонта профилакторий. Колхоз села Гумиста позаботился, чтобы на столе армянских друзей всегда были свежие овощи, фрукты, мясо, молоко.

Другой пансионат — «Горный хрусталь» принял членов семей рабочих и инженеров Кироваканского химического завода. Коллектив Махарадзевского горторга приобрел и передал эвакуированным обувь, одежду, трикотаж, другие товары первой необходимости — всего на 7 тысяч рублей.

«Место рождения — город Тбилиси». Такие записи появились в полутора десятках свидетельств о рождении, выданных в декабре и январе маленьким гражданам Армении. Их мамы, эвакуированные из пострадавших районов, городов и сел, вполне оправались после тяжелых родов, чувствуют себя неплохо. Рождались мальчики, рождались девочки, рождались близнецы. Горе и счастье переплелись в судьбе 26-летней Седы Волян (Асатрян) из Спитака. 7 декабря она потеряла отца и трехлетнего малыша. А спустя несколько дней в Тбилиси на свет появился новорожденный, и тоже мальчик. Жизнь брала свое...

Многим женщинам и детям оказали помощь представители Красного Креста. Этот знак милосердия я видел на рукавах курток и на палатках, упаковках медикаментов и донорской крови везде, где требовалась экстренная помощь. Красный Крест в числе первых пришел на помощь, он продолжал действовать и спустя месяц, объединяя советских и зарубежных «рыцарей» ордена милосердия.

В Ленинанкане меня поразили чистейшие белые палатки (просто удивителен был их стерильный вид на фоне серых, грязных развалин). В них разместились полевые кухни. А хозяйничали здесь посланцы ФРГ. Они прибыли в Ленинанкан 29 декабря. В первый же день молодые немцы обеспечили горячим обедом 200 жителей, в последующие дни кормили уже по 600 человек.

Все приехавшие — добровольцы, немало среди них безработных. Но не трудное материальное положение погнало их в Армению. В конце концов временно устроиться на завод, фабрику или в какое-либо учреждение они могли и дома. Их привело сюда сострадание.

Всего же от обществ Красного Креста зарубежных стран принято за месяц более 200 самолетов с грузами помощи. Согласно международным правилам, через месяц после землетрясения советский Красный Крест должен сообщить всем отправителям о получении и использовании по назначению материальных ценностей.

Много полезного делали в те дни и другие посланцы из-за рубежа. Например, из Европейской общественной организации «Врачи без границ». Среди них немало армян. Армянская диаспора помогала соотечественникам и средствами, и специалистами. Ее вклад в восстановление разрушенных районов неоценим. Вот почему я несколько не удивился, когда экипаж «Нивы» с опознавательным знаком организации «Врачи без границ» представился мне: «Хирург Оганес Ташян, водитель Мариус Давидян». Армяне по национальности, живущие во Франции, они в Ленинакане уже полмесяца. Группа их насчитывает двадцать человек. Чем занимаются? Оборудовали приборами и установками поликлинику, обеспечили медикаментами аптеки. Естественно, все безвозмездно. Из Франции ежедневно самолетами поступают товары, продовольствие. Для убыстрения их доставки Ташян и его коллеги сами ездят в Звартноц, грузят все необходимое в «Нивы» и «Жугули», полученные в Ереване, и развозят по нужным адресам, в основном в села.

В Кировакан в эти дни прибыла делегация французского города-побратима Баньё. В ее составе — заместитель мэра Жирайр Беданян, художник Артавазд Берберян, армяне по национальности. Собирались они наскоро, однако все же захватили с собой сейсмограф стоимостью 400 тысяч франков, который подарили местным сейсмологам. В Баньё был организован сбор средств, медикаментов, медицинской аппаратуры. Все доставляется в Кировакан.

«Вернусь домой и тут же поеду в Лион, — говорит А. Берберян. — Там расположена большая армянская колония. Расскажу об увиденном, о том, что необходимо направлять в республику в первую очередь».

Истек первый месяц после трагедии. Он высветил и сильные стороны восстановительных работ, и изъяны. В

первой декаде января больше всего тревожила разгрузка вагонов.

4 января на места выгрузки было подано 2267 вагонов. Разгрузили 1601. Только на двух станциях — в Арарате и Раздане — железнодорожники справлялись с заданиями. На остальных вагоны простаивали по пять — восемь суток. В Ереване на путях застряли 80 рефрижераторов с продовольствием. А ведь скоро ожидалась эшелоны со строительными грузами. «Если и они застрянут, о какой действительной помощи можно тогда говорить?!» — бил тревогу заместитель министра путей сообщения Г. Фадеев. Без железной дороги, без обеспечения четкой работы всех ее звеньев программа восстановления могла оказаться нерезультативной.

«Дни неудач как дни зимы — придут, уйдут...» — пел великий армянский гусан (народный певец) Дживани. Зима вступала в свои права. Люди искали кров, жались к огню, теплу, и тем не менее в сердцах многих звучали слова Дживани, наполненные надеждой.

ВЕСНА А СОЗИДАНИЯ

«Без этого
нельзя жить»

Конец марта. Ереванская гостиница «Эребуни», в которой я остановился, поделена надвое. В одном корпусе — приезд, в другом — пострадавшие от землетрясения. Они одомашнили казенное жилье: в лоджиях сушится выстиранное белье; под окнами на асфальтированной площадке подкидывают мяч девчонки и мальчишки, увертываясь от просящих «Жигулей» и «Волг»; ребята семи-восьми лет играют в прятки, используя гостиничный холл, телефонные будки, стоянку машин. Слышны смех, гортанные выкрики: дети остаются детьми, даже если они из разру-

шенного стихией города. А я не могу без боли смотреть на них, погруженных в новый для себя неизбежный быт. Вспоминают ли родной Ленинакан, игры в глубоких потаенных армянских двориках, где и волейбол, и прятки совсем иные, нежели в каменном мешке шумного ереванского центра? И сколько таких, взрослых и маленьких, рассеяно по Армении, по черноморским здравницам, по городам и весям юга страны! Минимум два года ждать им возвращения домой, в заново выстроенные жилища.

...И вновь знакомая дорога на Ленинакан. Поля вокруг расцвечены красками армянской весны: нежная зелень прораставших всходов в обрамлении снежных, словно присыпанных сахарной пудрой гор. И солнце, солнце, слепящее, бьющее в глаза. И двадцатиградусная теплынь. Благодарная пора пробуждения природы. Даже камни, разбросанные там и сям, кажется, отражают свет, блещут под стать погожему дню.

Сколько раз, начиная с восьмого декабря, добирался я в Ленинакан по этому шоссе... Трудно сосчитать. И вот новая встреча, через три с половиной месяца после катастрофы. И снова тревожный холодок ожидания, предчувствия. Изменился ли город за то время, что я не был в нем, стерты ли с его лица следы горя, страданий?

Город пережил зиму, и это самое главное. Пережили ее люди, ютившиеся в палатках, гаражах, домиках-вагончиках. Домиков не хватало и не хватает, их две с половиной тысячи, а оставшихся без крова в Ленинакане сейчас 40 тысяч. Домики выдавались бесплатно вначале семьям, в которых погибло пятеро, четверо, трое, сейчас предоставляются тем, кто недосчитался двоих. По решению бюро горкома партии такое временное жилье не получил ни один руководитель, какое бы несчастье ни обрушилось на его близких.

Были единичные случаи воровства: ночью подгоняли кран, поднимали угловое строение и переносили на новое место. Однажды подняли вместе с теми, кто находился внутри.

Перезимовали с грехом пополам и коммунальные службы. Часто случались аварии, то одно, то другое выходило из строя.

Исправно торговали магазины. Их всего треть по срав-

нению с тем, что было, а выручка такая же, как до землетрясения, — пять миллионов рублей ежемесячно.

Раньше в Ленинакане трудилось 72 тысячи жителей, нынче — 38 тысяч. Предприятия восстанавливаются. Ответственные министерства выделили специальные легко монтируемые модули, заменившие разрушенные цеха. Параллельно начинается строительство заводов «Микропровод», «Микроэлектродвигатель», швейных и обувных фабрик. А на «Электробытприборе» еще в январе отладили один из конвейеров и начали выпуск электроутюгов.

С Мисаком Леоновичем Мкртчяном мы не виделись с тех самых декабрьских трагических дней. Безмерно усталое, осунувшееся лицо, тусклые, неподвижные глаза. Мать, сын — это личные потери первого секретаря горкома. Жена до сих пор в больнице. Дома у него нет, спит в кабинете. Недавно Мкртчяна единогласно избрали народным депутатом от Коммунистической партии, и я от души поздравляю его. Не все же скорбеть, соболезновать, надо же когда-то и порадоваться. Мисак Леонович благодарит кивком головы, а в глазах все такая же сушь и печаль. Он, как всегда, откровенен и объективен в оценках. Что есть, то есть, приукрашивать картину нет нужды.

— Две проблемы мучают нас: дать всем нуждающимся временное жилье и трудоустроить людей. Пока не можем ни того, ни другого. Работой, например, сможем обеспечить всех нуждающихся только к сентябрю.

Вместе с ним еду по городу, отмечаю перемены. Появились новые завалы. Это сломаны некоторые дома из тех, которые порушились изнутри и дали трещины снаружи, дома, которые нет смысла восстанавливать.

— Специалисты считают: от 120 до 150 домов можно сохранить, усилив фундаменты, несущие конструкции. Остальные — на слом, — тяжело вздыхает Мкртчян.

И стоят эти дома, подлежащие слому, — пустые, с зияющими глазницами окон без рам, терпеливо ждут своего часа.

Обращает на себя внимание то, что кругом на удивление много женщин. Я полагал, эвакуировалось подавляющее большинство, однако многие женщины остались, приступили к работе в торговле, на швейной фабрике. Фабрики, собственно, нет, есть складское помещение, где и трудятся эти женщины. Детей тоже в городе немало.

— В декабре было четыре тысячи, сейчас семнадцать тысяч, — поясняет Мкртчян. — Некоторые возвратились с родителями. Еще в середине января в Московском районе прозвучал первый звонок на урок в палаточной школе. В сентябре, даст Бог, ребята будут учиться уже в нормальных условиях. Да, вот еще что. Новые здания Московского и Ширакского райкомов, не пострадавшие, переданы пединституту и больнице. Партийцев мы направили на хозяйственную работу, взамен погибших. Авторитет горкома вырос за эти месяцы — сужу по многим фактам. Кстати, мы не исключили из партии ни одного человека; малодушных, трусливых, бросивших свои участки в Ленинанкане не оказалось.

— Мисак Леонович, возродится ли дух города? — спрашиваю в лоб и замираю в ожидании ответа. Мкртчян смотрит куда-то в сторону, долго молчит. Не надо было спрашивать, ковырять болячку, ругаю себя.

— Седьмого февраля в холодном нетопленном драмтеатре впервые собрались люди. — Слова нелегко даются моему собеседнику. — Сидели в креслах, в проходах, кутаясь кто во что. У артистов во время выступления шел пар изо рта. Как на концертах в блокадном Ленинграде... Вместо светильников горели свечи. Никто не объявлял номеров, никто не аплодировал. Звучали скорбные песни, музыка — реквием по погибшим. А ровно через месяц к нам приехали знаменитые артисты из Москвы — Спиваков со своими виртуозами, Демидова, Образцова, Соткилава и другие. Ленинанканцы слушали их и беззвучно плакали, и артисты плакали, тоже без голоса. Искусство не берedit, а залечивает раны. Вот тогда я и решил для себя: возродится наш город, непременно возродится, так как этого жаждет измученная душа народа. — И, помолчав, добавил: — Я оптимист, без этого нельзя жить.

Душа народа жаждет добра и красоты. Красота, как говорил Достоевский, спасет мир. Я уже писал о пострадавшем доме-музее выдающегося художника Армении Минаса Аветисяна в Джаджуре. Общими усилиями работы мастера были эвакуированы. Но остались его фрески в Ленинанкане. Непостижимо, необъяснимо: электромеханический завод разрушился, уцелела лишь одна стена с живописью Минаса. Начали убирать развалины, чтобы на их месте построить новое сооружение. Но как быть со стеной

Минаса? Народный художник республики Оганес Зардарян предложил два варианта спасения фресок: первый — законсервировать стену и прикрыть козырьком, оставив ее на века как память о художнике и ранах Армении, второй — тщательно разобрать панели и снова их сложить возле восстановленного дома-музея Минаса.

Сохранились и другие фрески художника, и тоже на аварийных зданиях. Словно чья-то невидимая могущественная рука отвела удар от нескольких стен с шедеврами Минаса, пощадила их. И вот теперь реставраторы, используя оба варианта, хотят приложить максимум усилий, чтобы сохранить рукотворное чудо. Красота спасет мир...

А пока надо спасти ее саму. Потеряв в землетрясении треть национального богатства, Армения лишилась и огромного числа памятников истории и культуры. 179 из них — признанные шедевры армянской архитектуры, имевшие непреходящее значение. В Ленинакане большой ущерб причинен историко-архитектурному музею-заповеднику «Кумайри».

И хотя главное сейчас — строительство и восстановление жилья, в республике было принято решение: к 1995 году полностью отреставрировать все пострадавшие памятники. Армянские ученые, архитекторы, реставраторы обратились за помощью к коллегам из всех союзных республик. Свои услуги предложила и экспертная комиссия ЮНЕСКО.

Через сто дней
после трагедии

ИЗ СООБЩЕНИЯ ПРЕСС-ЦЕНТРА ОТДЕЛА ИНФОРМАЦИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

17 марта был сотый день разрушительного землетрясения в Армении. Эту дату недра земли отметили тремя слабыми толчками, а за минувшее время они более чем 6700 раз сотрясали землю в зоне бедствия. Стихия охватила 40 процентов территории республики с населением 1 миллион человек. По уточненным данным, пострадали 21 город и район, 342 села, из которых 58 полностью разрушены.

Погибло 24 985, получили разной степени увечья и ранения почти 20 тысяч человек.

Потеряно около 8 миллионов квадратных метров жилья, что составляет 17 процентов всего жилого фонда республики. Число жителей, лишившихся жилья, без учета эвакуированных, 363 567 человек. Разрушены или находятся в аварийном состоянии 277 школ, 245 детских дошкольных учреждений, 250 объектов здравоохранения, а также 324 клуба и дома культуры. Были полностью нарушены водоснабжение, тепло- и энергоснабжение, разрушены объекты коммунально-бытового назначения, транспорта и связи, многие инженерные сооружения и коммуникации.

Перестали функционировать более 170 промышленных предприятий, филиалов и производственных участков. Потеряны мощности по выпуску промышленной продукции на 2 миллиарда рублей в год, 82 тысячи рабочих мест. Потери по агропромышленному комплексу составили около 1,9 миллиарда рублей, существенно пострадали более 300 совхозов и колхозов.

Общий народнохозяйственный ущерб оценивается ориентировочно в 10 миллиардов рублей.

Пострадавшие уже получили 178 миллионов рублей единовременной помощи и 764 миллиона рублей компенсации за потерянное имущество.

Оперативно принятыми мерами спасена жизнь около 16 тысяч человек. Из-под завалов извлечено 39 795, госпитализировано 12 495 пострадавших. На 15 марта из больницы выписано 11 348 человек.

Всего из зоны бедствия эвакуировано 119 474 детей, женщин, престарелых, из них 74 505 размещены в здравницах, домах отдыха и пансионатах страны (остальные — у родственников в Армении. — Д. Г.).

На счет 700412 республика получила из разных концов страны денежную помощь в размере 1 374 миллиона рублей.

На счет Внешэкономбанка СССР из зарубежных стран, а также от советских организаций и лиц, находящихся за рубежом, поступило 16 888 тысяч рублей в свободно конвертируемой валюте.

В зоне бедствия по линии союзных министерств и других организаций действуют 14 209 кранов, бульдозеров,

экскаваторов, погрузчиков и самосвалов. На восстановительных работах занято рабочих разных специальностей, воинов из полков гражданской обороны и иностранных специалистов 75 941 человек.

Санитарно-эпидемиологическая обстановка, несмотря на теплые погодные условия весны, стабильная.

Игрушки дарит супруга президента

Тысячи армянских семей нашли приют в других республиках, в основном в РСФСР, Грузии, на Украине. Лучшие санатории, пансионаты, дома отдыха, пионерские лагеря Кавказа и Крыма отданы им. Например, только в Краснодарском крае живут более 30 тысяч эвакуированных, из них половина дети. Размещены они на территориях, принадлежащих пяти территориальным курортным советам — городов Сочи, Туапсе, Геленджика, Анапы и Майкопа.

Пионерский проспект в Анапе, протянувшийся на 15 километров вдоль моря, можно смело переименовать в Армянский. Везде слышна характерная речь, ребятишки играют в мяч, бегают взапуски, раскачиваются на качелях. Трудный период выхода из шока позади. И мамы, и дети, прибывшие из зоны бедствия, прошли курс лечения, продолжают делать гимнастику, принимать успокоительные ванны, другие процедуры. Идут занятия в школах. Учебников на армянском языке вначале не хватало, теперь достаточно. Есть и преподаватели из Армении. В свободные часы дети рисуют, вышивают, музицируют.

Разумеется, не все гладко, есть и проблемы. А как им не быть, если семьи живут в отрыве от родных мест, если всеми помыслами они там, дома? С наступлением весны многие семьи потянулись, как птичьи караваны, в оставленные города, села, а другие, наоборот, перезимовав на родине в тяжелых условиях, едут к морю... В Краснодаре нужен штаб представителей Совмина Армении: надо же координировать и направлять эти потоки, оперативно устранять разного рода трудности.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

7 февраля из Еревана специальным рейсом в США отбыли 32 ребенка из Лениакана, Кировакана, Спитака и других мест. В клиниках Вашингтона они пройдут курс восстановительного лечения.

В поездке детей сопровождают их родители. В пути за состоянием их здоровья будут наблюдать американские и советские специалисты.

— Общественность США была буквально потрясена теми бедствиями, которые стихия обрушила на вашу республику, — заявил в аэропорту вице-президент американской благотворительной организации «Надежда» Уильям Уоли. — В этих условиях мы не могли оставаться безучастными к боли армянского народа, особенно если это касается детей. Наши лучшие специалисты постараются сделать для них максимум того, что может современная медицина.

Военно-транспортный самолет С-141 с армянскими детьми на борту приземлился на авиабазе «Эндрюс». На его борт поднялись супруга президента США Барбара Буш, посол СССР в США Ю. В. Дубинин, группа сенаторов и конгрессменов. Здесь же присутствовал и верховный патриарх-католикос всех армян Вазген I с группой священнослужителей. Супруга президента обошла всех ребят, подарила каждому из них игрушку и пожелала скорейшего выздоровления.

— Прибытие детей из Армении в США — весьма знаменательное событие в американо-советских отношениях, — сказал конгрессмен Тони Куэло. — То, что сейчас происходит, свидетельствует об укреплении взаимопонимания между нашими странами, о росте доверия.

В свою очередь, сенатор от штата Вирджиния Джон Уорнер выразил удовлетворение в связи с тем, что несколько ребят будут проходить лечение в медицинских учреждениях его штата. Представитель армянской церкви епископ Вашингтона Папкен отметил в беседе, что прибытие детей из Армении в США стало возможным в условиях, когда отношения между нашими двумя странами значительно изменились к лучшему. А это, сказал он, прямой результат гласности и перестройки в СССР.

Прошло еще несколько минут, и крепкие парни в ма-

скировочных комбинезонах вчетвером бережно подняли носилки с детьми и занесли их в ожидающие поблизости санитарные машины. Путь им предстоит совсем недолгий — всего несколько десятков метров — до выстроившихся в линию небольших самолетов. Эти 12 «воздушных амбулаторий» для перевозки детишек в города Тампа (штат Флорида), Колумбус (штат Огайо), Чикаго и Филадельфию безвозмездно предоставила фармацевтическая компания «Уорнер-ламберт». Президент компании Джозеф Уильямс так объяснил этот шаг: «Возникла необходимость в воздушном транспорте. У нашей фирмы есть такая возможность. Значит, мы обязаны оказать помощь». Кстати, Джозеф Уильямс — председатель «Проекта „Надежда“» — независимого некоммерческого Медицинского фонда, который организовал лечение ребят из Армении в американских больницах.

— Поразительно, но факт: никаких проблем с осуществлением нашего проекта не возникло, — сообщил журналистам инициатор программы доктор Билл Уолиш. — Все требования в отношении виз для сопровождающих были в данном случае отменены как в США, так и в СССР. Американские хирурги будут лечить детишек бесплатно. Каждый ребенка сопровождает либо член семьи, либо попечитель. Никаких проблем с жильем или с питанием у них не будет.

По оценкам доктора Уолиша, лечение продлится несколько месяцев, дети пройдут курс реабилитационной терапии. Некоторым из них будут изготовлены протезы...

Моряки теплохода «Моссовет», возвращаясь из кругосветного путешествия, после короткого перехода из Нового Орлеана прибыли в порт Тампа.

Здесь в местном госпитале находились на излечении дети, пострадавшие во время землетрясения в Армении. На следующий день моряки отправились навестить юных соотечественников. Они стали первыми советскими людьми, кто посетил их в этом американском госпитале. Дети очень обрадовались встрече с моряками, подаркам, которые им привезли.

По инициативе директора Всемирного фонда охраны лесов Г. Шмидта семеро армянских детишек были переве-

зены в Федеративную Республику Германии для лечения в лучших реабилитационных клиниках страны.

— Когда в декабре прошлого года я впервые приехал в Армению, меня потрясло увиденное, — сказал Губертус Шмидт на приеме в Армянском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами. — Долгое время по возвращении на родину перед глазами всплывали образы искалеченных детей. Тогда с женой и решили — нужно помочь. Семьи, в которых разместим детей после реабилитации, окружают их заботой и вниманием. И в дальнейшем вылеченные дети будут находиться под нашим пристальным наблюдением.

Супруги Шмидт подарили армянским врачам уникальное медицинское оборудование — передвижной рентгеновский аппарат.

«Детское село» — так будет называться семейный комплекс для детей, пострадавших от землетрясения, строительством которого займется международная организация «Сос Киндердорф».

Специалисты из Австрии и ФРГ возведут в селе Котайк из собственных материалов и конструкций 14 домов, предназначенных для 200 детей. При особняках будут выделены земельные участки для ведения хозяйства. В проекте комплекса предусмотрены также детсад, медпункт и спортзал.

По всей стране и за рубежом прошли десятки благотворительных концертов. Первый из них состоялся еще 31 января в Москве. Средства от него поступили на новый счет советского Детского фонда № 707606 «Дети Армении».

Перед концертом к собравшимся со словами горячей благодарности и теплой признательности за сердечную заботу о пострадавших от землетрясения в Армении обратилась поэтесса Сильвия Капутикян:

— Эта забота, щедрая помощь советских людей, — сказала она, — помогут армянскому народу выстоять в беде, возродить к жизни разрушенные стихией города и села.

Концерт вызвал большой интерес у слушателей. В фойе концертного зала была развернута фотовыставка, расска-

зывающая о землетрясении в Армении, его тяжелых последствиях.

Необычный концерт состоялся в Нью-Йорке в знаменитом «Карнеги-холл». В нем блистало целое созвездие звезд первой величины современного мирового искусства.

Каждый из выступавших украсил бы самый знаменитый оперный театр мира. И в этом нет преувеличения. Впрочем, судите сами: на сцене появились тенор П. Доминго, виолончелист Мстислав Ростропович, меццо-сопрано Е. Образцова, бас С. Рэйми, пианист В. Виардо, меццо-сопрано Ф. Фон-Штад, бас П. Бурчуладзе, сопрано А. Милло.

Само по себе появление вместе этих знаменитостей советской и американской сцены — выдающееся музыкальное событие. И все же главное на этом вечере было в другом: это был благотворительный концерт, сборы от которого целиком переданы в фонд помощи жертвам землетрясения в Армении. Почетными сопредседателями и организаторами этого мероприятия стали Барбара Буш и Р. М. Горбачева.

Идея провести подобный концерт возникла не так давно. Но собрать в один вечер под одной крышей тех, кто заключил контракты по всему свету на много месяцев вперед, — труднейшая задача. Тем не менее с нею блестяще справились В. Грегорян, президент нью-йоркской публичной библиотеки, и Дж. Уолфенсон, председатель правления «Карнеги-холл».

«Карнеги-холл», огромный зал с прекрасной акустикой, был забит до отказа, несмотря на то что места в партере стоили от 250 до 1000 долларов. Вечер открылся исполненной впервые «Армянской элегией». Американским симфоническим оркестром дирижировал автор произведения — Л. Текнаворян. Затем звучали произведения Верди, Пуччини, Рахманинова, Россини, Мусоргского, других композиторов. Появление кумиров публики встречала овацией, да и сами артисты были, что называется, в ударе. Отрадно, что на блестящем фоне не затерялся наш 17-летний скрипач-виртуоз из Новосибирска В. Репин.

Перед началом второго отделения было зачитано приветствие Р. М. Горбачевой.

Концерт в «Карнеги-холл» позволил собрать в фонд по-

мощи жертвам землетрясения в Армении 350 тысяч долларов.

Другие звезды — футбольные — также устроили свой «спектакль». Футболисты сборной СССР выиграли у команды Европы со счетом 4:3 в матче ветеранов, прошедшем в городе Аугсбурге (ФРГ). Все средства от этой встречи, на которой собралось 15 тысяч зрителей, были перечислены в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

В качестве почетных гостей на матче присутствовали выдающийся вратарь Лев Яшин и восемь армянских ребятшек.

Опасности мнимые и реальные

Не было, пожалуй, в Армении после катастрофы другого вопроса, вокруг которого существовал бы такой ажиотаж, вспыхивали бы столь яростные споры, схлестывались мнения. Я имею в виду Армянскую атомную электростанцию.

После Чернобыля само ее существование в зоне повышенной сейсмичности стало фактором, вызывающим определенную негативную реакцию. Еще летом прошлого года на митингах по поводу событий в Нагорном Карабахе мне приходилось слышать нетерпеливые возгласы и выкрики: «Немедленно закрыть АЭС!» Тревога людей была понятной, я разделял ее вместе со всеми. Правда, смущала категорическая резкость суждений: закрыть — и точка. Легко сказать — закрыть. А что будет с подачей в республику электроэнергии, не сядет ли Армения на голодный энергетический паек? Об этом в тот момент, казалось, мало кто думал.

Тем не менее предложение закрыть станцию в ближайшие два года получило поддержку в ЦК Компартии республики и в союзных органах.

7 декабря кое-кто, не имея достоверной информации, сгоряча подумал: «Не землетрясение это вовсе, а взрыв на атомной станции»...

На первой пресс-конференции Н. И. Рыжкова донимали вопросами о судьбе АЭС. Вот что он ответил тогда:

«Судьба Армянской атомной станции такова. По заданию правительства работали ученые Академии наук СССР, Академии наук Армянской ССР, ведущие специалисты. Если станцию сегодня закрыть, то практически жизнь в Армении остановится. На операции же по прекращению деятельности блоков и выемке радиоактивного топлива понадобится минимум два года. Что мы выиграем? Ничего. Но, учитывая общественное мнение, решение о закрытии станции с дальнейшим ее перепрофилированием будет принято. Вот немного освободимся от работы, которую сейчас ведем в Армении, и примем официальное решение».

В тот критический момент перво-наперво требовалось успокоить взбудораженное общественное мнение. Но еще никто не знал точную дату закрытия станции.

Произошло это 25 февраля. В машинном отделении директору АЭС М. Варданяну сообщили: все подразделения готовы к остановке первого энергоблока. Он дал команду на разгрузку блока. В 13.05 старший инженер управления атомным реактором А. Мелкумов и машинист управления турбинного цеха М. Мартиросян одновременно начали понижать мощность блока. С 440 мегаватт мощность через определенное время упала до нуля. Генераторы первого блока перестали подавать энергию. Затем началось охлаждение реактора и перевод его в безопасный режим.

В армянской прессе это событие было названо «гуманным актом», вызвавшим «в сердцах трудящихся республики чувство горячей благодарности».

Второй и последний энергоблок был остановлен 18 марта. Таким образом, впервые в истории энергетики прекратила работу действующая АЭС, находящаяся в абсолютно исправном техническом состоянии и выработавшая за 13 лет эксплуатации 48,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Станция переоборудуется в тепловую.

Слухи, домыслы, разного рода предположения и версии сами собой исчезли. Но остался вопрос, от которого не уйти: как могло случиться, что станция появилась в сейсмоопасном районе, кто дал распоряжение строить ее? «Она — продукт застойного периода» — так проще всего отвечать на резонное недоумение людей. Так и отвечали. Громом с ясного неба прозвучало интервью в «Известиях»

директора АЭС М. Варданяна, в котором он сообщал: при проектировании станции фактор сейсмичности не учитывался вообще.

Что и говорить, серьезнейшее обвинение в адрес создателей АЭС. Те моментально дали отповедь директору и уважаемой газете, доказывая, что станция с самого начала рассчитывалась на 9-балльное землетрясение. Весьма убедительно звучали на бумаге высказывания ведущих специалистов Атомэнергопроекта. По их словам, все было учтено и предусмотрено: и «трясли» аппаратуру на стендах, имитируя землетрясение выше 10 (!) баллов, и специально закупили в Японии гидроамортизаторы для защиты наиболее ответственных узлов, и «заложили троекратную надежность» в систему технического водоснабжения... В момент стихийного бедствия 7 декабря сейсмометрические посты зарегистрировали на площадке станции подземные толчки силой около 6 баллов. АЭС продолжала нормально работать.

Документы, технические выкладки, проектные решения — все говорило о том, что станции ничто не угрожало и при более сильном землетрясении. Возможно, даже наверняка это так, да и кто теперь сможет доказать обратное. Одно не дает покоя: техническая документация Чернобыльской АЭС тоже была в порядке... до известных трагических событий. Только потом выяснились огрехи (использую самое мягкое определение) в проекте и его исполнении.

Армянской АЭС посчастливилось: подземная стихия всерьез не испытала ее на прочность. Но остается открытым отнюдь не риторический вопрос: зачем же все-таки она была нужна в Армении — единственная в СССР АЭС, воздвигнутая в сейсмоопасной зоне?

И как тут не вспомнить Ключевского? Высказал Василий Осипович в своих лекциях по русской истории глубокое при всей внешней простоте умозаключение: «...великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский а в о с ь».

Только ли великороссу свойственно играть таким образом в удачу? Не стало ли это свойство общенародным

(я имею в виду многонациональный состав нашего государства?) Последствия катастрофы в Армении не были бы столь ужасны, если бы, допустим, качество строительства не оказалось плачевно низким... Здесь тоже расчет делался на авось.

Научит ли нас чему-нибудь опыт Чернобыльской и Армянской атомных станций?..

Как бы там ни было, но опасность взрыва АЭС уже позади. Однако еще одна опасность, далеко не мнимая, подстерегает живущих и работающих в зоне бедствия.

В разных местах Спитакского района видел я палатки и домики санитарно-эпидемиологической службы. Работают наши специалисты, работают чехи. Это самые беспокойные, настроенные отнюдь не оптимистически люди. Служба у них такая, да и поводов для благодушествования, прямо скажем, нет.

В конце марта на севере Армении было около двадцати градусов тепла. Я бросил куртку в гостинице, ездил и ходил по городам и селам в пиджаке. Лето в этих местах жаркое. И если зимние холода (хоть в этом повезло) стали барьером для распространения массовых кишечных заболеваний, то в июне — августе вполне может вспыхнуть эпидемия, если заранее не принять нужных мер.

Что тревожит больше всего в том же Спитаке и в близлежащей сельской местности? Трупов в завалах, по всей видимости, нет, все вытащили и похоронили. Но кое-где под руинами остался погибший скот. В теплень он начал разлагаться. Местные жители и приезжие строители устроили скотомогильники. Кубанцы, например, захоронили извлеченных из-под рухнувших построек животных на девятиметровой глубине. Даже железобетонную стену врыли, отделив скотомогильники от протекающей вблизи речушки. Увы, так сделано не везде — сужу по отзывам санэпидемиологов.

В Спитакском районе шесть проб воды, взятых в марте, не отвечали санитарным и бактериологическим нормам. Вода — проблема номер один. Во всей зоне землетрясения вышли из строя 304 километра водопроводных линий — пятая часть общей сети. В Спитакском, Гукасянском, Ахурянском, Гугаркском районах водопроводы восстанавливаются медленно. Воды попросту не хватает, не говоря уже о ее качестве.

Несколько десятков тысяч строителей, шоферов, рабочих иных профессий трудятся сейчас на севере Армении. Живут они не слишком обустроенно. Если есть вода, то нет канализации и так далее. И не случайно Госсаннадзор только в марте приостановил работу почти пятидесяти столовых и торговых точек. Часто выходят из строя холодильники, нет искусственного льда, о посуде разового пользования приходится только мечтать.

Буквально на глазах погода из союзника превратилась в противника. С жарой шутки плохи, когда речь идет о строжайшем соблюдении санитарно-гигиенических норм. Залихватские настроения, извечная надежда: «авось пронесет» — могут опять оказать недобрую услугу. Лето покажет, насколько обоснованы опасения.

Единство и борьба противоположностей

Сто тысяч строителей из разных мест Советского Союза обоснуются на севере Армении к июлю. К концу года число их удвоится. Нешуточные силы брошены на восстановление разрушенного хозяйства, в первую очередь жилья. А возвести предстоит множество домов общей жилой площадью 6,3 миллиона квадратных метров, сотни школ почти на 113 тысяч мест, детские сады, больницы, поликлиники, магазины, объекты бытового и коммунального обслуживания и многое другое.

Два года — такой срок предусмотрен планами восстановления.

«Жесткие сроки — отличные сроки, если иных нам уже не дано», — написал А. Твардовский будто о нынешней ситуации в Армении. Еще максимум две зимы придется пережить оставшимся без крова. Третью они должны встретить «под крышей дома своего» — иначе нельзя. Иначе трудно будет объяснить людям, почему столь большие усилия не дали желаемого результата.

И сразу же вступают в отчаянный спор, в жесткую борьбу взаимоисключающие начала — высокие темпы и высокая надежность. Строить архибыстро — значит ошибаться, а новые ошибки чреваты новой бедой. Качество до-

мов стало здесь притчей во языцех; строили в Ленинакане, Спитаке, Кировакане так, что впору за голову схватиться и вскричать: «Как же это было возможно?!» Не зря Николай Иванович Рыжков, выступая в январе перед членами ЦК Компартии республики, привел выдержку из одного акта, датированного маем 1987 года: «Возведение зданий с... дефектами представляет повышенную опасность в сейсмических районах, так как даже при незначительном сейсмическом воздействии произойдет их полное разрушение».

Не получится ли теперь нечто подобное, не скажется ли гонка пагубным образом на надежности новостроек?

Однако и медлить ни в коем случае нельзя: тысячи обездоленных семей разбросаны по всей Армении, другим регионам, и, как бы ни был радушен и гостеприимен дом друзей, это все-таки не родной очаг. Вот и попробуйте примирить два начала: построить быстро и без дефектов.

«Сшибки» начались сразу же — на уровне взаимоотношений местных властей, проектировщиков, архитекторов. Выбор места, безошибочный, оптимальный, — вот что волновало всех. Главным был вопрос — где строить, и он требовал безотлагательного ответа.

16 января в Армению вновь прилетели Н. И. Рыжков и некоторые члены комиссии Политбюро ЦК КПСС. Они осмотрели Ленинакан, потом отправились в Спитак. Вечером по прибытии в Ереван в Доме архитектора они познакомились с проектами восстановления городов и сел. Тут же начался обмен мнениями, возникла острая полемика, затянувшаяся за полночь. Выступавшие отстаивали разные точки зрения, разные подходы к проблеме. Споры велись в основном вокруг Ленинакана. Одни считали: город надо поднимать из руин, начиная с разрушенных кварталов; по мнению других, пока эти кварталы не надо трогать, а лучше вести строительство на новом месте. На каком? Предлагался район в нескольких километрах к юго-востоку от города, на холмистой местности. Оппоненты выдвигали альтернативу: на границе с городом в северном и северо-западном направлении, на пахотной земле.

У обоих вариантов имелись сильные и слабые стороны. Скажем, в первом варианте (создание города-спутника) плюсом было то, что занимались не пахотные земли, а неудобья. Однако пришлось бы заново прокладывать дороги,

подземные коммуникации, город-спутник оказался бы значительно удален от Ленинакана. Во втором варианте многое устраивало, но жаль пахоту. При дефиците земли, да еще в разоренном стихией Ахурянском районе отхватывать аж 58 гектаров... Тогда сторонники второго варианта приводили важнейший аргумент: данные микросейсмораионирования и инженерно-геологических изысканий говорят — дома будут стоять на крепкой, спокойной в сейсмическом отношении почве, пусть и пахотной. «Да, но насколько достоверны эти данные, полученные в спешке, без детальных исследований? — возражали оппоненты. — К тому же в этом месте проходят подпочвенные воды, следовательно, надо делать дренажную систему». «Не доверять результатам микросейсмораионирования нет оснований! — вскакивали, хватая микрофон, сторонники этого варианта. — И пусть вас не волнует устройство дренажа — ничего мудреного тут нет»...

Некоторые колебались, переходя из одного лагеря в другой и снова возвращаясь в прежний.

Словом, страсти кипели, обстановка накалялась, что дало повод Н. И. Рыжкову укоряюще сказать: «Вы тут поспорьте, а мы пока задержим прибытие строительных подразделений и техники. Надо же знать, где их размещать». Николай Иванович дал понять: в спорах должна побеждать истина, а не амбиции. «В конечном счете последнее слово за армянскими архитекторами, проектировщиками», — подытожил он бурную ночную дискуссию.

Эту же мысль Николай Иванович развил наутро, выступая на пленуме ЦК Компартии республики:

«Мне бы не хотелось останавливаться на вопросе выбора дополнительных площадок для строительства в городе Ленинакане. Естественно, что принятие таких сложных решений требует серьезных научно-технических анализов. Можно и нужно дискутировать, но нельзя менять свои мнения через несколько дней. Думаю, что мы вчера, вернее сегодня, приняли правильное решение — окончательное слово за республикой. Вам здесь жить — вам и принимать решение. Мы привлекли к рассмотрению сложных научных проблем лучших ученых и специалистов страны. Лучше у нас нет. И их знания и опыт в вашем распоряжении».

Выбор был сделан в пользу «северо-западного» варианта — строить на границе с Ленинаканом, а потом перейти

к восстановлению разрушенных кварталов внутригородской застройки.

Далеко не сразу смирились с таким выводом «инакомыслящие». Отголоски их недовольства доносятся и сейчас. 3 апреля на оперативном совещании комиссии Политбюро ЦК КПСС рассматривалась программа ближайшего будущего пострадавших городов. И вновь был поднят вопрос «выбора места» для новой застройки согласно генплану Ленинканана, разработанному институтом «Ереванпроект». Опять некоторые представители местных властей, в который уже раз, отстаивали вариант города-спутника в юго-восточном направлении. Архитекторы возражали. Комиссия с поправками и замечаниями приняла предложение зодчих. На этом поставили точку.

Безусловно, аргументы «за» и «против» имелись в каждом проекте, но никто никому не выламывал руки, решение принималось большинством специалистов. Время отпускалось им скупой мерой, нельзя было терять его попусту, тратить на уже лишние и просто непозволительные споры.

И прав партийный руководитель республики С. Г. Арутюнян, выделивший в одном из своих выступлений суть проблемы:

«Мы должны построить и лучше, и прочнее, и, несомненно, обеспечить строгий контроль за качеством выполняемых работ. Повторять ошибки прошлого, пренебрежительно относиться к качеству строительства никто не вправе. С учетом этого должна пересматриваться вся наша архитектурно-строительная стратегия. Но в то же время мы обязаны сделать все, чтобы в намеченные сроки, то есть в течение двух лет, обеспечить выполнение всей предусмотренной программы и создать для пострадавших нормальные условия жизни и труда. Когда встречаешься с людьми и вникаешь в их крайне тяжелое состояние, то глубоко ощущаешь, что решение этой задачи откладывать даже на один день нельзя»...

Да, все дело в правильно выбранной стратегии. А стратегия эта подсказывается, диктуется реальной обстановкой. Скажем, в Кировакане можно решить жилищную проблему для десятков тысяч человек за счет приведения в порядок аварийных домов. Хотя и сложно это технически, и дорого, но это оптимальный вариант здесь. Вообще соот-

ношение новой застройки и капитального ремонта — предмет бурных дебатов. В Кировакане, кажется, нашли «золотую середину»: приведение в порядок аварийных домов и новое строительство на окраинах идут параллельно.

Положение, однако, усугубилось тем, что из-за многократно повторяющихся толчков пришли в негодность новые сотни домов, иными словами, доразрушились. Поначалу объем только ремонтных работ был определен в Северной Армении в размере около 300 миллионов рублей. Весной стало ясно: цифру эту надо увеличить по крайней мере в четыре раза. В одном Ленинакане на работы по восстановлению жилья ушло бы 350 миллионов рублей. А главное, для этого потребовалось бы задействовать все наличные силы рабочих и специалистов, прибывших к весне в республику, полностью свернув новое строительство. Естественно, избрали иной путь.

Директор института «Ереванпроект» Александр Асатурович Чахмакчян показал мне схему новой застройки Ленинакана и коротко прокомментировал ее: «Осуществляется идея строительства одного квартала силами восьми мощных организаций, прибывших на помощь. Это 58-й квартал, Ани — так назвали его. Находится он в северо-западной части, являясь как бы продолжением города. Недалеко расположен и другой крупный жилой массив — Мармашен. В общей сложности здесь будет возведено два миллиона квадратных метров, жилье получат 120 тысяч ленинканцев.

Какими же будут дома новоселов? Главный специалист — архитектор института «Ереванпроект» Сурен Бурхаджян продемонстрировал эскизы двух-, трех- и четырехэтажных строений, монолитных, сейсмостойких, рассчитанных на 9 баллов. Их индивидуальный проект разработали архитекторы мастерской № 15 Моспроекта-1. Армянские коллеги помогали москвичам, стремясь насытить проект национальным колоритом. Менялись планировка комнат, очертания лоджий, фасадов, как неперменный архитектурный элемент вводились арки у входа в жилища... Спроектированы и дома для инвалидов с гаражами и внутренними двориками. Работали архитекторы практически без выходных, по 14 — 16 часов в сутки.

— Довольны сделанным? — без обиняков спросил я.

— И да и нет, — ответил Бурхаджян. — Сроки, конечно, ужасные, в таком темпе работать немыслимо, но выхода не было. Очень беспокоит армянский колорит, хотелось, чтобы он присутствовал, чтобы сохранилось хотя бы некоторое единство замысла. 58-й квартал, Ани, не должен быть чужеродным прежнему городу. Поможет в этом, полагаю, и отделка домов. Москвичи предложили использовать в отделке плитки из туфовых отходов, восьми тонов. Думаю, получится красиво...

Те, кому поручено воплощать замыслы зодчих, всю развернули работу. В 58-м квартале строят москвичи, казахи, ленинградцы, посланцы Минюгстроя, Минэнерго, Минсевзапстроя, Минуралсибстроя. Своего рода творческое соревнование: кому удастся лучше выполнить задание.

Все подразделения начали с обустройства, и тут пример показали москвичи. В конце марта они прочно обосновались в здании уцелевшего строительного техникума. Это уже был не прежний наскоро разбитый палаточный лагерь с неизбежным неуютом, который я видел в январе. Москвичи разместились основательно, солидно, как и должно быть: приехали-то не на день, не на месяц — минимум на два года. Столовая «Березка», магазин, почта, парикмахерская, две сауны, прачечная — такого в Ленинакане по сию пору ни у кого нет. Моссовет глаз не спускает со своих подопечных, даже продукты в столовую завозятся из столицы, за исключением свежих овощей, покупаемых на месте.

База стройиндустрии у москвичей тоже своя. Это целый комплекс: крупный бетонно-смесительный узел, склад цемента на две тысячи тонн, полигон для изготовления железобетона, арматурный цех, цех деревообработки. Остаются, конечно, и проблемы, одна из них — недостаточное обеспечение инертными материалами — песком и щебнем. Часть поступает из республики, часть приходится завозить из Центральной России. Почему? Дело в том, что, как выяснилось, в Армении нет песка и щебня нужного качества, из которых получается бетон высоких марок. А бетон для монолитного сейсмостойкого строительства должен быть только таким — прочным, надежным. Вот и гонят эшелоны из России. Влетает в копейчку, да и время уходит, но иного не дано.

«Спитакская программа»

Землетрясение в Армении во всем мире теперь принято называть Спитакским — по имени полностью разрушенного города.

Весной я вновь увидел Спитак и поразился: словно бы на календаре был не апрель, а декабрь. Руины, завалы, искореженные постройки — все пребывало здесь в таком виде, будто стихия поразила город час назад. Помню, мелькнула мысль: а может, так и оставить Спитак — памятником крупнейшего стихийного бедствия второй половины двадцатого века?..

Нет, так оставлять нельзя. Завалы надо разобрать, и как можно скорее. Однако строить на старом месте уже не придется. Карты микросейсмрайонирования убедительно показывают: это опасно, ибо город покоится (в прямом и переносном смысле слова) на разломе. Спитаку отведена новая территория, вдоль автострады, к юго-западу от зоны разрушения. Он возродится заново.

В марте в Ереване прошел международный семинар архитекторов, изучивших проекты восстановления пострадавших городов. Наибольшие возражения вызвал проект нового Спитака каким он представляется армянским зодчим.

Пьер Ваго, почетный президент Международного союза архитекторов, посетовал на то, что проект Спитака — результат традиционного мышления. Все в нем стандартно и безлико. «Работа сделана в кратчайший срок, — сказал он, — но в быстрых решениях таится опасность больших ошибок». Жорж Кандилис, представлявший на семинаре Международную академию архитектуры, отметил: «Сегодня Спитак — символ международного масштаба, о нем знает весь мир. Новый Спитак должен олицетворять собой жизнестойкость армянского народа. Нельзя допустить, чтобы скорость проектирования приобрела первостепенное значение... Армянские коллеги делают упор на низкую этажность, но этажность еще не гарантия от разрушений. В 1970 году, когда я был в Гватемале, случилось землетрясение. В это время я был на 12-м этаже отеля. Все разрушилось, кроме каркаса. Погибших не было, только раненые. Когда опубликовали данные, выяснилось, что 90 про-

центров погибших были в маленьких домах. Главное — качество строительства».

Участники международного семинара выработали «Спитакскую программу», состоящую из четырех предложений: 1. Провести национальный (республиканский) конкурс по разработке генплана Спитака с участием в работе жюри представителей Международной академии архитектуры. 2. Организовать международный конкурс идей по застройке Спитака. 3. Создать экспертную группу Международной академии архитектуры для оказания профессиональной помощи в проектировании города. 4. Создать четыре-пять архитектурных групп для разработки генплана Спитака с участием зарубежных архитекторов для работы в Ереване или в штаб-квартире Международной академии архитектуры в Сан-Кирико (Болгария).

А пока примерно в шести километрах от Спитака в сторону Еревана выросли, притягивая завистливые взоры, 204 одноэтажных сборных домика, доставленных из Италии. Целая «итальянская деревня». Долгий путь совершили домики: сначала плыли по морю на борту корабля «Джолли Неро» до Поты, затем ехали по железной и автомобильным дорогам. Домики из гофрированного алюминия, внутри — комфорт, в них и жить приятно, и холода не страшны. Некоторые рассчитаны на одну семью, другие — на две. Кроме того, установлены шесть домиков жизнеобеспечения, в том числе автономная электростанция.

Домики под временное жилье переданы безвозмездно. Капитан итальянского судна сказал после швартовки в потийском порту: «Нам всем очень горько, что на библейской земле был ад конца света, и пусть наш скромный дар будет вкладом в возрождение армянской земли».

Итальянцы не исключение. Иностранцы фирмы и специалисты еще весной выступили почти со 150 предложениями по строительству жилых домов и других объектов. Одно из них принадлежало известному греческому ученому-строителю Янису Псунису. Он сообщил, что готов передать в дар Армении свой оригинальный патент на новый метод возведения зданий. Речь шла о ценном изобретении — способе строительства монолитных безопалубных домов, фактически о новой технологии. Разработанный греческим ученым метод позволяет обходиться без подъемных кранов и другой тяжелой, громоздкой техники, стро-

ить очень быстро, причем даже на склонах холмов и в горах. Особенно большие преимущества он дает при возведении сейсмоустойчивых зданий.

Дом за неделю — такие темпы строительства жилья в Армении обещал австралийский бизнесмен В. Рывкин, возглавляющий строительную корпорацию «Аустэк». В раннем детстве родители вывезли его из нашей страны за границу. Он сохранил хорошее знание русского языка и привязанность к своей родине.

Основа домов, предлагаемых Рывкиным, — новый строительный материал. Это особая панель, сделанная по принципу бутерброда. Внутри у нее полистирол, который изготавливается из природного газа, с обеих сторон — тонкий слой облицовочного покрытия (это может быть металл, дерево, пластик — в зависимости от конкретного назначения панели). Новый стройматериал примерно в 100 раз легче кирпича и в 150 — железобетона. Он хорошо зарекомендовал себя на полюсе и в жарком климате, отвечает строгим медицинским нормам, весьма дешев. Здания из такого материала могут выдержать сильное землетрясение.

В. Рывкин провел переговоры с Госстроем Армении. Речь шла о создании совместного предприятия. «Аустэк» готов построить несколько заводов по производству таких панелей.

Многие предложения зарубежных фирм уже реализуются. Так, норвежцы и чехи безвозмездно сооружают в Спитаке соответственно больницу и школу. В Ленинакане англичане к сентябрю сдадут больницу, а австрийцы к концу года — жилой поселок на сто семей. Посланцы Монголии построят в селе Талине школу и детский сад. Болгары в Кировакане уже построили дома на 300 семей. Силами финских специалистов и Международной лиги Красного Креста в Спитаке будет создан реабилитационный центр на 300 коек.

НА ПЕРЕКОР РОЗЛОМУ

Вторая волна последствий

У самого неба, в краю, чей окраинный свет
любовь мою к миру священо венчает и множит,
есть памятник горю — и странный его силуэт
раздумье сулит и нигде повториться не может.

Подъем к нему долог, как приготовление души,
им шествуют тени, что были безвинно убиты,
в их тихой молитве умолкли ума мятежи,
и чувством вины уничтожено чувство обиды.

Не в праздничном блеске и не в суете площадной
является взорам, забывшим про казни да войны,
тот памятник людям, убитым за то лишь одно,
что были армяне — и этого было довольно...

Это Борис Чичибабин, поэт божьей милостью, изведавший немало тягот и несправедливостей, на которого лишь сейчас обратили благосклонный взор издатели. Стихотворение написано в 1984-м, почти за пять лет до землетрясения и совсем по другому поводу. Оно о жертвах геноцида. Но почему я вновь и вновь повторяю западающие в душу слова, рождающие неизбывную печаль?..

Будет ли памятник нынешнему горю армян? Теперь уже твердо можно сказать — будет. Выбрано его место — Спитак. Каким будет мемориальный центр, пока не знает никто. Решено провести международный конкурс на лучший проект.

«Трудно найти в летописях какой-либо нации меньше преступлений, чем в летописях армян, доблести коих имеют исключительно мирный характер, а пороки коих привиты угнетением», — писал Байрон. За что же вновь, судьба немилосердно отнеслась к ним, злой рок вновь обрушился на древнюю землю? Как выстоять, как сохранить веру, найти силы, способные возродить очаг, зажечь в нем огонь? Залог этого — не только помощь других народов, залог этого — еще и умение армян стоически переносить невзгоды и мудро, философски воспринимать окружающие явления.

В каждом армянине я подмечаю склонность к философии. Не к беспочвенным мечтаниям, фантазерству, а к конкретному осознанию своего места в жизни, осознанию, которое реализуется в стремлении построить жизнь, сообразуясь со своими принципами, взглядами. Каждый житель республики отлично знает многострадальную историю своего народа, обращается к ней за примерами, параллелями. Однако каждый в то же время устремлен в сегодня, словно бы руководствуясь известным изречением: философия торжествует над горестями прошлого и возможными бедами будущего, но настоящее торжествует над философией.

Часто меня поражала небанальность суждений в сущности самых обыкновенных людей, не склонных к самоанализу. Шофер армянской «Литературной газеты» Сероб Сарафян как-то давно пригласил меня в гости. К нему приехала родня из Румынии. Разговор зашел о разбросанности армян по свету, о том, как тягостно сознавать разрыв некогда прочных семейных связей. Молчавшая дотоле ста-

руха вдруг заговорила гортанно и так горячо, что все враз смолкли. Сероб перевел мне ее слова.

«Да, армяне разбросаны по всем странам. Где нас только нет. Так сложилась судьба народа, гонимого, подвергавшегося притеснениям, резне. Но не надо горевать. Это хорошо, что мы есть везде. Значит, любой армянин, оказавшийся в чужом, незнакомом краю, встретит соплеменника, который одарит его радушием и теплом».

Однажды в момент сердечной смуты пришел я к старому другу, переводчику Рафаэлю Авакяну (он, наверное, больше всех в Армении сделал для изучения и популяризации русско-армянских литературных и культурных связей). Чуткий к настроению других, он уловил мою хандру.

— Давид-джан, не бойся грусти. Она необходима. Наслаждение без страданий — это не полная жизнь. Свет и тень чередуются в природе, так же и на душе у человека. Самые главные минуты у каждого из нас — минуты тоски, печали и утрат. Человек обретает мужество в беде и только поэтому может по-настоящему ощутить радость...

Все армяне особенно чутки к национальной проблеме. Эта проблема здесь наиважнейшая. На сей счет есть разные толкования, воззрения. У каждого свое понимание национальной гордости. Встречаются среди армян и националисты. Но все же большинство из них, по праву гордясь тем, что они армяне, остаются интернационалистами, остаются несмотря на то, что республику сотрясает мучительный карабахский вопрос. Их интернационализм подпитывается сейчас новыми соками — ведь столько людей приехало в Армению из самых разных точек нашей многонациональной страны, всей планеты, чтобы способствовать возрождению республики.

Не все ладно нынче в Армении. Землетрясение породило две волны последствий. Это убедительно доказали ученые, проводившие социологические исследования в зоне бедствия. Что же они установили?

Геворк Погосян, ученый секретарь Института философии и права АН Армении:

«Первая волна характеризовалась шоком, «сейсмофобией», в частности боязнью находиться в помещениях, входить в высокие здания. Она длилась от нескольких часов до нескольких суток. Примерно десяти процентам населения понадобилось лечение...

Потом стала нарастать вторая волна, связанная с практикой восстановительных работ. У определенной части жителей возникли социальная апатия, социальное отчуждение. Люди не знали, где будут жить, их не вовлекли в процесс созидания, перед ними не поставили конкретных задач, а сами они оказались неспособны найти себе применение.

Трудно кого-либо винить в этом. Все делалось из лучших побуждений — бросить как можно больше сил из разных республик на строительство жилья пострадавшим. Но при этом словно бы забыли о самих пострадавших, совершив очевидный психологический просчет.

И как результат началась иммиграция. По нашим подсчетам, пятая часть людей, вывезенных из разрушенных городов и сел, назад не вернется. Получив компенсацию за жилые строения (а это немалые суммы), люди уезжают в другие регионы, например в Краснодарский край, и там покупают дома. 30 тысяч семей, оставшихся без крова (данные на начало апреля), захотели строить индивидуальные дома там, где жили раньше, однако им не могли указать точное место. Возникли трудности и со стройматериалами.

Другой аспект проблемы — ослабились семейные связи, что для Армении крайне нежелательно. Мужчины в основном остались дома, женщины и дети выехали в здравницы. Вынужденная разлука трудно переносится и теми, и другими...»

Таково мнение философа, социолога, и с ним нельзя не согласиться. Со многими говорил я, в том числе с некоторыми руководителями республики, и всех весьма тревожат эти проблемы. Появились — все это признают — невиданные для Армении иждивенческие настроения: «построят и без нас». Многие сидят сложа руки и ждут, когда их позовут на помощь. А их не зовут, ибо справляются и без них.

По данным на апрель, в районе бедствия не работало 80 тысяч человек. Летом их число, по прогнозам, уменьшится, но по-прежнему останется высоким. Местных крайне неохотно берут в прибывшие отовсюду строительные подразделения. «Мы полностью укомплектованы — и кадрами, и техникой, у нас нет потребности в дополнительных рабочих руках» — так мотивируют отказы. Все верно, но ведь изыскали же москвичи возможность принять на работу 60 ленинканцев и довольны ими. Медленно разворачиваются и

местные власти, пока не могут обеспечить фронт работ для горожан и сельчан. Неужели нельзя их использовать хотя бы на разборке подлежащих сносу аварийных зданий? Да мало ли дела найдется для истосковавшихся по труду мужчин?

Каждую весну и лето из Армении уезжают на заработки в сельские местности бригады строителей, которых народ окрестил «шабашниками». Строят они по всему Союзу, строят быстро и добротнo: дороги, фермы, клубы — все, в чем есть нужда. Теперь многие «шабашки» превратились в кооперативы. Нынче прозвучал призыв: в лихую годину негоже покидать родные места, раны Северной Армении требуют немедленного врачевания. И многие строительные кооперативы остались помогать залечивать раны, нанесенные землетрясением. Их-то не надо агитировать за работу, и дело свое они знают, как говорится, туго.

И еще одно чрезвычайно волнует: правопорядок в пострадавших районах.

Вспоминаю свою апрельскую беседу с министром внутренних дел республики генерал-майором У. С. Арутюняном и начальником оргинспекторского отдела министерства полковником А. Н. Саркисовым. Предельно откровенный, без утайки разговор позволил высветить многие дотоле находившиеся в тени вопросы, поставить точки над «i».

В прошлом году в СССР на 100 тысяч жителей «приходилось» 657 преступлений, в Армении — 183, в зоне бедствия — 50. Такова статистика МВД. В какую графу ни посмотришь, почти везде Армения находится на последнем среди всех республик месте. Иначе говоря, средний уровень преступности здесь гораздо ниже. Что же произошло после землетрясения? Опять обратимся к статистике. В декабре преступность выросла в 7 (!) раз. В январе цифра несколько снизилась, в феврале и марте тенденция к снижению сохранилась.

— Вспышка преступности в декабре во многом обусловливалась обстановкой, — считает министр. — Десятки тысяч жителей оказались лишенными всего, мерзли, испытывали недостаток в еде. В такой ситуации люди заходили в полуразрушенные, с выбитыми витринами магазины и брали одежду, пищу. Формально они совершали правонарушения, а по-человечески? По-человечески их можно было понять. И поэтому многих задержанных, у кого погибли

близкие, мы отпускали, видя разницу между такого рода вынужденными нарушениями и откровенным наглым воровством, которого тоже хватало. Кое-кто считал наши действия неправильными, но мы твердо стояли на своем. В Ленинанкане я видел, как бульдозер расчищал площадку возле универмага и выгреб из завала детские вещи. Тут же подскочил какой-то человек и побросал их в мешок. Мы задержали его. Оказалось, его дети уцелели, но им нечего надеть в холода, так как их дом со всем нажитым добром уже не существует...

— Срабатывал и психологический фактор: человек считал себя вправе взять, ибо он пострадал, — добавил Александр Николаевич Саркисов. — Это тоже нельзя не учитывать.

В хаосе и неразберихе декабрьских дней порой возникали невероятные слухи. К сожалению, некоторые просачивались в печать. Помню, как у меня глаза полезли на лоб при чтении заметки такого содержания: в подвале одного из разрушенных домов Спитака обнаружен склад оружия! Другой такой склад был найден возле тоннеля близ Ленинанкана.

На самом же деле все было гораздо проще. Карабахские события и их последствия вынудили милицию в профилактических целях забрать у жителей Спитака и окрестных сел охотничьи ружья, а из комнат военной подготовки школьников, из клубов и секций ДОСААФ — учебное стрелковое оружие. Все это хранилось в подвале УВД. Дежурная часть УВД имела общую стену с ювелирным магазином. После землетрясения стали разбирать завал на месте ювелирного магазина и наткнулись на... оружие, конфискованное самими милиционерами. Не разобравшись, бухнули в колокола.

Что касается другого «склада», то найденное в нем оружие вовсе не предназначалось для противоправных акций, как многие, вероятно, подумали, а принадлежало ленинанканскому отряду ВОХР Закавказской железной дороги, охранявшему тоннели.

Да и с термином «мародер» тоже переборщили, считают мои компетентные собеседники, анализируя ситуацию после землетрясения.

— Бесспорно, немало было попыток (к сожалению, удачных) нажать на чужой беде, пограбить, присвоить

ценности, — сказал Усик Суренович Арутюнян. Вороны всегда слетаются на пададь. Потому-то и увеличилась преступность в декабре в семь раз по сравнению с обычным периодом. И тем не менее сколько небылиц, преувеличений, нелепейших, позорнейших сплетен возникло, особенно в связи с доставкой в Армению продовольствия, медикаментов, одежды из-за рубежа! Одна история с афганскими дубленками чего стоит, сколько нервов и сил отняла у работников МВД...

Возник слух, что якобы 10 тонн дубленок (почему-то считали их на тонны), доставленных из Кабула, украли в Ереване и всю распродают во многих городах. Стали искать — злосчастные дубленки и впрямь как сквозь землю провалились. Наконец выяснилось, что груз из Кабула попал на продовольственную базу, ибо он в основном состоял из изюма, сухофруктов (вероятно, отсюда и счет на тонны), а также нескольких десятков дубленок и шапок-ушанок. Все оказалось в целости и сохранности, не хватало лишь одной шапки...

Тогда же во все крупные города страны из МВД Армении были направлены шифрограммы: фиксировать случаи продажи импортных вещей и лекарств, поступивших в республику. Факты такой продажи нигде зафиксированы не были.

— Какова же сейчас обстановка в зоне бедствия? — поинтересовался я.

— В целом нормальная, — ответил министр. — В некоторые дни даже лучше, чем до землетрясения. Впрочем, появились иные беспокоящие тенденции. В Ленинакане, Спитаке, других местах трудятся десятки тысяч приезжих строителей, водителей. Помощь их неопенима. Однако у правоохранительных органов прибавилось забот. Скажем, в декабре и январе в указанных городах убийств не было, теперь же совершено несколько таких тяжких преступлений. Резко возросло и число дорожно-транспортных происшествий. Аварии совершают, как правило, пьяные шоферы. Ограничивать ввоз спиртного бессмысленно — тут же начнется спекуляция. Сотрудники ГАИ пытаются навести порядок, но положение улучшается медленно. В Ленинакане открылся вытрезвитель — первый на территории Армении. Раньше подобных учреждений в республике не было...

«Экополис „Верацунд“»

Семинар этот официально назывался «Эколого-экономические проблемы возрождения зоны бедствия в Армении». Проводили его в апреле Отделение экономики АН СССР и постпредство Армении в Москве. На семинаре обсуждался доклад, написанный сотрудником Госплана Армянской ССР, кандидатом экономических наук Е. Г. Хватковым.

Прежде чем перейти к изложению сути этой необычной работы, скажу хотя бы коротко о ее авторе — оригинально мыслящем человеке.

Жизнь Хваткова насыщена до предела. В молодости строил самолеты, летал, плавал на подводной лодке. Окончив Ленинградский институт водного транспорта, работал на разных судостроительных заводах, в том числе на Сахалине, занимал большие должности. Потом проектировал объекты рыбной промышленности. Часто бывал в Японии, на чей опыт любит ссылаться. Последние шесть лет Евгений Георгиевич живет в Ереване, близко познакомился с армянскими проблемами, заделали они его за живое.

Работу под названием «Экополис „Верацунд“» Хватков написал за считанные дни, с 28 декабря по 5 января, по горячим следам землетрясения.

Евгений Георгиевич похож на профессора старой университетской школы: седая бородка клинышком, уверенная, логически стройная, емкая речь. Но есть в манере Хваткова держаться и говорить то, что резко отличает его от академически спокойных, сдержанных, подчеркнута холодных, «нейтральных» ученых, которые исследуют факты, делают обобщения и не позволяют себе никаких эмоций.

Рассказывая о своей работе, Евгений Георгиевич заметно волнуется, армянские проблемы гложут его, русского человека, лишают покоя.

Итак, что же такое «Экополис „Верацунд“»? («Верацунд» по-армянски — «возрождение».) Это проект, в котором совершенно очевидна реалистическая основа. Ученый предложил свою программу возрождения 2/5 территории республики, пострадавшей от разгула стихии. Эти 2/5 и должны стать экополисом.

Какими будут города и села севера Армении? Останутся ли они прежними, какими были до землетрясения,

только, так сказать, с подновленным фасадом, или вступят в двадцать первый век совершенно иными? Нет худа без добра: случившаяся трагедия дала уникальную возможность кардинально изменить облик древней земли. Воспользуются ли этим шансом зодчие, строители?

По мысли ученого, предлагающего свой «эвристический* прогноз», восстановление зоны недавнего бедствия в Северной Армении должно рассматриваться не в качестве системы, регулируемой посредством технико-экономических критериев (это уже всем нам хорошо известный, порочный и в основе своей тупиковый путь), а в качестве демозко системы, то есть системы взаимосвязи и взаимодействия населения и среды его обитания. И если у нас считается, что именно производственные отрасли создают системы городских агломераций (западные теоретики, наоборот, подчеркивают доминирующее значение функций обслуживания), то, хотя бы с учетом необходимости своеобразной разгрузки столицы Армении, в экополисе „Верацнунд“ следует развивать преимущественно наукоемкие отрасли.

При размещении производственного комплекса в экополисе следует учитывать и «эффект агломерации». Это понятие, как известно, предполагает территориальное единство не только промышленных предприятий, но и социальной и производственной инфраструктур, то есть сосредоточение различных коммуникаций и сооружений, учреждений и предприятий, которые необходимы для осуществления функций основного производства и обслуживания населения, на территории нового региона.

Учтенный агломерационный эффект проявится в первую очередь в сокращении сроков строительства (и тем самым, вероятно, поможет уложиться в фантастический двухгодичный срок восстановления региона), а также в снижении транспортных расходов, быстром внедрении результатов научно-технического прогресса и т. д. Агломерирование промышленного наукоемкого производства, несом-

* Эвристика — совокупность логических приемов и методических правил теоретического исследования и отыскания истины; метод обучения, способствующий развитию находчивости, активности.

ненно, окажет решающее влияние и на формы поселений в эконополисе.

До 7 декабря вблизи крупных городов Ширакского и Лорийского экономических районов за длительный период времени сложилось несколько форм размещения пригородных поселений. Наиболее типичным явилось линейное размещение — вдоль основных транспортных путей. Именно такой вид поселений видится и в пределах нового региона — эконополиса „Верацнунд“. Это будет сгусток поселений вдоль автомагистрали союзного значения и железной дороги. Но одновременно должны развиваться и поселения непосредственно в сельской местности, во всех административных районах: Ахурянском, Спитакском, Гугаркском, Степанаванском и других. А города эконополиса должны стать для них своеобразными центрами притяжения.

Предполагается создание равноценных условий жизни в городах разной величины, а также ликвидация существенных различий в условиях жизни городского и сельского населения — это одна из основных социальных задач, которая должна быть непременно решена задуманными в перспективной схеме создания эконополиса.

Дальше, думается, есть смысл привести в некотором сокращении текст самого доклада Хваткова, так как любой пересказ может исказить его суть.

«Учитывая влияние всего прилегающего региона на структурное развитие промышленных зон разрушенных городов, следует хотя бы кратко остановиться на рассмотрении его сельскохозяйственного потенциала.

Прежняя специализация Ширакского экономического района основывалась на мясо-молочном скотоводстве с развитым птицеводством, а в растениеводстве — на выращивании сахарной свеклы (30 процентов всего объема республики) и зерновых культур. Лорийский экономический район также специализировался на мясо-молочном скотоводстве и производстве картофеля. И там, и там выращивались, кроме того, овощи, табак, виноград, плодово-ягодные и бахчевые культуры, корма для животноводства...

Трудно сейчас — без фундаментального научного обоснования — подвергать сомнению прежнюю многоотраслевую сельскохозяйственную специализацию двух рассматриваемых нами экономических районов недавней зоны бед-

ствия. Но одно несомненно: уже давно стучится в наши двери крайняя необходимость переориентации всего сельскохозяйственного производства на выпуск только экологически чистой продукции. И не в виде куцых опытных участков — для отвода глаз и туманных, расплывчатых отчетов, — а на всей земле Армении! И не худо бы при этом обратиться вдобавок к проверенной веками мудрости предков. Трудно, к примеру, припомнить, было ли когда-нибудь в истории армянского народа стремление безудержно — да еще на промышленной основе! — развивать такую отрасль, как свиноводство. А ведь не секрет, что именно эта отрасль животноводства — при весьма сомнительной полезности ее для республики — является главным источником загрязнения окружающей среды.

Та же мудрость предков убеждает нас: совсем незаслуженно забыто и такое экологически чистое и весьма полезное для здоровья людей занятие селян, как пчеловодство. И куда бы еще ни шло, если бы главный производитель в этой отрасли — пчела была бы хилой, малопродуктивной или пришлой из дальних зарубежных краев. А то ведь своя, кавказская пчела, по признанию специалистов, считается самой трудолюбивой и производительной из всех существующих на земле пород! Особенность ее строения — необыкновенно длинный хоботок — дает ей возможность собирать нектар с таких растений, которые попросту недоступны обыкновенным пчелам.

В нынешних условиях многоотраслевого хозяйства, пожалуй, ни один колхоз или совхоз не сможет уделять максимум внимания этой по всем нынешним признакам подсобной отрасли. Вместе с тем известно, что уход за пчелиной семьей требует самого упорного труда и полной самоотдачи. А все это возможно обеспечить только на основе семейного подряда, аренды, многообещающих кооперативных начал. Вот почему нам представляется наиболее целесообразным создание на территории эконополиса «Верацунд» группы пчеловодческих кооперативов.

Создание в эконополисе поселков-садов может стать весьма существенной основой для массового (в том числе и любительского) развития пчеловодства.

Таким образом, пчеловодство при надлежащей организации имеет все шансы занять на территории эконополиса видное место и, как нам кажется, даже обеспечить в даль-

нейшем валютные поступления в казну республики. Эта отрасль становится все более престижной и все более ценной в мире. Забывать об этом в новых условиях поиска экологически чистых путей развития сельского хозяйства попросту недопустимо.

Как, с другой стороны, недопустимо, на наш взгляд, упорно пытаться развивать табачководство на плантациях, разбросанных на небольших склоновых участках, да еще вдобавок подверженных сильной эрозии почвы. Но это, как говорится, частности, примеров в этой области можно привести, к сожалению, великое множество.

И еще одно немаловажное обстоятельство, которое следует учесть при создании новой сельскохозяйственной научной структуры в эколопсе „Верацунд“. В целях исправления явного перекоса в урбанизации республики, в особенности ее столицы — Еревана, и одновременно в целях закладки своего рода крепкого, организующего фундамента под современное здание эколопса как образца, новой формы рационального развития всей Армении в XXI веке следует собрать воедино в окрестностях отстроенного Ленинакана научные силы земледельцев.

Первым шагом должен стать перевод сюда из Еревана учебных и научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля. Вот там-то, на новых обширных землях, на вновь создаваемых по последнему слову сельскохозяйственной науки и весьма впечатляющей зарубежной практики животноводческих комплексах, тепличных комбинатах и будет — взамен столичных проспектов! — прекрасная научная и практическая база для будущих цивилизованных земледельцев Армении. Да и перегруженный сверх всякой меры Ереван вздохнет облегченно. Главное же, повторяю, будет заложена организационная и научная основа, будет сделан наконец первый существенный шаг по пути превращения сельскохозяйственного производства из губителя природы в ее заботливого и доброго помощника, в разумного приумножателя земных плодов и благ.

В этом случае эколопс станет вторым важнейшим научным центром республики, причем с весьма обширной специализацией в области сельскохозяйственного производства.

Зодчим следует принять в качестве первостепенной и

главной задачи создание с самого начала только благоустроенных поселков, своего рода поселков-садов, имеющих в то же время самые тесные взаимосвязи с четырьмя основными городами эконополиса — Ленинаканом, Спитаком, Степанаваном и Кироваканом. Благоустроенные поселки-сады, где жизненные условия селян будут ничуть не хуже городских, откуда при желании, воспользовавшись высококомфортабельным скоростным транспортом, можно будет за считанные минуты прибыть в основные культурные и научно-производственные центры эконополиса, могут вновь возродить крестьянство.

«Мы обязаны сделать наше поколение свидетелем возрождения армянского села и крестьянства, памятуя, что сила нации идет от земли». Эти верные слова из «Обращения ко всем архитекторам и строителям Армении», принятого на расширенном заседании правления Союза архитекторов Армении 25 декабря 1988 года, не должны оставаться втуне...

В наших республиканских газетах теперь ежедневно приходится читать о том, что при возведении жилья будут созданы «все необходимые условия для жизни людей». Но что-то дальше этих самых общих слов дело пока не идет. Желая и тут восполнить образовавшийся пробел, мы предлагаем включить в состав каждого сдаваемого новоселу «под ключ» жилого особняка, каждого коттеджа действующую гелиоустановку, которая будет почти круглогодично обеспечивать живущих в новых домах горячей водой.

Реализация нашего предложения не составит большого труда, если к этому делу привлечь одну из зарубежных фирм.

Почему непременно одну из зарубежных фирм? А вот почему. Первый «солнечный» дом (снабженный гелиоустановкой) был построен у нас в поселке Мерцаван в 1981 году. Разработанная республиканским Госстроем программа по использованию солнечной энергии на объектах жилищно-гражданского и производственного назначения и в коммунальном хозяйстве Армянской ССР была принята... аж в 1987 году! С января следующего года она стала директивным документом. Но легче от этого никому не сделалось. Правда, теперь функционирует кооператив «Аревик», занятый разработкой проектов солнечных домов. Не

говоря уже о целом ряде институтов (в их числе и «Ереванпроект»), для которых, видимо, не в новинку и не в первый раз «спустить на тормозах» перспективное дело.

Ну, а в Чехословакии, к примеру, уже есть портативные гелиоустановки для коттеджей и загородных дач. И дело, следовательно, только за их промышленным освоением. Может быть, даже на совместных началах, поскольку в Праге уже появилась действующая «солнечная» душевая — продукт совместной с Армянским филиалом НИИ химических источников тока разработки.

Так или иначе, но эту проблему можно решить, и она должна быть решена не позднее окончательной сдачи жилого фонда эконополиса в эксплуатацию.

А чтобы заранее не было никаких путей к отступлению, зодчим республики уже сейчас надо перейти к архитектуре зданий, предусматривающих наличие систем солнечного энергообеспечения. Тем более что, по заявлению директора Армянского филиала НИИ химических источников тока А. В. Вартамяна, научный и производственный потенциал вновь созданного НПО «Ахпюр» позволяет незамедлительно приступить к массовому производству гелиосистем.

Далее. В планируемых поселках-садах, не говоря уже о массовой городской застройке, необходимо создавать крупные функциональные строения — своеобразные «акценты» на фоне одноэтажных зданий и сооружений. И не совсем понятно в связи с этим какое-то пугливое, волонтаристское решение возводить жилые дома высотой не более чем в два-три этажа. Не дуем ли мы на воду, обжегшись на молоке, когда непродуманно и бездоказательно утверждаем, что для сейсмических районов годятся только низковысотные коттеджи? А как же тогда решаются на высотное — в сотни этажей! — жилищное и гражданское строительство в Японии?! Ведь там, как известно, постоянно, как ж д ы е о д и н н а д ц а т ь с е к у н д (!) где-то (и совсем не слабо) трясет.

Просто надо добиться того, чтобы все здания и сооружения в эконополисе „Верацунд“ возводили не «иваны, не помнящие родства», не преступники, благодаря которым в зоне бедствия было столько невинных жертв, столько невозполнимых утрат, а настоящие строители, душой болеющие за дело. И если наши зодчие и строители в состоянии возводить без чужой подсказки лишь малоэтажные жилые

коптеджи, то для создания проектов значительных общественных зданий в городах эконополиса (а возможно, и для их возведения) следует пригласить высококвалифицированных специалистов из других мест.

Кстати, было бы совсем не лишне пригласить для консультации при выработке общего градостроительного облика всего эконополиса „Верацунд“ и талантливейшего японского архитектора Кэндзо Тангэ, по сути первого ныне архитектора планеты.

Известно, что в многоцентровых одноосевых агломерациях (а именно таким в самом чистом виде является наш эконополис „Верацунд“) особенно велика защитная роль так называемых «буферных» зеленых зон между городами. «Зеленый пояс» можно с успехом использовать и для пространственного ограничения застройки города. И именно такой пояс должен быть возведен между новым Ленинаканом и его соседом — в целом выстоявшим под жестоким и слепым ударом стихии Гюмри. «Кумайри», этот музей армянской архитектуры седой старины под открытым небом, этот «самый армянский на планете город», должен остаться таким, каким и был в прошлом. Теперь же ему самой судьбой предначертана роль культурно-исторического центра республики. Парковая же зона будет служить для древнего «Кумайри» своеобразными легкими. Этими же легкими должен дышать и новый Ленинакан.

И здесь самое время вспомнить о так называемых «мостах Борзова» — специально создаваемых зеленых зонах, являющихся частью самой природы, включаемой в технический мир людей. Именно такие «мосты» и должны возникнуть в целом ряде мест (и особенно в межгородских пространствах) эконополиса. «Мосты Борзова» станут не только связующими звеньями разобщенных природных зон, но одновременно явятся прекрасными местами отдыха горожан. Вместе с зелеными поясами «мосты Борзова» создадут в регионе атмосферу высокой комфортности, живой близости к природе, особого эстетического наслаждения.

Напомним, что на проведенном в Японии конкурсе так называемой концептуальной архитектуры Юрий Борзов, выпускник Московского архитектурного института, за свой проект природного «моста» получил в 1988 году первую премию.

Несколько слов о Степанаванском районе, отличающемся

ся превосходными природными условиями. Основой приоритетного развития нового Степанавана, как, впрочем, и всего прилегающего к нему административного района, может стать, по нашему мнению, создание в его ближайших окрестностях Международного центра здоровья — первого не только в эконополисе „Верацунд“, но и во всей республике. Сразу же оговоримся: в этом центре будут поправлять здоровье не только зарубежные пациенты или туристы, но в первую очередь жители самого эконополиса, то есть всей Северной Армении.

Но вернемся к развитию промышленности. Трудно сейчас с достаточной точностью и избирательностью рекомендовать строительство тех или иных наукоемких производств в отдельности в каждом из пострадавших городов. Да и не в этом сейчас главное, поскольку многое по ходу восстановительных работ может уточняться и даже видоизменяться. Но если мы признаем и, главное, принимаем необходимость создания наукоемких производств, то следует незамедлительно принять и предложение американца Майкла Шелдона — президента компании «Шелдон Трейдинг». В тяжкие для армянского народа дни испытаний он послал из Америки в помощь пострадавшим медикаменты и медицинский инструмент, а затем, уже будучи в Ереване, предложил Минздраву республики основать совместное предприятие по производству медицинских изделий и инструментария. Это ли не прекрасная возможность увековечить столь ценимые ныне в мире милосердие и бескорыстное соперничество?! Но помимо проявления добрых человеческих чувств, в предложении американского бизнесмена присутствует и немалая польза для нас: продукция этого совместного предприятия всегда будет желанной во всех медицинских пунктах Армении, и не только ее.

Есть и другое заманчивое предложение, исходящее от югославов, — построить в Ленинакане завод по производству персональных компьютеров (100 тысяч в год).

Новый Ленинакан как научно-производственный центр эконополиса должен быть построен так, чтобы нерешенные проблемы века уходящего не портили светлого лица этого первенца Армении XXI века. А такой весьма актуальной и до сих пор неразрешимой для всех существующих городов республики проблемой является транспортная бытовая отходо-

Вакуумная централизованная переброска бытовых отходов по проложенным под землей трубам за черту каждого из городов на станции переработки — таким видится нам будущее этого нового, щадящего экологическую среду вида специализированного транспорта. Пневмотранспорт — бесшумная и безвибрационная система уборки отходов, поэтому она полностью безвредна.

Уже само положение возрождаемых из руин городов экополиса обязывает к созданию в них еще одного важного вида вспомогательного транспорта — пневматической почты. Сжатый воздух может не только удалить за черту города все бытовые отходы, но стать еще и основой для перевода почтовых ведомств новых городов на принципиально новые, а, главное, несравненно лучшие условия работы, в том числе и в экологическом плане...»

Таким видит будущий экополис Верацнунд ученый Е. Г. Хватков, выдержки из работы которого я привел. Утопия, фантазия, малая реальность практического воплощения? Спорность и просто неприемлемость отдельных положений? Возможно, даже наверняка. Но ведь существует в его «эвристическом прогнозе» и рациональное зерно, здоровая идея сделать жизнь в возрожденном крае более человеческой.

Участники семинара в Отделении экономики АН СССР, которым руководил академик А. Г. Аганбегян, к счастью, не отмахнулись, наоборот, проявили большую заинтересованность. Было, в частности, поддержано предложение направить поиск ученых и инженеров на широкое использование в Северной Армении гелиоустановок, ветровых двигателей, получил одобрение и ряд других идей.

После обсуждения доклада Хваткова было принято решение создать при Отделении экономики Академии наук СССР комиссию по содействию делу возрождения Северной Армении.

...Зима сменилась весной, весна — летом. В Северной Армении набирают темпы восстановительные работы. Идут они нелегко, проблем хоть отбавляй. И все-таки верится: придет обновление и на эту истерзанную стихией землю.

А мир узнает о новых и новых фактах помощи респу-

блике. Так, итальянская фирма ИНСО откликнулась на призыв журналистов многих стран возвести на собранные ими средства в Ереване Центр охраны материнства и детства. Итальянцы вызвались безвозмездно подготовить проект и осуществить строительство. Спустя полгода после катастрофы Минздрав Армении одобрил предварительный проект Центра. Скоро начнется само строительство.

Есть у армян выражение, аналог которому трудно сыскать в другом языке. В час беды и в час радости, в застолье и в дружеской беседе, в общении с близкими и с незнакомыми людьми произносят армяне всего два слова, таких коротких и таких емких: «цавт танэм». Всего два слова, но в них глубочайший смысл, в них пожелание здоровья, удач, счастья. «Цавт танэм» — унесу боль твою, развею твою печаль, приму ее на себя — так это буквально переводится.

И это не просто крылатое выражение. Стоило случиться трагедии на железной дороге в Башкирии, унесшей сотни жизней, как одними из первых на помощь пострадавшим вылетели армянские медики. Специальным самолетом было отправлено 6 тонн грузов, в том числе кровезаменители, противоожоговые средства, аппараты «искусственная почка». Армяне перечислили сотни тысяч рублей в фонд помощи жертвам катастрофы.

Среди тех, кто прибыл на место трагедии, были и посланцы Нагорного Карабаха. Они привезли с собой 40 ящиков медикаментов и 50 тысяч рублей.

Таково проявление подлинного интернационализма, отзывчивости к чужому горю. Вдвойне ценное, ибо исходит от народа, с трудом залечивающего нанесенные землетрясением раны.

... «Цавт танэм». Сколько раз в свои недавние приезды в республику слышал я эти слова, обращенные к спасателям, медикам, строителям, поспешившим в Армению по зову сердца. Слышал я их и по отношению к себе. Сейчас, в это трудное для древнего края время, я хочу в ответ произнести эти короткие и емкие слова, выразить свои чувства — сострадания и надежды.

Цавт танэм, Армения! Унесу боль твою...

От автора	67
ПЕРВЫЕ СУТКИ	69
«...Двинулись с мест своих»...	69
«Холмы скорби»	73
С бедой не один на один	77
«Не знала, на каком свете я была тогда...»	83
На боевом посту	89
«Не до статистики»	95
ВТОРЫЕ СУТКИ	100
«Мартирос» значит мученик	100
Эпицентр сострадания	106
То взлет, то посадка	114
Когда мужчины не стыдятся слез	117
ТРЕТЬИ СУТКИ	119
Отдать сердечное тепло	122
Алиса в бетонном «зазеркалье»	124
Сообщают наши зарубежные корреспонденты	129
Куда девались куртки?	132
ЧЕТВЕРТЫЕ СУТКИ	135
Хлеб, вода и гробы	135
Проявлять благоразумие	139
Белье, которое некому снять	142
Жизнь и смерть рядом	145
Гудят натруженные рельсы	147
Служба «Поиск»	148
ПЯТЫЕ СУТКИ	151
Синдром сдавления	151
«ВВ» на погонах	155
По законам гуманизма	157
Ходят слухи тут и там	160
В деревне близ Налбанда	161
Чужого горя не бывает	165
ШЕСТЫЕ СУТКИ	171
Пресс-конференция в Ереване	171
«Буду писать вторую часть „Реквиема“»... .	179
Забот не перечесать	184

СПУСТЯ НЕДЕЛЮ	188
«Шок начинает проходить»	188
Каков сейсмический потолок?	191
Предварительные итоги	200
КОГДА МИНОВАЛ МЕСЯЦ	210
Мать Тереза и другие	210
Жизнь возвращается в свое русло	215
Профессионалы или любители?	222
«Дни неудач как дни зимы...»	224
ВЕСНА СОЗИДАНИЯ	228
«Без этого нельзя жить»	228
Через сто дней после трагедии	232
Игрушки дарит супруга президента	234
Опасности мнимые и реальные	239
Единство и борьба противоположностей	243
«Спитакская программа»	249
НАПЕРЕКОР ЗЛОМУ РОКУ	252
Вторая волна последствий	252
«Экополис „Верацнунд“»	259

О Иркин, Иван Иванович
— Москва

Гай Д. И.
Г 14 Унесу боль твою... — М.: Юрид. лит., 1989. —
272 с.
ISBN 5-7260-0259-8

Книга рассказывает о недавних событиях, потрясших всю страну, весь мир, — о землетрясении в Армении, случившемся 7 декабря 1988 года, о борьбе с его последствиями, о горе и мужестве, отчаянии и надежде, братской интернациональной помощи жителям пострадавших городов и сел. Автор — московский журналист и писатель — был одним из очевидцев стихийного бедствия, поэтому его документальное повествование пронизано личными ощущениями, имеет особую эмоциональную окраску.

Для широкого круга читателей.

Г 4702010201-114
012(01)-89 КБ-15-10-89

84(2)7

ISBN 5-7260-0259-8

Давид Иосифович Гай

УНЕСУ БОЛЬ ТВОЮ...

Художник
И. Е. Сайко

Художественный
редактор
Э. П. Батаева

Технический
редактор
Т. А. Киселева

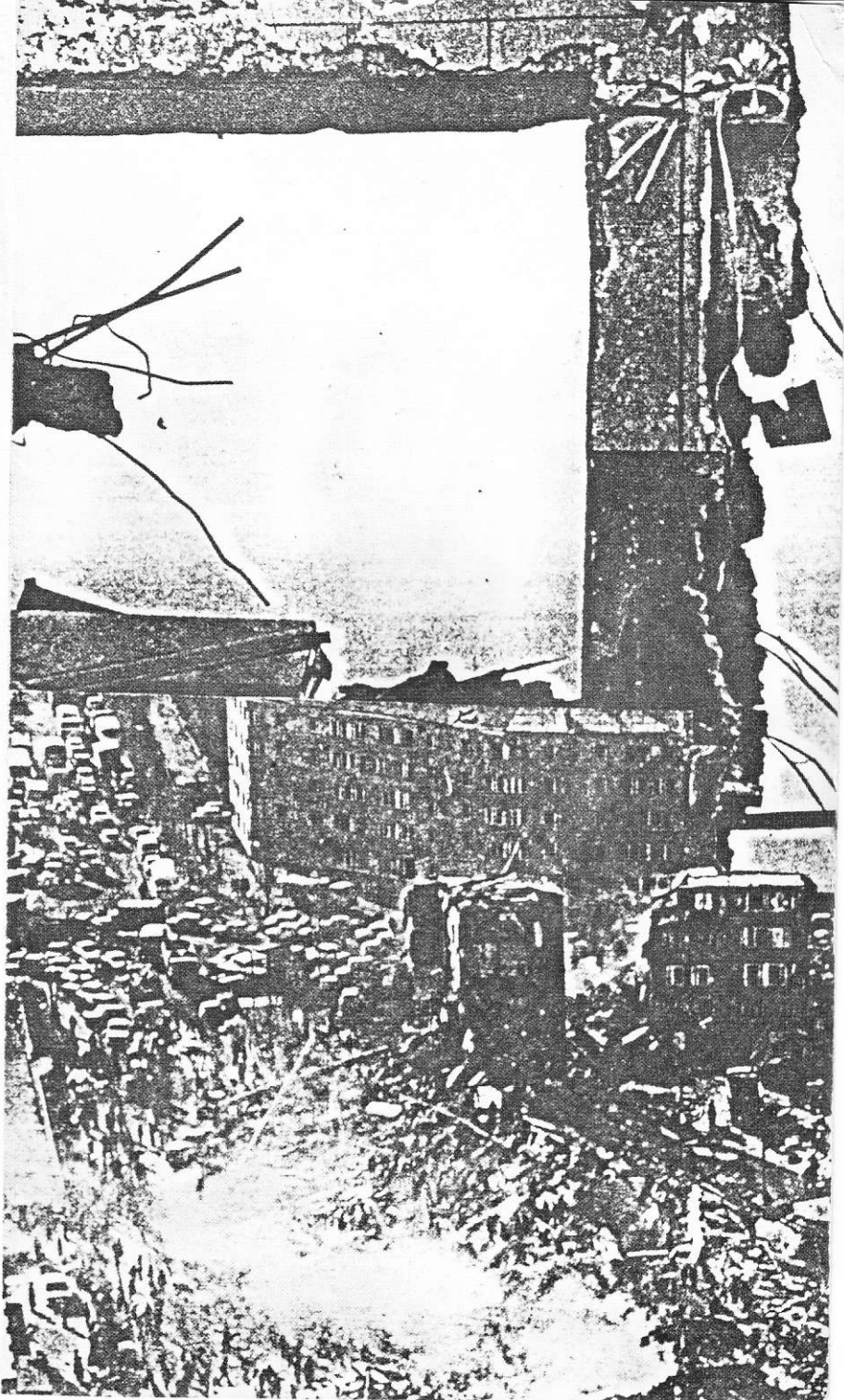
Корректор
Л. А. Перовская

ИБ № 2253.

Сдано в набор 11.05.89.
Подписано в печать 21.06.89.
А-00613. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага офсетная №1
Гарнитура Тип Таймс.
Печать высокая и офсетная.
Объем: усл. печ. л. 14,28;
усл. кр.-отт. 14,39; учет.-изд. л. 17,57.
Тираж 150 000 экз.
Заказ № 359. Цена 1 р. 60 к.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ
и фотонаборном оборудовании в ордена
«Знак Почета» издательстве «Юридическая
литература» 121069, Москва, Г-69, ул. Кача-
лова, д. 14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97

1 руб. 60 коп.

**Землетрясение в Армении:
записки очевидца**

ПЕРВЫЕ СУТКИ

ВТОРЫЕ СУТКИ

ТРЕТЬИ СУТКИ

ЧЕТВЕРТЫЕ СУТКИ

ПЯТЫЕ СУТКИ

ШЕСТЫЕ СУТКИ

СПУСТЯ НЕДЕЛЮ

КОГДА МИНОВАЛ МЕСЯЦ

ВЕСНА СОЗИДАНИЯ

НАПЕРЕКОР ЗЛОМУ РОКУ

